

Важнѣйшіе источники для опредѣленія времени крещенія Владиміра и Руси и ихъ данныя.

(По поводу мнѣнія проф. Соболевскаго).

Праздновавшееся 15 іюля 1888 года всероссійское торжество, въ воспоминаніе 900-лѣтія крещенія Кіева и земли русской, создало довольно значительную юбилейную литературу, побудило нѣкоторыхъ ученыхъ къ изслѣдованію тѣхъ вопросовъ, которые находятся въ самой тѣсной связи съ воспоминаемымъ событіемъ. Точное, обстоятельное и всестороннее изслѣдованіе эпохи св. Владиміра было несомнѣнно желательно, такъ какъ не мало вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ ней, не только рѣшалось разнорѣчиво, но и представляло область для неопредѣленныхъ и неясныхъ гаданій. Едва ли не первый, стоящій, такъ сказать, на очереди, вопросъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ юбилейнымъ торжествомъ, касался хронологіи воспоминаемаго событія, — того, когда (и гдѣ) принялъ христіанство св. Владиміръ и когда начато имъ крещеніе земли русской. Вопросъ этотъ издавна, — даже съ XII вѣка, отъ котораго записаны въ лѣтописи несогласныя показанія о мѣстѣ и, слѣдов., времени крещенія св. князя Владиміра (тѣсная связь между вопросомъ о мѣстѣ крещенія просвѣтителя Руси христіанствомъ и вопросомъ о времени этого событія достаточно, полагаемъ, выяснена въ нашей статьѣ) [1]), составлялъ предметъ разногласія и спора. Такимъ остается этотъ вопросъ и „до сего дне“. Понимая важность точнаго разрѣшенія его на основаніи извѣстныхъ теперь истори-

[1]) См. Хр. Чт. 1888 г. I, 599—600 стр.

ческихъ данныхъ, принимая во вниманіе важный и удобный случай къ этому—900-лѣтній юбилей крещенія Руси,—мы, заканчивая свою статью въ „Христіанскомъ Чтеніи“ („Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси“), и высказывали надежду, что, можетъ быть, въ юбилейной литературѣ появятся такіе почтенные и ученые труды, которые дадутъ возможность порѣшить возникшій спорный вопросъ утвердительно и окончательно [1]). Но, къ крайнему сожалѣнію, наши надежды рѣшительно не оправдались!..

Даже самая мысль о пересмотрѣ и провѣркѣ историческихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о времени крещенія св. Владиміра и Руси была встрѣчена нѣкоторыми неодобрительно и недоброжелательно. Когда возникъ объ этомъ предметѣ ученый споръ въ обществѣ препод. Нестора лѣтописца, то редакція „Странника“ нашла этотъ споръ „весьма несвоевременнымъ“ [2]). Послѣ этого трудно опредѣлить, какое же время болѣе удобно для разрѣшенія и пересмотра спорнаго вопроса!..

Конечно, далеко не всѣ раздѣляли взглядъ, высказанный редакціей „Странника“,—многіе находили вполнѣ естественнымъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ для разрѣшенія недоумѣннаго вопроса о времени крещенія Владиміра и Руси. Но въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ не оказалось существеннаго и желательнаго качества—согласія въ выводахъ изъ историческихъ свидѣтельствъ.

Въ итогѣ юбилейная литература представляетъ разнообразіе мнѣній по указанному нами вопросу, разнообразную оцѣнку древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, различное освѣщеніе и пониманіе историческихъ фактовъ...

Въ январьской книжкѣ „Трудовъ Кіев. Д. Академіи за 1888 г.“ г. Завитневичъ помѣстилъ небольшую статью („О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ“), въ которой, полемизируя съ г. П. Л., старавшимся защитить лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра и Руси [3]), доказывалъ, что хроно-

---

[1]) См. Христ. Чт. 1888 г. II, 161 стр.

[2]) Стран. 1888 г. II, 142 стр.

[3]) См. ст. г. П. Л. «Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ» въ сент. кн. «Кіевск. Стар.» 1887 г.

логія лѣтописи относительно времени крещенія св. князя и кіевлянъ, на основаніи извѣстій мниха Іакова, пр. Нестора, Льва діакона и Яхви антіохійскаго, какъ писателей древнѣйшихъ и авторитетныхъ, должна считаться неточною и требуетъ исправленія.

Эта статья г. Завитневича вызвала, конечно, сильныя возраженія, и 13 марта 1888 г. въ засѣданіи общества преп. Нестора лѣтописца проф. Соболевскій высказался противъ доводовъ автора статьи въ „Труд. К. Д. Ак.“, а въ іюньской книжкѣ „Журнала Мин. Народ. Просв.“ выступилъ печатно со своимъ мнѣніемъ, несогласнымъ со взглядомъ г. Завитневича,—съ мнѣніемъ, которое даетъ возможность видѣть и оцѣнить доказательства защитниковъ лѣтописи и возраженія ихъ противному мнѣнію, основанному на другихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

„Церковныя Вѣдомости“, желая дать своимъ читателямъ понятіе о нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и русскаго народа, позаботились ознакомить ихъ (читателей) и съ замѣткой проф. Соболевскаго. Упомянувъ о статьяхъ „Христ. Чтен.“ (Н. Левитскаго) и „Трудовъ К. Д. Ак.“ (г. Завитневича) и отославъ желающихъ ознакомиться съ ними къ тѣмъ журналамъ, которые помѣстили эти статьи, „Церк. Вѣд.“ воспроизводятъ главные доводы, „сущность статьи“ проф. Соболевскаго, ясно намекая на свое согласіе съ мнѣніемъ этого ученаго. При этомъ „Церков. Вѣдом.“ доводятъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что вкратцѣ передаваемая ими статья появилась въ „свѣтскомъ ученомъ журналѣ“, что она написана “профессоромъ университета,„ „ученымъ авторомъ“, „докторомъ славянской филологіи“ [1]). Полагаемъ, что не безъ цѣли дѣлаются эти указанія на ученую компетентность г. Соболевскаго. „Церк. Вѣд.“, видимо, желаютъ противопоставить авторитетъ университетскаго профессора авторитету г. Завитневича. Послѣдній— еще молодой ученый... Правда, и Соболевскій, и „Ц. Вѣд.“ называютъ его профессоромъ, но, если не ошибаемся, г. Завитневичъ пока не имѣетъ этого званія...

---

[1]) Церк. Вѣд. № 28, 747 стр. (1888).

Свою критическую статью по вопросу о времени крещенія св. Владиміра проф. Соболевскій писалъ въ опроверженіе мнѣнія г. Завитневича, но „Церков. Вѣдомости“ находятъ, что она направлена и противъ насъ, потому что „въ основаніе розысканій“ нами положены тѣ же источники, на которыхъ основываетъ свои сужденія и г. Завитневичъ, и потому, что мы приходимъ къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришелъ и Завитневичъ; слѣдов., не будучи написана непосредственно по нашему адресу, статья проф. Соболевскаго, въ существѣ дѣла, какъ полагаютъ „Церк. Вѣд.“, прямо касается и нашихъ сужденій по указанному вопросу, такъ что, по поводу ея, мы находимъ не только возможность, но и законное основаніе высказать свое мнѣніе, и даже считаемъ долгомъ сдѣлать это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познакомить читателей „Христіанскаго Чтенія“ съ аргументаціей ученаго доктора славянской филологіи и одного изъ защитниковъ лѣтописнаго разсказа.

Прямо и непосредственно касается нашей статьи замѣтка „Странника“, но она ни мало не затрогиваетъ справедливости нашихъ сужденій, не оцѣниваетъ правильности сдѣланныхъ нами выводовъ, она есть ни болѣе ни менѣе какъ выраженіе неудовольствія редакціи журнала, и за что же?

За то прежде всего, что у насъ находятся „сѣтованія на неудовлетворительность источниковъ для изученія эпохи Владиміра святого“. Но ужели сама редакція „Странника“ считаетъ удовлетворительными всѣ источники, имѣющіе отношеніе къ указанному предмету?.. Нами указана была и безъ всякихъ особенныхъ сѣтованій не особенная компетентность собственно греческихъ источниковъ, но противъ этого указанія, кажется, трудно и спорить...

Затѣмъ редакція „Странника“ видимо недовольна тѣмъ, что авторъ статьи „Христ. Чтенія“ „подвергаетъ строгому критическому разбору существующіе источники и пробуетъ извлечь изъ нихъ всѣ положительныя и несомнѣнныя данныя относительно времени и обстоятельствъ крещенія Руси“. Но какъ же иначе нужно было поступить? Не разбирать критически источниковъ? Или, можетъ быть, нужно было попытаться извлечь изъ нихъ сомнительныя данныя по затронутому нами вопросу?..

Да, чрезвычайно трудно, а вѣрнѣе, и невозможно угодить на всѣхъ людей!.. Довѣрчивое отношеніе къ источникамъ не одобряется: оно, говорятъ, свидѣтельствуетъ о недостаткѣ критицизма у автора, о неумѣніи поставить извѣстный вопросъ на научную почву; но и критическое отношеніе къ нимъ осуждается—въ немъ склонны заподозривать излишнюю строгость и, слѣдов., нѣкотораго рода несправедливость. Не легко избѣжать котораго нибудь изъ этихъ двухъ обвиненій со стороны придирчиваго читателя!..

Во всякомъ случаѣ, уже то обстоятельство, что мы изъ разбираемыхъ источниковъ пробуемъ извлечь положительныя и несомнѣнныя данныя, слѣдов., желаемъ сообщить читателямъ только вѣрныя свѣдѣнія, полагаемъ, прямо и рѣшительно говоритъ въ нашу пользу, какъ очевидное доказательство исканія нами истины. Иное дѣло, насколько удовлетворительна наша „проба“ извлечь изъ источниковъ положительныя и несомнѣнныя данныя,—но редакція „Странника“ этого не касается. Сдѣлать нѣсколько упрековъ по нашему адресу несомнѣнно гораздо легче, нежели разборъ нашей статьи (хотя бы и самый поверхностный). Впрочемъ, въ дальнѣйшей рѣчи, по поводу разсужденій проф. Соболевскаго, мы увидимъ, были ли мы вполнѣ неправы въ своихъ изысканіяхъ касательно времени крещенія св. Владиміра и Руси.

Но о „Странникѣ“ мимоходомъ. Наша рѣчь будетъ о критической статьѣ проф. Соболевскаго, помѣщенной въ „ученомъ свѣтскомъ журналѣ Мин. Нар. Просв.“. Впрочемъ, высказывая свои замѣчанія по поводу мнѣнія ученаго профессора, мы имѣли въ виду и нѣкоторыя другія извѣстныя намъ статьи, написанныя по случаю праздновавшагося 900-лѣтняго юбилея крещенія св. Владиміра и Руси и касающіяся времени этого великаго и приснопамятнаго событія.

Двоякій отвѣтъ данъ въ юбилейной литературѣ на вопросъ о времени принятія христіанства св. Владиміромъ и о времени крещенія земли русской. Первый—основанъ на лѣтописи и ея хронологическихъ данныхъ; второй — опирается на показанія инока Іакова, провѣренныя и подтвержденныя другими русскими источниками (кромѣ лѣтописи) и иноземными писателями (греками и ара-

бами). Проф. Соболевскій держится перваго мнѣнія, хотя и не безъ ограниченій: онъ допускаетъ возможность критическаго отношенія къ лѣтописи и самъ не всегда (какъ увидимъ ниже) довѣряетъ ея показаніямъ, чѣмъ уже не мало подрываетъ авторитетъ того источника, который онъ считаетъ единственно надежнымъ при установленіи даты крещенія Владиміра и Кіева. Однако, такое скептическое и недовѣрчивое отношеніе къ лѣтописи вовсе не мѣшаетъ Соболевскому отвергнуть почти всякое значеніе у другихъ историческихъ памятниковъ и отдать ей предпочтеніе предъ всѣми. Этой цѣли ученый профессоръ достигаетъ троякимъ путемъ: во-первыхъ, онъ доказываетъ, что „Похвала Володимеру" мниха Іакова, „Сказаніе объ убіеніи св. Бориса и Глѣба" неизвѣстнаго автора и „Чтеніе о погубленіи" ихъ пр. Нестора,— эти источники, выставляемые какъ противовѣсъ лѣтописи,—уступаютъ послѣдней по древности и, слѣдов., по авторитетности. Во-вторыхъ, проф. Соболевскій находитъ, что хронологическія данныя въ „похвалѣ" мниха Іакова, на которыхъ собственно и основано скептическое отношеніе къ хронологіи лѣтописи, не только не противорѣчатъ лѣтописнымъ даннымъ, но и прямо подтверждаютъ ихъ. Наконецъ, въ третьихъ, ученый докторъ славянской филологіи полагаетъ, что извѣстія иноземныхъ писателей (по крайней мѣрѣ на его личный взглядъ) не подтверждаютъ мнѣніе г. Завитневича, т. е. мнѣніе неблагопріятное для лѣтописи и несогласное съ ея хронологіей.

Этимъ планомъ ученой аргументаціи проф. Соболевскаго опредѣляется и порядокъ нашей статьи.

Мы разсмотримъ: a) на какихъ основаніяхъ и справедливо ли „похвала" св. Владиміру и два сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ признаются произведеніями болѣе поздними, чѣмъ лѣтопись.

b) Правильно ли соглашеніе хронологіи мниха Іакова съ хронологіею начальной лѣтописи.

c) Действительно ли извѣстія иноземныхъ писателей не подтверждаютъ взглядъ несогласный съ лѣтописью и не противорѣчатъ показаніямъ послѣдней.

I.

Первымъ и важнѣйшимъ историческимъ памятникомъ, на которомъ главнымъ образомъ, почти исключительно, основано мнѣніе неблагопріятное для лѣтописи, безспорно признается „Похвала князю русскому Володимеру“ мниха Іакова. Открытая пр. Макаріемъ и напечатанная имъ въ 1849 г. (въ „Христ. Чт.“), она немедленно обратила на себя вниманіе ученыхъ, какъ замѣчательное произведеніе древности, составленное совершенно независимо отъ лѣтописи. А профес. Голубинскій, составляя свой капитальный трудъ—„Исторію русской церкви“, положилъ „Похвалу“ въ основаніе своихъ розысканій о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра. Но вслѣдъ за этимъ въ судьбѣ произведенія мниха Іакова настаетъ рѣзкая перемѣна... Между тѣмъ, какъ раньше, вскорѣ послѣ напечатанія „Похвалы“, ученые (пр. Макарій, Срезневскій, Погодинъ и др.) отнеслись къ ней съ должнымъ вниманіемъ, старались оцѣнить ея показанія безъ всякой преднамѣренной цѣли умалить этотъ памятникъ предъ лѣтописью; теперь же, послѣ попытки проф. Голубинскаго—обосновать свои сужденія на „Похвалѣ“ Владиміру, защитники лѣтописнаго разсказа поняли, какая серьезная опасность угрожаетъ ихъ взгляду со стороны показаній мниха Іакова [1]), и рѣшили во что бы то ни стало устранить эту опасность, для каковой цѣли стали изыскиваться различныя средства — перетолкованіе словъ Іакова, соглашеніе его показаній съ показаніями лѣтописи и, какъ болѣе надежное и вѣрное средство, отрицаніе древности „Похвалы“. Напрасно г. Завитневичъ полагаетъ, что защитники лѣтописи не рѣшились «отрицать компетентности“ Іакова [2]); желаніе отстоять свое мнѣніе побудило ихъ и на этотъ, кажется, уже послѣдній шагъ...

Въ числѣ лицъ, неблагосклонно относящихся къ показаніямъ „Похвалы“ и скептически смотрящихъ на ея хронологическія данныя, едва ли не самое видное мѣсто занимаетъ проф. Соболев-

---

[1]) См. Труд. Кіев. Д. Ак. II, 657 стр.
[2]) Ibid.

скій, придающій, какъ увидимъ ниже, слишкомъ малое значеніе тому памятнику, который нѣкоторыми учеными признанъ наиболѣе древнимъ и наиболѣе авторитетнымъ.

„Похвала" кн. Владиміру, разсуждаетъ ученый докторъ славянской филологіи, несомнѣнно принадлежитъ Іакову мниху (какъ будто кто нибудь въ этомъ сомнѣвался!), но мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, когда жилъ этотъ писатель. Мнѣніе, что онъ—тотъ Іаковъ, котораго Ѳеодосій печерскій хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ и есть ни что иное, какъ ни на чемъ не основанная догадка" [1]).

Совершенно справедливо, что мы не имѣемъ вполнѣ несомнѣнныхъ свѣдѣній о жизни писателя „Похвалы". „Въ древней Руси, говоритъ проф. Голубинскій, авторская слава вовсе не составляла чего нибудь слишкомъ высоко цѣнимаго, такъ чтобы люди имѣли побужденія слишкомъ дорожить ею и слишкомъ искать ея" [2]). Вслѣдствіе этого мы знаемъ по имени почти только тѣхъ писателей, которые сами называютъ себя, и иногда знаемъ лишь то, что они сами сообщаютъ о себѣ, какъ дѣлаютъ это преп. Несторъ и первый лѣтописецъ. Послѣдній, не смотря на чрезвычайную важность его труда, доселѣ составляетъ предметъ несогласій, такъ какъ не назвалъ себя по имени, хотя передалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни [3]). Удивительно ли послѣ этого, что мы ничего не знаемъ о писателѣ „Похвалы", кромѣ его имени, которое сообщилъ онъ самъ?!..

Справедливо и то, что отожествленіе автора „Похвалы" съ тѣмъ пресвитеромъ Іаковомъ, который упоминается въ лѣтописи подъ 1074 г., не есть несомнѣнный фактъ, хотя рѣшительно нѣтъ ничего невѣроятнаго въ такомъ отожествленіи [4]).

Но допустимъ, что Іаковъ—писатель и Іаковъ—инокъ печерской обители, предназначавшійся Ѳеодосіемъ въ игумены,—со-

---

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 397 стр.
[2]) Ист. р. ц. I, 1, 108 стр.
[3]) См. Лѣт. подъ 1051 г., 1065, 1091 и др. год.
[4]) См. Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 304 стр; Мак. II, 143–144 стр. Голуб. I, I, 615 стр. Ср. Тр. Кіев. Д. Ак. 1888 г. II, 654 стр.

вершенно отдѣльныя лица; пусть о первомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній,—какой же выводъ слѣдуетъ отсюда? Можно ли на этихъ отрицательныхъ данныхъ обосновать мнѣніе, что авторъ „Похвалы“ жилъ позднѣе XI в., къ каковому заключенію и клонитъ свою рѣчь проф. Соболевскій?

Вышеуказанное разсужденіе доктора слав. филологіи направляется къ тому, чтобы отнести составленіе „Похвалы“, какъ можно, къ болѣе позднему времени—изъ XI в. въ XII и даже XIII в. Здѣсь проф. Соболевскій дѣлаетъ попытку новой, до него, кажется, неизвѣстной, постановки изслѣдованія о мнихѣ Іаковѣ. Г. Завитневичъ, противъ котораго и писалъ свои критическія замѣчанія Соболевскій, не касается вопроса о времени жизни писателя „Похвалы Володимеру“. Ссылаясь на Іакова, онъ имѣлъ въ виду „общее мнѣніе“ ученыхъ, признающее этого писателя древнѣйшимъ и авторитетнымъ [1]). Съ большею вѣроятностію можно сказать, что трудно было даже и ожидать возраженія съ той стороны, съ которой возражаетъ проф. Соболевскій, — со стороны древности и компетентности писателя „Похвалы“, и г. Завитневичъ, какъ мы знаемъ, дѣйствительно считаетъ невозможнымъ такое возраженіе.

И въ самомъ дѣлѣ, что Іаковъ—писатель XI в. и древнѣе лѣтописца,—это авторитетными учеными признано за несомнѣнный фактъ. Погодинъ выдаетъ даже за историческое положеніе, что Іаковъ черноризецъ, написавшій „Похвалу Володимеру“ — современникъ св. Ѳеодосія, жилъ во время Ярослава и сына его Изяслава [2]).

В. Г. Васильевскій называетъ „Похвалу“ драгоцѣннымъ памятниковъ XI в. [3]). Наконецъ, не приводя мнѣнія пр. Макарія, проф. Голубинскаго и друг. [4]), укажемъ, что проф. Кирпичниковъ, несогласный съ тѣми, которые довѣряютъ Іакову больше, чѣмъ лѣтописи, признаетъ „Похвалу“ „документомъ (какой оффи-

---

[1]) Тр. К. Д. Ак. 1888 г. I, 130 стр.

[2]) Изв. II отд. Ак. Наукъ. Лист. 21, стр. 332. Т. К. Д. Ак. 1888 г. II, 647 стр.

[3]) Жур. М. Н. Пр. 1876 г. Март., 157 стр.

[4]) Ист. р. ц. Мак. II, 143—144 стр.; Голуб. I, I, 615 и слѣд.

ціальный языкъ!) несомнѣнно древнимъ (или современнымъ лѣтописи, или древнѣе ея) и подлиннымъ" [1]).

Проф. Соболевскій держится взгляда прямо противоположнаго сейчасъ указанному. Отвергнувъ тождество Іакова—писателя съ Іаковомъ—пресвитеромъ и современникомъ преп. Ѳеодосія, сказавъ, что о первомъ мы не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній, проф. Соболевскій даетъ тѣмъ полный просторъ относить написаніе „Похвалы" къ какому угодно времени. А такъ какъ цѣлію ученаго доктора было доказать, что ошибаются тѣ, которые считаютъ Іакова писателемъ XI в., то онъ и пытается найти въ самой „Похвалѣ" такіе признаки, по которымъ можно отнести написаніе ея ко времени, насколько возможно, болѣе позднему. И признаки эти проф. Соболевскимъ отысканы...

„Старанія „Похвалы", говоритъ онъ, оправдать канонизацію Владиміра и уничтожить сомнѣнія въ его святости („не дивися, возлюбленніи, аще чюдесъ не творитъ по смерти") показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ едва ли не того времени, когда Владиміръ былъ канонизованъ нашею церковію, т. е. конца XII или начала XIII столѣтія, слѣдов., съ памятникомъ, уступающимъ въ древности нашей лѣтописи" [2]). Такимъ образомъ, проф. Соболевскій утверждаетъ, что поводомъ и побужденіемъ къ написанію Іаковомъ „Похвалы" было отрицаніе кѣмъ-то уже совершившейся канонизаціи св. князя Владиміра; а такъ какъ канонизацію эту онъ относитъ къ концу XII в. и къ началу XIII, то „Похвала" не могла быть написана раньше этого времени.

Не мало недоумѣній возбуждаетъ эта ученая аргументація ученаго профессора. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, справедливо ли канонизація св. Владиміра отнесена Соболевскимъ къ концу XII в. или къ началу XIII? Едва ли. На чемъ основываетъ свое мнѣніе ученый профессоръ, неизвѣстно; только оно—это мнѣніе—не находится въ согласіи съ извѣстными теперь изысканіями о времени канонизаціи крестителя Руси.

Такъ, пр. Филаретъ и пр. Макарій полагали, что почитаніе

---

[1]) Прав. Обоз. 1888 г. Окт. 403 стр.
[2]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 397.

св. Владиміра началось рано, еще въ правленіе сына его Ярослава, и тогда несомнѣнно признавали его въ ликѣ святыхъ [1]). Такое мнѣніе, въ случаѣ его принятія, было бы рѣшительнымъ отрицаніемъ того доказательства проф. Соболевскаго, которымъ онъ хочетъ отнести написаніе „Похвалы" къ болѣе позднему времени. Однако, признать правильнымъ это мнѣніе преосв. историковъ нѣтъ возможности, и то, что пр. Макарій полагаетъ какъ несомнѣнное, на самомъ дѣлѣ крайне сомнительно. Правда, пр. Макарій ссылается на слово Иларіона о законѣ и благодати; но это-то доказательство и не доказываетъ того, въ подтвержденіе чего приводится. „Обращенія къ лицу Владиміра и эпитеты, прилагаемые къ нему великій каганъ, учитель, отче честный и пр.), ясно говорятъ, что Иларіонъ и его современники не чествовали Владиміра какъ святого" [2]). Впрочемъ, проповѣдникъ называетъ просвѣтителя русской земли апостоломъ, блаженнымъ, человѣкомъ, сподобившимся небесныхъ почестей [3]), но дѣлаетъ крайне осторожно, съ цѣлію указать на то, чего достоинъ св. князь за совершенный имъ подвигъ крещенія земли русской и за свои добродѣтели. А что особенно важно,—Иларіонъ нигдѣ не называетъ Владиміра святымъ; а такія слова, какъ: „встань отъ гроба твоего, честная главо!.. ты не умеръ, но *спишь до общаго всѣмъ востанія*... посмотри, какъ *Господь не оставилъ тебя безъ памяти на землѣ, въ сынѣ твоемъ*",—едва ли могутъ быть обращены къ прославленному и канонизованному святому. . . . .

Да и слишкомъ трудно допустить, чтобы Владиміръ, скончавшійся въ 1015 г., къ 1051 г. (въ которомъ Иларіонъ былъ избранъ въ митрополиты, а слово о законѣ произносилъ онъ въ санѣ пресвитера) былъ уже канонизаннымъ святымъ. Подобная канонизація была бы слишкомъ поспѣшною. Если принять во вниманіе, что монахи кіево-печерскаго монастыря только черезъ 34 года послѣ смерти Ѳеодосія и чрезъ 17 лѣтъ послѣ перенесенія мощей его ходатайствуютъ предъ княземъ (Святополкомъ) и то не о ка-

---

[1]) Мак. I, 95—96 и 103. Филар. Ист. р. ц. I, 95—96 стр.
[2]) Стран. 1888 г. II, 198 стр.
[3]) Прибавл. къ Твор. св. От. 1844 г. II ч. 248, 342, 244, 270 стр.

конизація бывшаго игумена печерскаго, а только о внесеніи имени его въ „сенаникъ" для поминовенія „на соборѣхъ" [1]), т. е. въ синодикъ, читаемый въ недѣлю православія [2]), то тѣмъ труднѣе будетъ согласиться, что Владиміръ чрезъ какія нибудь 30 лѣтъ послѣ смерти былъ уже канонизованнымъ святымъ.

Къ тому же долго жившая въ народѣ память „о пированьяхъ—почетныхъ пирахъ и о столованьяхъ—почетныхъ столахъ" Владиміра (какъ догадывается проф. Голубинскій)[3]), полное отсутствіе чудесъ [4]) (какъ засвидѣтельствовано мнихомъ Іаковомъ) оказались сильнымъ тормазомъ къ скорѣйшему прославленію памяти крестителя земли русской. Дѣйствительно, авторъ „житія Володимерова" и первый лѣтописецъ, писавшіе гораздо позднѣе Иларіона, удостовѣряютъ, что память Владиміра не чтится русскими людьми и за него не возносятся молитвы въ день преставленія, и что, если бы эти молитвы возносились съ должнымъ усердіемъ, то Богъ прославилъ бы его [5]). Очевидное доказательство того, что Владиміръ въ началѣ XII в. не былъ еще канонизованнымъ святымъ.

По позднѣйшимъ и болѣе надежнымъ историческимъ изысканіямъ, канонизація равноапостольнаго князя совершилась гораздо позднѣе сейчасъ указаннаго срока и именно около половины XIII в. Мнѣніе это, принадлежащее проф. Голубинскому, развито проф. Малышевскимъ. Первый, въ формѣ только вопроса, высказалъ, что празднованіе памяти Владиміра установилъ Александръ Невскій послѣ одержанной побѣды надъ шведами 15 іюля 1240 г. [6]), а второй утвердительно говоритъ и обстоятельно доказываетъ, что именно невская побѣда Александра Ярославича была поводомъ къ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 272—273 стр. (1108 г.) Л. по Ип. сп. 187—188 стр.

[2]) Голуб. I т. II пол. 336 стр.

[3]) Голуб. I т. I пол. 160 стр.

[4]) Хр. Чт. 1849 г. Нояб. 324 стр. Мак.; I, 260 стр.

[5]) Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 334 стр.; Мак. I, 268 стр.; Лѣт. по Лавр. сп. 128 стр.; Лѣт. по Ипат. сп. 91 стр.

[6]) Голуб. I т. II пол. 340 стр. 1-е прим.

канонизаціи крестителя земли русской [1]). И если бы мнихъ Іаковъ дѣйствительно писалъ по тому поводу, который предполагаетъ проф. Соболевскій, т. е. для оправданія совершившейся канонизаціи Владиміра, то „Похвала“ могла быть написана не раньше половины XIII в. и мнѣніе этого ученаго о времени ея появленія было бы невѣрно. Впрочемъ, можетъ быть, Соболевскій не согласенъ съ вышеуказаннымъ взглядомъ Голубинскаго и Малышевскаго на время прославленія памяти св. князя, въ такомъ случаѣ ему нужно доказать правильность своего мнѣнія и неосновательность другихъ сужденій.

Но дѣйствительно ли Іаковъ писалъ по тому поводу, который указанъ проф. Соболевскимъ?—вотъ вопросъ существенно важный для опредѣленія времени написанія „Похвалы“. Этимъ поводомъ, какъ указано выше, является канонизація Владиміра, а цѣлію составленія „Похвалы“—оправданіе этой канонизаціи, при чемъ неизбѣжно разумѣются такіе скептическіе люди, которые какимъ бы ни было образомъ отрицали ее, иначе на что же нужна апологія, если нѣтъ возражающихъ. Не легко понять указанные ученымъ профессоромъ побужденія къ составленію Іаковомъ похвальнаго слова Владиміру; а еще труднѣе согласиться съ ними!..

Какъ извѣстно, канонизація святыхъ принадлежитъ церкви и, представляя собою авторитетный голосъ ея, которому съ благоговѣніемъ должны внимать истинныя церковныя чада, не имѣетъ нужды въ защитѣ и оправданіи со стороны отдѣльныхъ членовъ ея. Всякое сомнѣніе касательно правильности канонизаціи есть недовѣріе къ авторитету церкви, посягательство на принадлежащее ей право. Положимъ, что въ нашъ скептическій вѣкъ такое отрицательное отношеніе къ авторитету церкви вполнѣ возможно; но возможно ли оно было въ XI—XIII вв.?.. Наши предки, несомнѣнно, думали, что святымъ, канонизованнымъ церковію, нужно молиться, память ихъ нужно чтить; въ честь ихъ составляли службы, писали житія, но не апологіи. И Іаковъ, безъ сомнѣнія, никогда не рѣшился бы выступить апологетомъ Владиміра, признан-

---

[1]) Труд. Кіев. Д. Ак. 1882 г. I, 51—69 стр.; Ср. Ibid. 1882 г. II, 295—296 стр.; Стран. 1888 г. II, 197—202 стр.

наго уже святымъ, не осмѣлился бы, такъ сказать, брать подъ свою защиту авторитетный голосъ церкви. Какъ „стараніе оправдать канонизацію и уничтожить сомнѣніе въ святости“ святого Владиміра, признаннаго таковымъ самою церковію, которая, конечно, имѣетъ вѣскія основанія для прославленія того или другаго святого, „Похвала“ представляетъ нѣчто непонятное, произведеніе единственное въ своемъ родѣ. И „Церковныя Вѣдомости“, видимо согласныя со взглядомъ проф. Соболевскаго на время происхожденія разбираемаго памятника, не рѣшаются повторять тотъ доводъ ученаго доктора слав. филологіи, на основаніи котораго написаніе „Похвалы“ отнесено къ концу XII или къ началу XIII в., т. е. стараніе Іакова оправдать канонизацію и уничтожить сомнѣніе въ святости св. Владиміра, и дѣлаютъ это, безъ сомнѣнія, потому, что не раздѣляютъ ученой аргументаціи профессора. Они говорятъ лишь, что „есть нѣкоторыя основанія отнести этотъ памятникъ (т. е. „Похвалу“) ко времени прославленія св. Владиміра, т. е. къ концу XII или къ началу XIII стол.“ [1]), при чемъ остается умолчаннымъ, по какому поводу и по какимъ побужденіямъ написана „Похвала“, хотя именно эти-то обстоятельства и были для Соболевскаго не только главнымъ, но и единственнымъ основаніемъ перенесть мниха Іакова изъ XI в. въ конецъ XII или даже въ XIII в. Такимъ образомъ, „Церк. Вѣд.“, смѣемъ думать, согласны съ нами въ томъ, что Іаковъ при составленіи „Похвалы“ князю Владиміру не имѣлъ въ виду оправданія канонизаціи и защиты святости признаннаго святымъ крестителя русской земли.

Кого собственно, какихъ сомнѣвающихся лицъ, скептически относящихся къ канонизованнымъ святымъ, желалъ бы убѣдить Іаковъ, — остается совершенно неизвѣстнымъ, и проф. Соболевскій этого вопроса не касается. Является даже сомнѣніе, были ли дѣйствительно такіе скептики, противъ которыхъ, по предположенію ученаго профессора, и ратуетъ мнихъ Іаковъ.

Можно указать, какъ на сомнѣвающихся лицъ, на митрополитовъ изъ грековъ, которые, говорятъ, „всегда относились скепти-

[1]) «Цер. Вѣд.» 1888 г. № 28, 748 стр.

чески (къ чему?) и затрудняли дѣло канонизаціи русскихъ святыхъ" [1]). Но затруднять канонизацію (только еще предполагаемую) и отрицать ее уже совершившуюся — далеко не одно и тоже. Полагаемъ, совершенно неоспоримо, что митрополиты-греки относились неблагосклонно къ прославленію святыхъ русской церкви и, насколько отъ нихъ зависѣло, старались затормозить дѣло канонизаціи ихъ. Вѣроятно и здѣсь—и въ дѣлѣ, касающемся исключительно вѣры и церкви — высказался надменный и пренебрежительный взглядъ грековъ на все, что было не греческаго, варварскаго. И могли ли наши крестители, считавшіе себя самыми вѣрными глашатаями истины каѳолической и самымъ просвѣщеннымъ народомъ въ мірѣ, вполнѣ сочувственно отнестись къ попыткамъ русскихъ—этихъ новообращенныхъ ко Христу варваровъ—указать, что и они—новое стадо—пріобрѣли благоволеніе Божіе, имѣютъ своихъ ходатаевъ предъ Богомъ за русскую землю, своихъ молитвенниковъ, которые, въ сознаніи народа, приравнивались къ великимъ представителямъ церкви греческой?! Очень можетъ быть, что изъ чувства національной гордости грека проистекало невѣріе митрополита Георгія въ святость муч. Бориса и Глѣба даже послѣ ихъ канонизаціи [2]). Впрочемъ, это невѣріе требуетъ нѣкотораго уясненія. По словамъ пр. Нестора, „митрополитъ бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная"; а лѣтописецъ передаетъ, что Георгій „бѣ не твердъ вѣрою къ нима" („бяше не твердо вѣруя" [3]),—что, кажется, справедливѣе и согласнѣе съ событіемъ, бывшимъ при перенесеніи мощей св. мучениковъ. Это маловѣріе вовсе не должно считаться равнымъ отрицанію канонизаціи. У митрополита Георгія обнаружилось явное Ѳомино невѣріе: не бывъ самъ свидѣтелемъ ни одного чуда св. мучениковъ, онъ не вѣрилъ и въ совершеніе этихъ чудесъ, и когда увидѣлъ неправоту свою, созналъ ее и, по словамъ лѣтописи, „просяше прощенья". Для насъ особенно важно то, что по поводу недовѣрія митрополита-грека къ свято-

---

[1]) Стран. 1888 г. II, 202 стр.
[2]) Голуб. I, 1 пол. 232 стр.
[3]) Лѣт. по Лавр. сп. 172 стр. (1072 г.) Лѣт. по Ип. сп. 128 стр. (1072 г.).

стя мучен. Бориса и Глѣба никто изъ русскихъ (среди которыхъ не могло быть ни одного сомнѣвающагося въ святыхъ своихъ) не выступилъ съ апологетическимъ сочиненіемъ за св. мучениковъ: подобное дѣло, безъ сомнѣнія, считалось ненужнымъ и безцѣльнымъ; такихъ скептическихъ лицъ, какъ митр. Георгій, дѣйствительно могли увѣрить и убѣдить не слова, не разсужденія, а чудеса, какъ доказательства и увѣренія свыше. На этомъ основаніи полагаемъ, что Іаковъ въ своемъ произведеніи, которое „далеко не можетъ быть отнесено къ числу совершенныхъ“ [1]) со стороны внѣшней, въ которомъ нѣтъ „логическаго порядка“ [2]), едва ли могъ выступать съ такою задачею, которую усвояетъ ему проф. Соболевскій,—не только ослабить, но и уничтожить сомнѣніе въ святости св. Владиміра. Была ли эта задача, требующая хорошей литературной подготовки, по силамъ „худому мниху“, который, кажется, и самъ сознавалъ слабость своихъ силъ для выполненія предпринятаго имъ на себя труда, и котораго могло побуждать къ написанію „Похвалы“ исключительно благоговѣніе къ памяти св. равноапостольнаго князя и желаніе передать о его жизни нѣкоторыя черты, жившія въ памяти народа.

Впрочемъ, проф. Соболевскій напрасно строитъ догадки о поводѣ и о цѣли написанія „похвалы Володимеру“. Іаковъ, авторъ ея, безъ сомнѣнія, гораздо лучше ученаго профессора знавшій обстоятельства происхожденія своего произведенія, говоритъ нѣчто иное, чѣмъ Соболевскій. Побужденіемъ къ написанію „похвалы“ Іаковъ выставляетъ то именно, что, согласно заповѣди св. апостола Павла (2 Ѳ. II, 1—2) и по примѣру евангелиста Луки (VI, 1—4), „многихъ святыхъ писати начяша житіа и мученія. Также и онъ, „худый мнихъ Иіаковъ“, рѣшился написать „о благовѣрномъ (но не святомъ еще) князи Володимери всея рускыа земля“. Цѣлію написанія было изъ слышаннаго „отъ многихъ“ о крестителѣ Руси собрать и записать хотя кое-что „мало“, для памяти потомству и главнымъ образомъ о томъ—„како просвѣти благодать Божіа сердце князю рускому Володимеру... и вжажда

[1]) Голуб. I, I, 618 стр.
[2]) Труд. Кіев. Дух. Ак. 1888 г. II, 650 стр.

святого крещенія“ [1]). Гдѣ же здѣсь оправданіе канонизаціи и стараніе уничтожить сомнѣніе въ святости святого Владиміра?!.

Но допустимъ справедливость догадки проф. Соболевскаго, что Іаковъ писалъ „Похвалу“ для оправданія канонизаціи, для уничтоженія сомнѣнія въ святости Владиміра. Ясное дѣло, что выступая апологетомъ равноапостольнаго князя, Іаковъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ его канонизаціи, и самъ несомнѣнно признавалъ его святымъ и прославленнымъ угодникомъ Божіимъ. Такъ должно быть съ точки зрѣнія проф. Соболевскаго. А что мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Къ немалому удивленію оказывается, что Іаковъ, старающійся, по увѣренію Соболевскаго, оправдать и защитить св. Владиміра, нигдѣ не называетъ его святымъ. Составленное имъ сочиненіе надписывается: „Память и похвала князю рускому Володимеру“. Указавъ, что послѣ св. евангелиста Луки и по его примѣру „многихъ *святыхъ* писати начяша житіа и мученія“, Іаковъ съ своей стороны обѣщается однако написать не о святомъ, а „*о благовѣрнемъ* князѣ Володимери“. Здѣсь Іаковъ не только могъ, но неизбѣжно долженъ былъ назвать Владиміра святымъ, чего онъ однако не дѣлаетъ и тѣмъ даетъ полное основаніе утверждать, что не признаетъ его таковымъ и не знаетъ о его канонизаціи, тѣмъ болѣе, что непосредственно за приведенными словами называетъ Бориса и Глѣба святыми и славными мучениками [2]). Правда, въ дальнѣйшей рѣчи въ своей „Похвалѣ“ Іаковъ называетъ Владиміра блаженнымъ и треблаженнымъ [3]), но подобные эпитеты не равны названію „святымъ“. „Названіе блаженнаго, скажемъ словами проф. Н. И. Петрова, служило только одною изъ предварительныхъ ступеней къ полной канонизаціи извѣстнаго угодника Божія, подобно тому, какъ въ западной римской церкви и донынѣ *беатификація* (признаніе блаженнымъ) служитъ только подготовительною ступенью къ *санктификаціи* (признаніе святымъ) из-

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 316 стр.; Мак. I, 255—256 стр.
[2]) Ibid.
[3]) Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 319 стр. Мак. I, 257, 260, 261.

вѣстнаго лица" [1]). И въ древней Руси понимали, что „святый" и „блаженный" далеко не одно и то же, что ясно видно изъ выше приведенныхъ словъ преп. Нестора—„яко не свята блаженная", которыми указывается, что Борисъ и Глѣбъ могутъ считаться „блаженными", но могутъ не признаваться святыми.

Авторъ „житія блаж. Володимера", сказавъ, что кн. Владиміръ не чтится, какъ святой, и что за него не возносятся и молитвы въ день преставленія, въ заключительной молитвѣ обращаясь къ царямъ Константину и Владиміру, называетъ ихъ святыми („О, святая царя, Костянтине и Володимере!") [2]), выражая этимъ относительно крестителя земли русской только свое личное мнѣніе [3]), а не голосъ церкви. Іаковъ не рѣшился поступить даже подобно этому неизвѣстному писателю „житія" и ни разу не назвалъ Владиміра святымъ, хотя бы по своему личному убѣжденію. Если авторъ „Похвалы" самъ не обнаруживаетъ вполнѣ ясной и вполнѣ твердой увѣренности въ святости Владиміра, то могъ ли онъ брать на себя ту задачу, которую ему п р сываетъ проф. Соболевскій.

Ученый профессоръ, въ подтвержденіе правильности своей догадки о поводѣ и о времени написанія Іаковомъ „Похвалы", ссылается на слова: „не дивимся, возлюбленіи, аще чюдесъ не творитъ по смерти", но подобная ссылка вовсе не доказываетъ того, будто Іаковъ старается оправдать канонизацію и уничтожить сомнѣнія въ святости Владиміра. Желаніе автора „Похвалы"—указать, что и великій князь можетъ быть прославляемъ какъ святой. Вѣрно, что Владиміръ не творитъ чудесъ, но „многѣ святіи, праведніи, продолжаетъ Іаковъ, не сътвориша чудесъ, но святи суть", почему же не можетъ быть признанъ таковымъ и кіевскій князь?

Златоустъ говоритъ, что святость человѣка познается отъ дѣлъ, а не отъ чудесъ, а по дѣламъ-то, разсуждаетъ авторъ „Похвалы", „блаженный Володимеръ" вполнѣ достоинъ сдѣлаться наслѣдни-

---

[1]) Труд. Кіев. Д. Ак. 1888 г. II, 295 стр.
[2]) Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 334 стр.
[3]) Стран. 1888 г. II, 199 стр.

комъ рая вмѣстѣ со святыми, угодившими Богу, и далѣе эту мысль Іаковъ подробно доказываетъ исчисленіемъ дѣлъ Владиміра. „Конечно, подобная рѣчь была бы совершенно неумѣстна, какъ справедливо говоритъ г. Славнитскій, если бы уже тогда произошла канонизація св. Владиміра[1])" и „не было бы нужды этого доказывать"[2]), что именно доказываетъ Іаковъ. Еще разъ замѣчаемъ, что „Похвала", какъ попытка оправдать канонизацію и защитить святость уже святого Владиміра, представляетъ нѣчто странное, мало понятное и единственное въ этомъ родѣ произведеніе.

Однако, если Іаковъ говоритъ, что заключеніе о святости нужно дѣлать не отъ чудесъ, а отъ дѣлъ, то безъ сомнѣнія онъ имѣлъ къ тому побужденія, которыми можно опредѣлить до нѣкоторой степени и поводъ къ составленію „Похвалы".

Не подлежитъ сомнѣнію, что канонизація Владиміра не могла совершиться вскорѣ послѣ его смерти: различныя причины, о которыхъ отчасти мы упомянули и выше, могли затруднять это благое дѣло. Но рядомъ съ воспоминаніемъ о былыхъ пирахъ Владиміра жила память и о его равноапостольномъ подвигѣ—крещеніи земли русской, и чѣмъ больше христіанство входило, такъ сказать, въ плоть и кровь русскаго народа, тѣмъ съ большею благодарностію, большимъ благоговѣніемъ воспоминалось имя крестителя земли русской. Въ сознаніи, если не большинства русскихъ людей, то лучшей части изъ нихъ, подвигъ, совершенный св. Владиміромъ, дѣлалъ его равнымъ апостоламъ, великому Константину, участникомъ царства небеснаго.

Отсюда не трудно было придти къ мысли о канонизаціи и церковномъ прославленіи равноапостольнаго князя. Мнихъ Іаковъ несомнѣнно былъ изъ числа ревнителей такого прославленія. Но, къ огорченію русскихъ людей, оказывалось чрезвычайно важное препятствіе къ канонизаціи крестителя земли русской: Владиміръ не творилъ чудесъ. А между тѣмъ чудеса считались не только главнымъ, но и единственнымъ, кажется, вѣрнымъ признакомъ

---

[1]) Стран. 1888 г. II, 199 стр.
[2]) Голуб. I, II, 338 стр. 3 прим.

святости (даже предпочтительно предъ нетлѣніемъ мощей). Такъ, въ Ростовѣ одновременно открыты были мощи Леонтія и Исаіи, и однако къ лику святыхъ причисленъ былъ только первый, потому вѣроятно, какъ полагаетъ проф. Голубинскій, что при мощахъ его совершались чудотворенія [1]). Одновременно съ Борисомъ и Глѣбомъ отъ руки Святополка погибъ (въ 1015 г.) и третій сынъ Владиміра Святославъ [2]) (убитъ и погребенъ на Карпатахъ), однако никто и не думалъ считать его мученикомъ, такъ какъ тѣло его [3]) очевидно и несомнѣнно не творило чудесъ. „Житіе бл. Володимера“ и лѣтопись ясно даютъ знать, что чудеса считались необходимымъ условіемъ для канонизаціи. Оба памятника, упрекая русскихъ людей за нерадѣніе къ памяти св. князя, говорятъ: аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносити Богу за нь въ день преставленія его, — видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и“ [4]) и, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ чудотвореніями, послѣ которыхъ и могло бы послѣдовать прославленіе Владиміра, какъ святого.

Попытка причислить Владиміра къ лику святыхъ особенно могла появиться среди русскихъ людей послѣ канонизаціи свв. Бориса и Глѣба [5]). Мы склоняемся къ той мысли, что память Владиміра косвенно чтилась и до его канонизаціи, но не въ день его преставленія, но, какъ выражается составитель „Степенной книги“, „купно время“ [6]) съ Борисомъ и Глѣбомъ и, такъ сказать, въ лицѣ ихъ, „яко фюникъ высокъ възращаетъ и кистѣ двѣ созрѣли и мученика приносящи—Романа и Давида честьнаго“

---

[1]) Голуб. I, II пол. 341 стр.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 136 стр. Лѣт. по Ип. сп. 97 стр.

[3]) Тѣло св. Глѣба, безчестно погребенное на берегу р. Смядыни (см. Голуб. I т. II пол. 3-е прим. къ 334 стр.), было найдено и узнано по чудеснымъ знаменіямъ Хр. Чт. 1849 г. II, 39 и 397 стр.

[4]) Хр. Чт. 1849 г. Ноябр. 334 стр. Лѣт. по Лавр. сп. 128 стр. Лѣт. по Ип. сп. 91 стр.

[5]) Нужно принять во вниманіе, что Іаковъ написалъ сначала сочиненіе о Борисѣ и Глѣбѣ, а потомъ занялся собираніемъ свѣдѣній о св. Владимірѣ, для написанія ему «Похвалы».

[6]) Степ. кн. I. 43.

(т. е. Бориса и Глѣба [1]). Но прославленіе св. князя, если таковое могло быть въ памяти его сыновей—св. мучениковъ, очевидно не могло соотвѣтствовать желанію тѣхъ русскихъ людей, которые хотѣли бы почтить память равноапостольнаго крестителя земли русской. Но чѣмъ настойчивѣе обнаруживалась попытка причислить Владиміра къ лику святыхъ, тѣмъ съ большею силою выступало возраженіе, что, между тѣмъ какъ Борисъ и Глѣбъ сіяютъ чудесами, Владиміръ чудесъ не творитъ. Вотъ на это-то возраженіе, считающее чудеса единственнымъ признакомъ святости, и отвѣчаетъ Іаковъ словами: „не дивимся, возлюбленніи, аще чюдесъ не творитъ по смерти: мнози бо святіи праведніи, не сътвориша чудесъ, но святи суть" и проч. Это не оправданіе канонизаціи, а попытка между прочимъ убѣдить, что Владиміръ, хотя и не творитъ чудесъ, слѣдов., не имѣетъ, такъ сказать, внѣшняго признака и доказательства святости, можетъ быть признанъ святымъ на основаніи дѣлъ. На эту попытку Іаковъ рѣшается послѣ того, какъ уже отъ многихъ слышалъ о благовѣрномъ князѣ, о его достойныхъ памяти добродѣтеляхъ. Желаніе сохранить эту память отъ забвенія и вмѣстѣ стремленіе устранить препятствія къ церковному прославленію св. Владиміра и могли быть поводомъ къ составленію „Похвалы".

Можно обратить вниманіе еще на слѣдующее. По мнѣнію не профессора, впрочемъ, Соболевскаго, а тѣхъ, которые считаютъ Іакова древнѣйшимъ нашимъ писателемъ, послѣдній писалъ около 1070 г. [2]), и въ это время каѳедру русской митрополіи занималъ тотъ самый митрополитъ Георгій, который, какъ сказано выше, обнаружилъ явное Ѳомино невѣріе къ чудесамъ свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, а тѣмъ болѣе скептически относился къ канонизаціи Владиміра, не прославленнаго чудесами, хотя о такой канонизаціи можетъ быть и радѣли русскіе люди, благоговѣвшіе предъ равноапостольнымъ подвигомъ крестителя земли русской. Для Іа-

---

[1]) Служб. св. Влад. XIII в. Стран. 1888 г. II, 233 стр. Ср. Описан. рукоп. Имп. публ. библ. I, 440 стр.

[2]) Голуб. I, I, 103 и615—616 стр.

кова было полное побужденіе упомянуть о томъ, что чудеса не составляютъ необходимаго признака святости. Слова: „не дивимся, возлюбленіи...“ и т. д. вызывались, такъ сказать, потребностію времени!..

Наконецъ, нужно замѣтить, что проф. Соболевскій и самъ не вполнѣ увѣренъ въ справедливости своего предположенія, будто „Похвала“ составлена въ концѣ XII—въ началѣ XIII столѣтія: онъ выражается, что это сочиненіе *едва ли* не относится къ сейчасъ указанному періоду времени, и, слѣдовательно, позднѣе лѣтописи. Это „*едва ли*“ ясно показываетъ, что ученый профессоръ далеко не убѣжденъ въ томъ, что говоритъ относительно времени происхожденія „Похвалы Володимеру“ мниха Іакова. И „Церков. Вѣдом.“, передающія сущность ученой статьи проф. Соболевскаго, видимо признаютъ неособенную надежность и даже шаткость доводовъ этого ученаго для того, чтобы считать „Похвалу“ произведеніемъ конца XII или начала XIII вв. Они говорятъ лишь, что „есть *нѣкоторыя* основанія“ для такого предположенія; только „*нѣкоторыя*“, слѣдовательно не вполнѣ прочныя и не вполнѣ твердыя и не болѣе сильныя противоположнаго мнѣнія, относящаго „Похвалу“ къ XI в. Въ числѣ такихъ основаній „Церков. Вѣдомости“ ставятъ, *напримѣръ*, слова: „не дивимся, возлюбленіи...“ [1]). Это „*напримѣръ*“ даетъ ясно понять, что имѣются еще и другія основанія для предположенія проф. Соболевскаго, но какія же? „Церков. Вѣдом.“ ихъ не знаютъ, а Соболевскій, которому они въ данномъ случаѣ довѣряютъ, могъ указать только одно такое основаніе въ вышеуказанныхъ словахъ, которое, будучи невѣрно понято, вѣроятно и соблазнило его на перерѣшеніе вопроса о времени написанія „Похвалы“.

Отвергнувъ, хотя и не съ полною увѣренностію и на шаткомъ основаніи, древность „Похвалы“, признавъ ее произведеніемъ болѣе позднимъ, чѣмъ лѣтопись, проф. Соболевскій пытается опредѣлить ея первоисточникъ, изъ котораго Іаковъ почерпалъ свѣдѣнія, несогласныя съ лѣтописными показаніями. „Іаковъ мнихъ

---

[1]) Церк. Вѣд. 1888 г. № 28, 748 стр.

говоритъ ученый профессоръ, очевидно не зналъ лѣтописи и пользовался какимъ-то другимъ, кажется, очень важнымъ источникомъ, который намъ неизвѣстенъ, вслѣдствіе чего мы можемъ дѣлать только догадки объ отношеніи „Похвалы“ къ этому источнику и о способѣ Іакова имъ пользоваться“ [1]).

Мы, съ особеннымъ удовольствіемъ, могли бы отмѣтить признаніе ученаго профессора, что первоисточникъ „Похвалы“ Іакова очень важный, — это безъ всякаго сомнѣнія возвышаетъ цѣну и достоинство показаній самой „Похвалы“, — если бы догадка объ источникѣ, которымъ пользовался Іаковъ, не была сдѣлана совершенно бездоказательно и рѣшительно напрасно. Проф. Соболевскій совсѣмъ растерялся въ опредѣленіи того, какого рода памятникъ могъ быть подъ руками Іакова и какъ—умѣло или нѣтъ—авторъ „Похвалы“ воспользовался имъ, между тѣмъ нѣсколько ниже обвиняетъ Іакова въ грубыхъ ошибкахъ и даже въ искаженіи текста первоисточника, хотя такое тяжкое обвиненіе, какъ недоказанное (что мы увидимъ ниже), лежитъ пока на совѣсти ученаго доктора славянской филологіи.

А, между тѣмъ, Іаковъ, конечно, лучше проф. Соболевскаго знавшій источникъ своихъ свѣдѣній, самъ же и указалъ его въ слѣдующихъ словахъ: „*слышавъ* отъ многихъ о благовѣрномъ князѣ Володимери... и мало събравъ отъ многихъ я добродѣтели его написахъ“ [2]). Ясное дѣло, что писатель „Похвалы“ не имѣлъ подъ руками никакого письменнаго источника, догадки о которомъ тщетно строитъ проф. Соболевскій. Ученые историки давно обратили вниманіе на приведенныя сейчасъ слова Іакова и, руководствуясь ими, пришли къ выводу, что „Похвала“ составлена не на основаніи какихъ-либо писанныхъ памятниковъ, а только *по слухамъ* и, слѣдов., раньше лѣтописи [3]). Дѣйствительно, Іаковъ не знаетъ въ русской исторической литературѣ даже и образца для своего сочиненія о кн. Владимірѣ; предъ нимъ было только наставленіе

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 397 стр. Ср. слова г. Завитнев. Тр. К. Д. Ак. 1888 г. II, 654—655 стр.

[2]) Хр. Чт. 1849 г. II, 316 стр. Мак. I, 256; Голуб. I, I, 208 стр.

[3]) Мак. II, 142 стр. Голуб. I, I, 616 стр. Тр. К. Д. Ак. 1888 г. II, 192—193; 470 стр. 1-е прим. Ср. Ibid. II, 646—647 стр.

ап. Павла Тимоѳею (2 Тѳ. II, 1—2) и примѣръ церковной исторіографіи („житіа и мученія“), начатой евангелистомъ Лукою, и примѣръ изъ русской исторіографіи въ его же собственномъ сочиненіи о св. мученикахъ—Борисѣ и Глѣбѣ. Эти указанія Іакова даютъ полное право на заключеніе, что „онъ *первый*, рѣшившійся написать о Владимірѣ и о Борисѣ съ Глѣбомъ, и вообще *первый историческій писатель*“ [1]).

Если бы Іаковъ жилъ и писалъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII в., какъ предполагаетъ проф. Соболевскій, когда Владиміръ, по словамъ того же ученаго, былъ уже канонизованнымъ святымъ, то ужели изъ многихъ лицъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія о св. князѣ, никто и не слыхалъ, что существуетъ преданіе, записанное уже въ лѣтописи и сообщающее подробности о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра?!. Немыслимо допустить, чтобы канонизованный святой, какимъ проф. Соболевскій представляетъ Владиміра во время написанія „Похвалы“, не имѣлъ никакого составленнаго въ честь его житія, и память о немъ жила лишь въ устномъ преданіи. Житія, хотя бы и самыя краткія, образецъ которыхъ можно видѣть въ проложномъ житіи св. Владиміра XIII—XV вв. [2]), иногда даже предшествовали канонизаціи и прославленію святого (что, наприм., извѣстно объ Авраамін смоленскомъ [3]) и во всякомъ случаѣ неизбѣжно должны были сопровождать ихъ. Почему же Іаковъ, если онъ писалъ въ то время, которое указываетъ проф. Соболевскій, не зналъ и видимо не предполагалъ никакихъ записанныхъ свѣдѣній о св. Владимірѣ?.. Это потому, безъ сомнѣнія, что тогда, т. е. во время написанія Іаковомъ „Похвалы“, не существовало никакихъ письменныхъ памятниковъ о свят. князѣ. А коль скоро мы согласимся, что „Похвала“ написана только на основаніи устнаго преданія,—съ чѣмъ, по нашему мнѣнію, нельзя не согласиться въ виду свидѣтельства самого составителя ея,—то должны будемъ необходимо признать, что это

---

[1]) Голуб. I т. I пол. 616 стр. Труд. К. Д. Ак. 1888 г. II, 664 стр.

[2]) «Житіе» XIII в. напечат. въ Стран. 1888 г. II, 190—192 стр. «Житіе» XV в. см. у Голуб. I. I пол., 214—216 стр.

[3]) Голуб. I т. II пол. 341 стр.

преданіе, которымъ пользовался Іаковъ, было слишкомъ свѣжее, такъ какъ въ немъ сообщались свѣдѣнія иногда столь подробныя, которыя со временемъ, пожалуй, легко могли изгладиться изъ памяти. Впрочемъ, мы знаемъ, что и проф. Соболевскій признаетъ первоисточникъ Іакова очень важнымъ, по всей вѣроятности, по достоинству сообщаемыхъ въ немъ и воспроизведенныхъ въ „Похвалѣ" свѣдѣній (иначе почему же?), а такъ какъ этимъ первоисточникомъ было устное преданіе, несомнѣнно предшествовавшее письменнымъ памятникамъ, то его очевидно нужно считать источникомъ очень свѣжимъ, близкимъ къ тому времени, о которомъ разсказывается въ немъ.

Итакъ, попытка проф. Соболевскаго отвергнуть древность „Похвалы Володимеру" и тѣмъ подорвать авторитетъ ея должна считаться несостоятельною и неудовлетворительною. „Похвала" несомнѣнно написана до канонизаціи Владиміра, на основаніи только устнаго преданія, очень свѣжаго и заслуживающаго довѣрія (Іаковъ писалъ, слышавъ „*отъ многихъ*"), и прежде лѣтописи. По вопросу о времени происхожденія сочиненія Іакова и о достоинствѣ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, приходится, такимъ образомъ, вернуться къ тому мнѣнію, противъ котораго выступилъ съ своими критическими замѣчаніями проф. Соболевскій, т. е., что „Похвала"—драгоцѣнный памятникъ XI в., составленный раньше нашей начальной лѣтописи. И въ юбилейной литературѣ мнѣніе Соболевскаго о сравнительно позднемъ происхожденіи „Похвалы" является, кажется, одинокимъ, и мы увѣрены, что Іаковъ и на будущее время сохранитъ издавна признанный за нимъ авторитетъ. Впрочемъ, какъ мы знаемъ, проф. Соболевскій и самъ не вполнѣ увѣренъ въ справедливости своего мнѣнія, и ниже, какъ бы въ противорѣчіе себѣ, выдвигаетъ авторитетъ Іакова, такъ что противопоставляетъ его авторитету несомнѣнно древнѣйшихъ писателей, въ родѣ преп. Нестора.

II.

Второе произведеніе, на которомъ основываетъ свои выводы г. Завитневичъ и относительно древности котораго съ нимъ не

согласенъ проф. Соболевскій, есть „Сказаніе страстей и похвала о убьеніи св. мученику Бориса и Глѣба“ неизвѣстнаго автора. Сочиненіе это имѣетъ, впрочемъ, косвенное отношеніе къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси, а потому о времени написанія его мы должны ограничиться немногими замѣчаніями и главнымъ образомъ примѣнительно къ сказанному объ этомъ предметѣ проф. Соболевскимъ.

Прикрываясь ссылкою на Иловайскаго (Ист. Рос. I, 313), ученый профессоръ отвергаетъ тождество автора „Сказанія“ съ мнихомъ Іаковомъ, составителемъ „Похвалы Володимеру“. Въ этомъ случаѣ Соболевскій, по нашему мнѣнію, правъ. Не смотря на то, что многіе ученые—одни предположительно, другіе утвердительно (пр. Макарій, Срезневскій, Погодинъ, Сухомлиновъ, Бестужевъ-Рюминъ, Голубинскій и др.) высказались, что „Сказаніе“ и „Похвала“ написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ—Іаковомъ мнихомъ, мы полагаемъ, что первое сочиненіе, т. е. „Сказаніе“, ему не принадлежитъ и лично давно раздѣляемъ убѣжденіе въ томъ. Въ данномъ случаѣ и г. Завитневичъ согласенъ съ Соболевскимъ [1]).

Составитель „Сказанія“ остается неизвѣстнымъ по имени, а время его жизни и происхожденія „Сказанія“ проф. Соболевскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Сказаніе“ „въ своей главной части есть не что иное, какъ извлеченіе изъ лѣтописи, къ которому авторъ прибавилъ отъ себя цитаты изъ свящ. Писанія, молитвы св. князей и свѣдѣнія о ихъ чудесахъ и перенесеніи ихъ мощей при Владимірѣ Мономахѣ. Послѣднее упоминается лѣтописью (по Лаврентьевскому списку) подъ 1115 г., послѣ извѣстной приписки Сильвестра, слѣд. не въ Несторовой лѣтописи, а въ ея продолженіи, въ такъ называемой кіевской лѣтописи. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что старшій списокъ „Сказанія“ (въ Успенскомъ сборникѣ) относится къ XII в. и самое большее къ первой половинѣ XIII в., показываетъ, что авторъ „Сказанія“ или былъ младшимъ современникомъ нашего перваго лѣтописца, или принадлежалъ уже къ слѣдующему за нимъ поколѣнію“ [2]).

---

[1]) Тр. К. Д. Ак. 1888 г. II, 648—651 стр.

[2]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 397—398 стр.

Такимъ образомъ, проф. Соболевскій признаетъ „Сказаніе“ произведеніемъ менѣе древнимъ, чѣмъ лѣтопись, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) „Сказаніе“ есть расширенное и распространенное лѣтописное повѣствованіе о смерти Бориса и Глѣба, такъ что трудъ автора его состоялъ лишь въ прикрашиваніи текста лѣтописи такими дополненіями, которыя не имѣютъ историческаго характера; б) къ „Сказанію“ присоединенъ его авторомъ разсказъ о чудесахъ и перенесеніи мощей Бориса и Глѣба и, между прочимъ, о томъ перенесеніи, которое было въ 1115 г.; в.) древнѣйшій списокъ „Сказанія“ относится или къ XII в. или XIII в.

Указанная сейчасъ ученая аргументація профес. Соболевскаго не можетъ однако не вызывать недоумѣній и возраженій; трудно признать ее вполнѣ правильною.

Не подлежитъ сомнѣнію, что между „Сказаніемъ“ и лѣтописью сходство самое близкое, а по мѣстамъ [1]) буквальное, наводящее на мысль о зависимости одного произведенія отъ другого. Но взаимное отношеніе между этими древнѣйшими памятниками опредѣляется неодинаково. Между тѣмъ какъ Соболевскій полагаетъ, что авторъ „Сказанія“ пользовался лѣтописью. пр. Макарій находилъ болѣе справедливымъ думать совершенно наоборотъ, что именно „лѣтописецъ воспользовался „Сказаніемъ“ [2]), а проф. Голубинскій даже и не сомнѣвается въ этомъ. [3]) Вопросъ о томъ кто же у кого заимствовалъ,—авторъ ли „Сказанія“ у лѣтописца, или же наоборотъ, второй у перваго,—остается, такимъ образомъ, непорѣшеннымъ окончательно. Рѣшеніе его, по нашему мнѣнію, зависитъ отъ выясненія личности составителя „Сказанія“ и того, былъ ли этотъ авторъ писателемъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ, или же только передѣлывателемъ чужихъ произведеній; но объ этомъ предметѣ мы поговоримъ нѣсколько ниже.

Самое сходство между „Сказаніемъ“ и лѣтописью нуждается въ нѣкоторомъ разъясненіи. Это сходство доходитъ до буквальности

---

[1]) Ср. «Сказ.» Хр. Чтен. 1849 г. II, 392—396 стр. Лѣт. по Лавр. сп. 137—142 стр. Лѣт. по Ип. сп.

[2]) Христ. Чт. 1849 г. II, 313 стр.

[3]) Голуб. I т. I пол. 650 стр. и прим. 2-е. Ср. 249 стр. 2-е прим.

только тамъ, гдѣ идетъ разсказъ о междуусобной войнѣ Ярослава съ Святополкомъ (со словъ: „Ярославу же еще не вѣдущю о отни смерти“ до: „утеръ потъ съ дружиною своею“) [1]); первая же часть „Сказанія,“ заключающая повѣствованіе объ убіеніи Бориса и Глѣба и заключеніе, содержащее общую похвалу св. мученикамъ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ объ отысканіи тѣла св. Глѣба при нѣкоторомъ сходствѣ съ лѣтописью, имѣютъ и немаловажныя отличія отъ послѣдней.

Напрасно проф. Соболевскій говоритъ, что авторъ „Сказанія“ прибавилъ только къ лѣтописному разсказу цитаты изъ свящ. Писанія и молитвы князей. Но при внимательномъ сличеніи этихъ двухъ памятниковъ оказываются и нѣкоторыя другія различія между ними. То совершенно справедливо, что „Сказаніе“, сравнительно съ лѣтописью, обилуетъ выписками изъ св. Писанія и, какъ имѣющее „отличительной чертой усиленное стремленіе автора къ драматизму“ [2]), передаетъ длинныя рѣчи св. князей; но рядомъ съ этимъ въ исторической собственно части по мѣстамъ оказывается фактичнѣе лѣтопись (ср. „Сказ.“ Хр. Чт. 1849 г. II, 381; лѣт. по Лавр. сп. 129 стр; лѣт. по Ип. сп. 92—93 стр.), по мѣстамъ „Сказаніе,“ которое сообщаетъ, наприм., точную дату смерти св. Бориса и Глѣба, нѣкоторыя подробности объ отысканіи св. тѣла послѣдняго, о чемъ лѣтопись не говоритъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ идетъ въ лѣтописи не въ томъ порядкѣ, въ какомъ—въ „Сказаніи“ (ср. „Сказ.“ Ibid. 385—386 и Лѣт. по Лавр. сп. 131—132; Лѣт. по Ип. сп. 93—94 стр.): иногда разсказъ обширнѣе въ лѣтописи и сокращеннѣе въ „Сказаніи“, иногда наоборотъ (ср. „Сказ.“ Ibid. 384 и 389 стр. и Лѣт. по Лавр. сп. 131 и 133 стр; Лѣт. по Ип. сп. 93 и 95 стр.); а въ самомъ началѣ повѣсти объ убіеніи св. мучениковъ лѣтопись приводитъ выписку изъ книги Притчей Соломона болѣе обширно, чѣмъ „Сказаніе“. Упомянувъ объ убійцахъ Бориса и Глѣба и относя къ нимъ слова Соломона, авторъ „Сказанія“ говоритъ:„ о тако-

---

[1]) Въ «Сказ.» (Хр. Чт. 1849 г. Дек.) 392—396 стр. Въ лѣт. по Лавр. сп. 137—142 стр.

[2]) Голуб. I, I пол. 619 стр.

выхъ бо рече пророкъ: скори суть проьяти кровь безъ правды“ и только; а лѣтописецъ продолжаетъ выписку: „ти бо обьщаются крови“ и т. д. [1]).

Теперь отчасти можно судить, справедливо ли предположеніе Соболевскаго, что „Сказаніе“ въ своей главной части (т. е. въ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба) есть ничто иное, какъ извлеченіе изъ лѣтописи, дополненное выписками изъ свящ. Писанія и молитвами св. князей.

Сличеніе лѣтописи и „Сказанія“, безпристрастное отношеніе къ этимъ памятникамъ, по нашему мнѣнію, скорѣе всего должно привести къ мысли, что именно лѣтописецъ пользуется „Сказаніемъ“, пользуется на столько, на сколько находитъ въ немъ историческаго матеріала. Составляя такой обширный историческій сборникъ, какъ наша начальная лѣтопись, онъ долженъ былъ взять изъ своего источника только то, что отвѣчало его задачѣ—ежегодной записи замѣчательныхъ событій. Мало этого. Лѣтописецъ дѣлаетъ попытку, такъ сказать, систематизировать историческій матеріалъ „Сказанія“, изложить его короче и послѣдовательнѣе и эта попытка, по нашему мнѣнію, ему достаточно удается [2]). Тамъ же, гдѣ историческій матеріалъ „Сказанія“ недостаточно полонъ [3]), лѣтописецъ восполняетъ его изъ какого-то другого источника, намъ неизвѣстнаго, но о существованіи котораго, или же подобнаго ему, можно дѣлать предположеніе (о чемъ нѣсколько ниже). Само собою понятно, что, извлекая изъ „Сказанія“ только нужный для своей цѣли матеріалъ, лѣтописецъ долженъ былъ до minimum'а сократить видимо сочиненныя рѣчи и молитвы князей и цитаты изъ свящ. Писанія [4]). Они могли имѣть мѣсто въ похвальномъ

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 382. Лѣт. по Лавр. сп. 130 стр.

[2]) См. лѣт. о смерти Бориса (по Лавр. сп. 131 стр. по Ип. сп. 93 стр.) и ср. «Сказ.» (Хр. Чт. 1849 г. II, 383—386 стр.).

[3]) Ср. лѣт. 129 стр. (по Лавр. сп.) и 92 (по Ип. сп.)—предложеніе Борису отъ дружины занять великокняжескій престолъ—и «Сказан. Ibid. 378—379 стр.

[4]) Можно думать, что нѣкоторыя небольшія сокращенія текстовъ дѣлали и переписчики лѣтописей. Наприм., авторъ «Сказанія», высказавъ, что ангелы не желаютъ зла человѣку, а бѣсы «на злое вельми

словѣ, но являлись лишнимъ балластомъ въ историческомъ сочиненіи, повѣствующемъ, къ тому же, не объ одномъ, а о чрезвычайно многихъ предметахъ.

А если авторъ „Сказанія" пользовался лѣтописью, что предполагаетъ проф. Соболевскій, то зачѣмъ ему нужно было разбивать (и то не къ лучшему) историческій матеріалъ своего первоисточника, если его цѣлію было вложить въ уста князей пространныя сѣтованія, молитвы и рѣчи и дополнить разсказъ обширными выписками изъ свящ. Писанія?!.

Что касается той части „Сказанія", которая за самыми незначительными исключеніями буквально сходна съ лѣтописью, а также указанія проф. Соболевскаго на разсказъ о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, какъ на доказательство поздняго, сравнительно съ лѣтописью, происхожденія „Сказанія", то для правильнаго сужденія объ этихъ отдѣлахъ разбираемаго сочиненія (разсказъ о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ и разсказъ о чудесахъ и перенесеніи мощей св. мучениковъ) и о силѣ основанныхъ на нихъ доказательствъ нужно принять во вниманіе слѣдующее.

Списки „Сказанія" (а ихъ извѣстно значительное количество) не отличаются однообразіемъ въ своемъ составѣ, и различіе между ними зависитъ отъ тѣхъ отдѣловъ, которые сейчасъ указаны. Оказывается, что далеко не во всѣхъ спискахъ „Сказанія" находится разсказъ о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ, далеко не ко всѣмъ имъ присоединенъ разсказъ о чудесахъ св. мучениковъ и о перенесеніи ихъ мощей, а въ тѣхъ спискахъ, къ которымъ этотъ разсказъ прибавленъ, количество чудесъ неодинаково и о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ 1115 году повѣствуется лишь въ нѣкоторыхъ.

скори суть», продолжаетъ: «рече бо Богъ: кто идетъ прельстити Ахава; и рече бѣсъ: се азъ иду» (Хр. Чт. 1849 г. II, 386 стр.). Въ Ипат. спискѣ это мѣсто (за исключеніемъ слова Богъ, очевидно пропущеннаго по винѣ писца) находится (см. 94 стр.); но въ Лаврент. спискѣ выпущено (см. 132 стр.) и безъ сомнѣнія кѣмъ либо изъ переписчиковъ, такъ какъ сохранилось въ другой редакціи списковъ лѣтописи.

Въ отношеніи къ разсказу о чудесахъ, пр. Макарій дѣлитъ списки „Сказанія" на три фамиліи: въ однихъ содержится собственно разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, заканчивающійся общею похвалою имъ; въ другихъ къ этому разсказу присоединяются свѣдѣнія о первыхъ трехъ чудесахъ св. мучениковъ и извѣстія объ открытіи мощей ихъ при Ярославѣ и о смерти этого великаго князя; въ третьихъ разсказъ о чудесахъ продолжается и повѣствуется о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 г., или даже и о второмъ перенесеніи въ 1115 г., при в. кн. Владимірѣ Мономахѣ [1]).

Изъ сопоставленія и сличенія всѣхъ этихъ списковъ не трудно понять, что разсказъ о чудесахъ Бориса и Глѣба не составляетъ необходимой принадлежности „Сказанія", что онъ лишь постепенно пополнялся новыми и новыми данными, и первичною редакціею его безъ сомнѣнія была та, которая заключаетъ меньшее число чудесъ. Вполнѣ естественно думать, что эти постепенныя дополненія къ сказанію о чудесахъ дѣлались различными авторами. Во всякомъ случаѣ непонятно, почему проф. Соболевскій приписываетъ всѣ разсказы о чудесахъ св. мучениковъ, включительно до второго перенесенія ихъ мощей въ 1115 г., одному автору, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ и составителемъ „Сказанія". На самомъ же дѣлѣ гораздо справедливѣе думать совершенно напротивъ.

Свѣдѣнія о первыхъ трехъ чудесахъ св. Бориса и Глѣба явились очень рано и безъ сомнѣнія до преп. Нестора, который при составленіи своего „Чтенія" объ убіеніи св. мучениковъ уже пользовался ими, какъ источникомъ [2]). Вполнѣ естественно думать, что

---

[1]) Мак. II, 145—146 стр. Въ прим. 240 241, 242 и 243 пр. Макаріемъ указаны различные списки «Сказанія» съ подраздѣленіемъ ихъ на три фамиліи.

[2]) Въ повѣствованіи о первыхъ чудесахъ св. мучениковъ Несторъ видимо пользовался разсказомъ Іакова о тѣхъ же чудесахъ, говоритъ пр. Макарій, потому что передаетъ все почти тѣми же словами и оборотами рѣчи съ самыми незначительными измѣненіями, а въ одномъ мѣстѣ выразился, что новооткрытыя мощи св. мучениковъ первоначально поставлены были въ *прежереченную* клѣтку, тогда какъ прежде объ этой клѣткѣ ничего не сказалъ. Не прямо ли это указываетъ на

первоначально записи о чудесахъ при гробахъ св. братьевъ велись въ Вышгородѣ съ тою конечно цѣлію, чтобы оглашеніемъ ихъ способствовать прославленію св. мучениковъ [1]), что дѣйствительно и случилось.

Дальнѣйшій разсказъ о чудесахъ Бориса и Глѣба послѣ перенесенія мощей ихъ въ 1072 г. составленъ именно пр. Несторомъ, который ясно даетъ понять, что передаетъ здѣсь какъ современникъ и очевидецъ [2]), слѣдовательно, разсказъ этотъ присоединенъ къ „Сказанію" неизвѣстнаго автора уже изъ „Чтенія" Нестора, позднѣе и не тѣмъ лицомъ, которое записывало первыя чудеса.

О второмъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, бывшемъ въ 1115 г. при Владимірѣ Мономахѣ, пр. Несторъ не говоритъ, такъ какъ писалъ свое „Чтеніе" раньше этого событія, слѣдовательно разсказъ о немъ—этомъ второмъ перенесеніи — заимствованъ и прибавленъ къ „Сказанію" изъ какого-нибудь третьяго источника и уже позднѣе Нестора.

Такимъ образомъ, есть нѣкоторая возможность хотя отчасти прослѣдить, какъ (и даже откуда) постепенно восполнялся разсказъ о чудесахъ св. мучениковъ, пока онъ не достигъ самой обширной извѣстной теперь редакціи. Цѣлію этого пополненія вѣроятно было желаніе собрать „во едино" всѣ разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ сказанія о чудесахъ Бориса и Глѣба и, такъ сказать, округлить свѣдѣнія о ихъ мощахъ.

Подобною цѣлію и могли задаваться позднѣйшіе списатели „Сказанія" объ убіеніи Бориса и Глѣба и сказанія о чудесахъ ихъ.

Въ виду сейчасъ сказаннаго, указаніе проф. Соболевскаго на

источникъ Іакова (и здѣсь и выше подъ Іаковомъ нужно разумѣть неизвѣстнаго автора «Сказанія»), гдѣ точно стоитъ такой оборотъ о клѣткѣ, но гдѣ о ней и прежде упомянуто?» Истор. р. ц. II 161 стр. Ср. Ibid. 147 стр.

[1]) См. Хр. Чт. 1849 г. II, 401 стр.

[2]) Описаніе перваго чуда пр. Несторъ начинаетъ словами: «что сего чудесе дивнѣе, *еже нынѣ есть*...» Разсказъ о второмъ чудѣ онъ заканчиваетъ указаніемъ: «*се все исповѣда ми сама* (жена)». Начиная передавать о третьемъ чудѣ, Несторъ выражается: «*се онъ повѣдаше ми, глаголя*». Мак. II, 247 прим.

то, что къ „Сказанію“ прибавлены свѣдѣнія о перенесеніи мощей св. мучениковъ въ 1115 г. и, слѣдовательно, произведеніе это написано позднѣе сейчасъ указаннаго года, въ дѣйствительности рѣшительно не можетъ говорить ни о времени составленія „Сказанія“, ни о времени жизни автора. Такая ссылка ученаго проф. могла бы имѣть значеніе (и то отчасти) въ томъ только случаѣ, если бы Соболевскому удалось доказать, что самая обширная редакція сказанія о чудесахъ, какую онъ и имѣетъ въ виду, несомнѣнно принадлежитъ одному автору. Но доказать-то это положительно трудно!..

Вопреки такой ссылкѣ (какую дѣлаетъ проф. Соболевскій) ученые указываютъ, что въ самомъ „Сказаніи“ (а не въ разсказѣ о чудесахъ) не говорится даже о такомъ славномъ событіи, каково перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь въ 1072 г., и отсюда заключаютъ, что „Сказаніе“ написано до этого года [1]).

Затѣмъ, мнѣніе проф. Соболевскаго о сравнительно (конечно съ лѣтописью) позднемъ происхожденіи разбираемаго нами памятника основывается на томъ положеніи, принятомъ безъ всякихъ ограниченій, что и „Сказаніе“ объ убіеніи Бориса и Глѣба и повѣсть о чудесахъ ихъ писалъ одинъ и тотъ же авторъ. Правда, подобное мнѣніе раздѣляется и другими учеными (напр., пр. Макаріемъ и проф. Голубинскимъ) [2]), но въ полной справедливости его нельзя не усумниться. Впрочемъ, еще пр. Макарій высказалъ предположеніе, что „Сказаніе“ написано „можетъ быть другимъ лицомъ“, отличнымъ отъ автора повѣсти о чудесахъ [3]) и нельзя сказать, чтобы онъ былъ не правъ именно въ этомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Сказанія“ объ убіеніи Бориса и Глѣба рѣшительно не выражаетъ въ своемъ произведеніи никакого намѣренія, никакого желанія писать о чудесахъ св.

---

[1]) Мак. II, 146 стр. Хр. Чт. 1849 г. II, 313. Голуб. I т. I пол. 616 стр.

[2]) Мак. II, 370, 371, 373, 374 прим. 147 стр. и проч. Голуб. I, I, 231; I т. II пол. 334 стр. прим. 3, 335 стр. прим. 1-е и др.

[3]) Хр. Чт. 1849 г. II, 93 прим. на 400 стр. Изв. II Отд. Ак. Н. л. 36, 149—150 стр. Ср. Труд. К. Д. Ак. 1888 г. II, 652—653 стр.

мучениковъ-братьевъ (а о Владимірѣ и другихъ событіяхъ онъ обѣщается разсказать „индѣ“, но объ этомъ нѣсколько ниже), хотя для него былъ самый удобный случай высказать подобное желаніе. Онъ пишетъ: „сія святая постави (Господь) свѣтити въ мирѣ премногыми чюдесы, сіяти въ руской великой странѣ, идѣже множство стражющихъ спасени бывають, слѣпіи прозирають, хромiи быстрие серны рищють, глухiи простренне (слухъ) пріемлють. Но или могу вся исповѣдати, или сказати, творимая чюдеса? Поистинѣ, ни весь миръ можетъ понести, яже дѣются предивная чюдеса, паче пѣска морьскаго“ [1]). Какой прекрасный поводъ для автора указать здѣсь, что онъ изъ многихъ чудесъ св. мучениковъ разскажетъ, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ; но онъ этого не дѣлаетъ и тѣмъ даетъ понять, что подобный разсказъ рѣшительно не входитъ въ его планы. Пр. Несторъ, тоже написавшій объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, имѣя въ виду современемъ записать и нѣкоторыя изъ чудесъ ихъ, выражаетъ это прямо и рѣшительно: „аще Богу велящу, то *и чудесъ ю мало нѣчто исповѣмы*“ [2]). Авторъ „Сказанія“ ничего подобнаго не обѣщаетъ... Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что многіе списки „Сказанія“ [3]) не имѣютъ прибавленія—разсказа о чудесахъ, а напротивъ послѣдній встрѣчается какъ отдѣльное сочиненіе [4]), показываетъ, что отожествленіе автора „Сказанія“ объ убіеніи св. Бориса и Глѣба съ авторомъ разсказа о чудесахъ есть произвольная, ни на чемъ не основанная догадка.

Можно обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: пр. Несторъ, воспользовавшійся, какъ мы знаемъ, разсказомъ о первыхъ чудесахъ Бориса и Глѣба, не былъ знакомъ съ „Сказаніемъ“ объ убіеніи ихъ [5]), а это-то, по нашему мнѣнію, и сви-

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 397—398 стр.

[2]) Мак. II, 160 стр.

[3]) Эти списки указаны пр. Мак. во II т. «Ист.» 240 прим.

[4]) См. Тр. К. Д. Ак. 18[illegible]8 г. II. 653 стр. Одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ «Сказанія» (XIV в. въ Сбор. Чуд. мон.) совсѣмъ не имѣетъ разсказа о чудесахъ; другой (XII—XIII в. въ Сбор. Моск. Усп. соб.) имѣетъ его не въ полномъ видѣ. См. Чтен. въ Общ. ист. и древ. Рос. 1870 г. I кн.

[5]) Голуб. I т. I пол. 623—625 стр.

дѣтельствуетъ о томъ, что въ древнѣйшей редакціи, до нашего времени не сохранившейся, первое произведеніе — разсказъ о чудесахъ, — было отдѣлено отъ второго — „Сказанія“, какъ сочиненіе самостоятельное и особое.

Ясное дѣло, что съ признаніемъ составителя „Сказанія“ лицомъ отдѣльнымъ отъ автора повѣсти о чудесахъ рѣшительно теряетъ всякую силу представленное (и заимствованное именно у второго писателя) доказательство проф. Соболевскаго о времени написанія „Сказанія“ позднѣе лѣтописи.

Обращаемся теперь къ той части „Сказанія“, которая за самыми малыми исключеніями буквально сходна съ лѣтописью, т. е. къ разсказу о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ, — можетъ ли она доказывать, что это сочиненіе есть ни что иное, какъ извлеченіе изъ лѣтописи?

Достойно замѣчанія, что сейчасъ указанный отдѣлъ, какъ и разсказъ о чудесахъ Бориса и Глѣба, вовсе не составляетъ необходимой принадлежности „Сказанія“: въ нѣкоторыхъ спискахъ (Синод. и напеч. въ „Хр. Чт.“) онъ не имѣетъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, въ нѣкоторыхъ (Сильвер., Румянц. и друг.) совершенно не находится. Преосв. Макарій полагалъ, что разсказъ о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ дѣйствительно заимствованъ изъ лѣтописи, но не самимъ авторомъ „Сказанія“, а позднѣе его [1]). Проф. же Голубинскій думаетъ совершенно напротивъ, что самъ составитель приставилъ къ своему произведенію тотъ длинный конецъ, въ которомъ описаны событія, послѣдовавшія за смертію Бориса и Глѣба до окончательнаго утвержденія Ярослава на великокняжескомъ престолѣ [2]). Однако, думаемъ, есть вполнѣ достаточное основаніе утверждать, что подобный разсказъ представляетъ собою вставку въ „Сказаніе“. Это даетъ понять и самъ авторъ его. Упомянувъ, что тѣло св. Глѣба было „повержено на пустѣ мѣстѣ“ и оставалось долго въ невѣдѣніи, авторъ пишетъ: „не бысть памяти ни единому о взысканіи телесѣ святаго, дондеже нетерпя Ярославъ сего злаго убій-

¹) Макар. II, 146 стр.
²) Голуб. I т. I пол. 618 стр.

ства, движеся на брата-убійца онаго, оканьнаго Святополка, и *брани многы* съ нымъ составивъ, и *всегда* пособиемъ Божіимь и поспѣшениемь святою *побѣдивъ*" [1]). Сдѣланное въ этихъ словахъ краткое указаніе на „брани многи" Ярослава съ Святополкомъ, съ обозначеніемъ исхода ихъ —побѣды перваго надъ вторымъ, — показываетъ, что авторъ не имѣлъ въ виду нарочито и подробно говорить о междоусобной войнѣ сыновей св. Владиміра; это замѣчаніе совсѣмъ исключаетъ нужду подробнаго разсказа объ тѣхъ событіяхъ, которыя уже упомянуты кратко; да и по самой цѣли автора—передать объ убіеніи Бориса и Глѣба, подобное повѣствованіе представляется совсѣмъ ненужнымъ. И пр. Макарій справедливо замѣчаетъ, что въ тѣхъ спискахъ „Сказанія", въ которыхъ недостаетъ средины—сейчасъ указаннаго разсказа — повѣствованіе идетъ „самымъ естественнымъ порядкомъ" [2]), чѣмъ, безъ сомнѣнія, и объясняется пропускъ этого разсказа въ нѣкоторыхъ спискахъ.

Затѣмъ, повѣствованіе о войнахъ Ярослава и Святополка заканчивается разсказомъ о печальной судьбѣ, постигшей окаяннаго братоубійцу послѣ пораженія его при Альтѣ въ 1019 году. А между тѣмъ авторъ „Сказанія", хотя и обѣщается передать объ этомъ, но когда-то „*послѣди*" и не въ сказаніи, потому что „*нынѣже нѣсть время*" [3]). И эти слова, по нашему мнѣнію, указываютъ, что разсказъ о борьбѣ за великокняжескій престолъ между Ярославомъ и Святополкомъ авторомъ „Сказанія" не предназначался къ помѣщенію именно въ это сочиненіе и, слѣдовательно, онъ составляетъ позднѣйшую вставку. По мнѣнію пр. Макарія, этотъ вставочный разсказъ заимствованъ изъ лѣтописи, но кажется, справедливѣе думать, что онъ взятъ изъ какого-нибудь другого источника, изъ котораго занесенъ и въ саму лѣтопись [4]);

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 392 стр.

[2]) Мак. II, 146 стр.

[3]) Хр. Чтен. 1849 г. II, 357 стр.

[4]) Пр. Макарій обратилъ вниманіе на тѣ слова, которыми заканчивается эпиводическая вставка въ «Сказаніе» о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ: «и оттолѣ крамола преста въ руской земли» и по поводу ихъ задается вопросомъ: могъ ли бы такъ выразиться авторъ, если бы писалъ не прежде 1021 г., когда въ русской землѣ снова

(по крайней мѣрѣ, думаемъ, причина, побудившая сдѣлать дополненіе къ „Сказанію“, отчасти понятна. Составитель разбираемаго нами сочиненія, какъ мы знаемъ, выражаетъ намѣреніе „послѣди“ разсказать и о судьбѣ Святополка.

Вложивъ въ уста братоубійцы слова: „приложю убо безаконие къ безаконию; обаче грѣхъ матери моея не очиститьмися и съ праведными не напишюся, но да потреблюся отъ книгъ животныхъ“, авторъ „Сказанія“ замѣчаетъ: „якоже и бысть“ (т. е., что Святополкъ истребленъ изъ „книгъ животныхъ“), но говорить объ этомъ, прибавляетъ онъ, „*нынѣ нѣсть время*“. Очень возможно, что кто-нибудь изъ позднѣйшихъ списателей „Сказанія“ (которое для нашихъ предковъ было однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній), не желая оставлять читателей въ невѣдѣніи о томъ, какая же судьба постигла окаяннаго братоубійцу, и рѣшился внести въ само „Сказаніе“ разсказъ объ этомъ предметѣ, а такъ какъ разсказъ этотъ составляетъ заключеніе борьбы Ярослава съ Святополкомъ, то вставка должна была обнять весь этотъ періодъ междоусобной войны. Возможность и даже естественность дополненія къ „Сказанію“ объясняется и тѣмъ, что оно, можетъ быть, взято хотя и изъ другого сочиненія, но принадлежащаго тому же автору и написаннаго какъ бы въ дополненіе къ „Сказанію“.

Замѣчательно, что и въ лѣтописи разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба и слѣдующій за нимъ разсказъ о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ не имѣютъ между собою цѣлостности. Первый начинается словами: „Святополкъ *сѣде въ Кыевѣ по отци своемъ*

произошла крамола по случаю борьбы Ярослава съ Брячиславомъ полоцкимъ, а тѣмъ болѣе не прежде 1023 г., когда послѣдовала сильнѣйшая крамола по случаю войны Мстислава съ Ярославомъ, окончившаяся уже въ 1026 г.? (Хр. Чт. 1849 г. II. 306 стр. и 88 прим.). Замѣчательно, что лѣтописецъ выпустилъ выше приведенныя слова и замѣнилъ другими послѣ разсказа о побѣдѣ Ярослава надъ Святополкомъ, а выразился подобнымъ образомъ («уста усобица и матежь и бысть тишина велика въ земли») уже послѣ окончанія борьбы Мстислава съ Ярославомъ. Слѣд. передѣлка (а значитъ и заимствованіе всего разсказа) сдѣлана лѣтописцемъ. Такимъ образомъ и въ лѣтопись и въ «Сказаніе» вставка взята изъ третьяго источника, писаннаго, кажется, ближайшимъ современникомъ разсказанныхъ событій.

и съзва Кыяны, и *нача даяти имъ имьніе*"; начало второго слѣдующее: „Святополкъ же окаянный *нача княжити Кыевѣ*. Созвавъ люди, *нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами, и раздая множьство*" [1]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ приведенныхъ словахъ лѣтопись говоритъ объ одномъ и томъ же фактѣ — занятіи Святополкомъ великокняжескаго престола по смерти св. Владиміра, но почему-то повторяетъ его. По предположенію Соловьева, это произошло отъ того, что „повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена послѣ", а самъ лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять: „Святополкъ же нача княжити..." [2]). Однако справедливѣе думать, что это повтореніе случилось и не намѣренно и, кажется, неизбѣжно. Подъ руками лѣтописца были два „сказанія"—одно объ убіеніи Бориса и Глѣба, другое — о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ, оба начинающія разсказъ съ захвата Кіева и великаго княженія Святополкомъ, но трактующія о разныхъ предметахъ. Не имѣя возможности составить изъ этихъ двухъ сказаній одно цѣльное повѣствованіе, лѣтописецъ сталъ вписывать въ свой ежегодникъ каждое отдѣльно, но, закончивъ первый разсказъ объ убійствѣ Святополкомъ своихъ трехъ братьевъ и не умѣя связать съ нимъ второй разсказъ, который, подобно предыдущему, начинался событіями, непосредственно слѣдовавшими за смертію св. Владиміра, онъ не могъ поступить иначе, какъ повторивъ снова о вступленіи Святополка на великокняжескій престолъ.

Такимъ образомъ, какъ въ „Сказаніи" объ убіеніи Бориса и Глѣба разсказъ о войнахъ между Ярославомъ и Святополкомъ плохо вяжется съ предыдущимъ, такъ и въ лѣтописи онъ присоединенъ къ первому не вполнѣ умѣло и чисто механически; это-то и можетъ доказывать, что и въ то и въ другое произведеніе онъ внесенъ еще изъ третьяго источника, указаніе на который находится, какъ мы видѣли, въ „Сказаніи о убьеніи св. мученику Бориса и Глѣба".

---

1) Лѣт. по Лавр. сп. 129 и 137 стр. Ип. лѣт. 92 и 98 стр.
2) Солов. 294 прим. къ I т.

Выраженное авторомъ „Сказанія“ желаніе и обѣщаніе „послѣди“—со временемъ — разсказать о наказаніи свыше, постигшемъ братоубійцу—Святополка, указывая на источникъ, которымъ могъ пользоваться лѣтописецъ, и изъ котораго заимствована вставка въ „Сказаніе“ о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ, имѣетъ для насъ значеніе и въ другомъ отношеніи. Ясное дѣло, что въ лицѣ составителя „Сказанія“ предъ нами предстаетъ не жалкій компиляторъ, какимъ желаетъ выставить его проф. Соболевскій, а писатель самостоятельный, задавшійся цѣлію, насколько было для него возможно, подробно изложить событія, слѣдовавшія за смертію св. Владиміра. Мало этого. Авторъ „Сказанія“ обѣщается разсказать о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, кромѣ указанныхъ выше. Начиная свое, сохранившееся до насъ, произведеніе, о которомъ мы собственно и ведемъ рѣчь, и упомянувъ о Владимірѣ, „иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю русскую“, онъ замѣчаетъ: *„прочая же добродѣтели того индѣ скажемъ; нынѣ же нѣсть время“* [1]) и, слѣдовательно, высказываетъ намѣреніе написать какое-то сказаніе и о свят. просвѣтителѣ Руси христіанствомъ, при чемъ обозначается даже и самый предметъ сочиненія о Владимірѣ. На приведенныя слова „Сказанія“ неизвѣстнаго автора давно было обращено вниманіе историковъ и на нихъ-то не только главнымъ образомъ, но, кажется, исключительно, основывается убѣжденіе, что этотъ авторъ и есть мнихъ Іаковъ, написавшій „Похвалу Володимеру“ [2]).

Правда, отождествленіе составителя „Сказанія“ съ мнихомъ Іаковомъ, какъ замѣчено выше, едва ли можетъ быть допущено; но то несомнѣнно, что первому автору принадлежитъ какое-то неизвѣстное теперь сочиненіе о „добродѣтеляхъ“ св. Владиміра.

Но вотъ на что не было обращено должнаго вниманія. Авторъ „Сказанія“, назвавъ нѣкоторыхъ сыновей Владиміра (самыхъ старшихъ, начиная съ Вышеслава и кончая Глѣбомъ), замѣчаетъ, что отецъ „посади ихъ по рознымъ землямъ въ княже-

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 377 стр.
[2]) Макар. II, 141—142 стр.

ніи своемъ и *еже индѣ скажемъ*" [1]), т. е. не находитъ умѣстнымъ говорить здѣсь, въ „Сказаніи", подробно объ удѣлахъ для сыновей св. князя, а обѣщаетъ разсказать „индѣ", въ другомъ мѣстѣ и, конечно, въ другомъ сочиненіи. И дѣйствительно, упомянувъ далѣе о томъ, въ какихъ городахъ были посажены на княженіе Святополкъ, Ярославъ, Борисъ и Глѣбъ, — что было нужно для ясности послѣдующаго разсказа, — авторъ самъ же и прерываетъ свою рѣчь замѣчаніемъ: „но *о сихъ останy много глаголати*" и, слѣдовательно, подробную и обстоятельную рѣчь объ удѣлахъ для сыновей Владиміра оставляетъ до другого сочиненія.

Впрочемъ, пр. Макарій думалъ, что и въ этихъ словахъ: „и еже индѣ скажемъ" (о томъ, что Владиміръ „посади" своихъ сыновей „по рознымъ землямъ въ княженіи своемъ") авторъ „Сказанія" только лишь повторяетъ свое обѣщаніе, высказанное выше, написать о добродѣтеляхъ св. Владиміра [2]); но подобное пониманіе словъ писателя о Борисѣ и Глѣбѣ рѣшительно не вытекаетъ изъ контекста рѣчи и ничѣмъ не можетъ быть доказано; стоитъ лишь прочитать самое начало разбираемаго нами произведенія, чтобы понять полную несостоятельность подобнаго предположенія.

Нужно даже думать, что едва ли авторъ „Сказанія" предполагалъ говорить о раздѣленіи русской земли на удѣльныя княжества при Владимірѣ въ сочиненіи прежде намѣченномъ, которое должно было трактовать о предметѣ, мало сходномъ съ сейчасъ указаннымъ,—о добродѣтеляхъ св. князя. Всего вѣроятнѣе, что каждый изъ этихъ двухъ предметовъ предназначался авторомъ для отдѣльныхъ произведеній. Несомнѣнно только то, что въ настоящее время нѣтъ такого памятника древне-русской литературы, въ которомъ болѣе или менѣе подробно говорилось бы о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра. Вопросъ о сыновьяхъ равноапостольнаго князя—объ ихъ старшинствѣ, времени рожденія, матеряхъ—и даже о городахъ, назначенныхъ имъ въ удѣлъ [3]) очень запутанный, для рѣшенія его имѣются очень не-

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 378 стр.
[2]) Христ. Чт. 1849 г. II, 312 стр.
[3]) По «Сказанію» объ убіеніи Бориса и Глѣба, Владиміръ «посади Святополка въ Пиньскѣ на княженьи «Хр. Чт. 1849 г. II, 378

достаточныя свѣдѣнія, а иногда даже противорѣчивыя извѣстія [1]), въ которыхъ, можетъ быть, не слишкомъ трудно было бы разобраться при помощи сочиненія, составленнаго авторомъ „Сказанія" и нарочито повѣствующаго объ этомъ предметѣ.

Затѣмъ мы уже знаемъ, что этотъ авторъ выражаетъ намѣреніе разсказать о судьбѣ Святополка окаяннаго. Очень можетъ быть, что подобный разсказъ, какъ и все повѣствованіе о войнахъ Ярослава съ Святополкомъ, входило въ программу сейчасъ

стр); а по лѣтописи: въ Туровѣ (по Лав. сп. 118 стр., по Ип. сп. 3.). Пинскъ принадлежалъ къ Туровскому княжеству (см. Сол. I, I, 560—561 стр.); не былъ ли онъ хотя недолгое время и въ началѣ главнымъ городомъ княженія?

[1]) Къ сожалѣнію, не смотря на наше желаніе, мы не можемъ здѣсь подробно остановиться на вопросѣ о сыновьяхъ Владиміра. Укажемъ лишь для примѣра нѣкоторыя запутанности въ немъ. Старшимъ сыномъ Владиміра несомнѣнно былъ Вышеславъ (и по «Сказанію», Хр. Чт. 1849 г. II, 377 стр. и по лѣт., подъ 988 г.),—по лѣтописи, онъ родился отъ чехини (подъ 980 г. по Л. сп. 78 стр., по Ип. сп. 53 стр.); а между тѣмъ Владиміръ могъ жениться на ней или въ Новгородѣ или во время бѣгства къ варягамъ, во всякомъ случаѣ раньше брака съ Рогнѣдою (который состоялся въ 980 г., по лѣтописи, и въ 978 г., по мниху Іакову); но странно, говоритъ Соловьевъ, что чехиня зашла такъ далеко на сѣверъ (Сол. I, 184 стр.).

По лѣтописи, Ярославъ умеръ 76 лѣтъ въ 1054 г., слѣд. родился въ 978 г., а на великое княженіе сѣлъ (въ 1016 г.) лѣтъ 37—38. А между тѣмъ и по «Сказанію» (собственно по вставкѣ въ него) и по лѣтописи видно, что при занятіи великокняжескаго престола Ярославу было 28 лѣтъ (см. Хр Чт. 1849 г. II. 394; Лѣт. по Лав. сп. 139; по Ип. сп. 100 стр.); впрочемъ, въ одномъ спискѣ лѣтописи къ этому числу лѣтъ прибавлено: «Новѣгородѣ», чѣмъ существенно измѣняется смыслъ рѣчи и пониманіе указанной цифры. А если допустить, что Ярославъ вступилъ на престолъ 28 л. и слѣд. родился 988 г., то нужно устранить слѣдующее недоумѣніе: у Ярослава было нѣсколько младшихъ братьевъ. рожденныхъ Владиміромъ до брака съ царевной Анною,—ужели всѣ они родились въ теченіе одного года—988, въ которомъ Владиміръ женился на греческой царевнѣ (по лѣтописи)? Невѣроятно. тѣмъ болѣе, что у Ярослава было еще два брата моложе его отъ одной и той же матери—Рогнѣды. Въ опредѣленіи года рожденія Ярослава получается немалая путаница....

Мстиславъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ лѣтописи (подъ 980 г.) и въ «Сказаніи» (378 стр.) называется и сыномъ Рогнѣды и сыномъ другой жены Владиміра, неизвѣстной ни по имени, ни по національности. Борисъ и Глѣбъ и въ «Сказаніи» и въ лѣтописи называются сыновьями болгарки, а по позднѣйшимъ извѣстіямъ—царевны Анны, хотя послѣднее не только сомнительно, но и не вѣрно.

указаннаго второго, несохранившагося до нашего времени, сочиненія составителя „Сказанія".

Теперь мы хотя нѣсколько можемъ выяснить личность автора разбираемаго нами произведенія: несомнѣнно, что онъ не случайный писатель, соблазнившійся къ авторству тѣмъ, что у него подъ руками была лѣтопись, а совершенно самостоятельный составитель нѣсколькихъ историческихъ сочиненій, теперь въ точности неизвѣстныхъ (кромѣ „Сказанія"), а можетъ быть чрезвычайно важныхъ, и одинъ изъ плодовитыхъ писателей древности. Заслуживаетъ вниманія и то, что онъ ясно и опредѣленно указываетъ на себя, какъ на автора „Сказанія" объ убіеніи Бориса и Глѣба, а такъ же и другихъ произведеній. Припомнимъ вышесказанное, что въ древней Руси авторская слава не составляла чего нибудь слишкомъ высоко цѣнимаго и не было побужденій слишкомъ дорожить ею и искать ея. „А поэтому у насъ не только не являлось обычая создавать себѣ эту славу путемъ контрафакція и плагіата, но даже и настоящіе авторы весьма нерѣдко не выставляли своихъ именъ подъ своими произведеніями[1]). И если авторъ „Сказанія", не назвавшій себя и по имени, выставляетъ себя составителемъ и этого и другихъ сочиненій, то несомнѣнно онъ и былъ таковымъ, а отнюдь не жалкимъ переписывателемъ и передѣлывателемъ чужихъ произведеній, желавшимъ путемъ контрафакціи стяжать себѣ авторскую славу, совершенно не лестную и мало цѣнимую. А если такъ, то самъ собою рѣшается вопросъ—кто у кого заимствовалъ свѣдѣнія объ убіеніи Бориса и Глѣба—авторъ ли „Сказанія" у лѣтописца, или лѣтописецъ у этого автора,—рѣшается конечно въ интересахъ перваго, т. е. составителя „Сказанія,", какъ писателя самостоятельнаго и оригинальнаго. Наконецъ, что онъ писатель независимый, не имѣвшій такого надежнаго руководства, какъ лѣтопись, это видно и изъ слѣдующаго.

Начиная свое повѣствованіе о Борисѣ и Глѣбѣ и упомянувъ о вел. кн. Владимірѣ, его сыновьяхъ, о раздѣленіи между ними

---

[1]) Голуб. I, I, 108 стр.

русской земли на удѣлы, авторъ „Сказанія“ замѣчаетъ: „но о сихъ (т. е. постороннихъ предметахъ) остану много глаголати, да не многописаніи въ забыть влѣземъ. Но о немъ же (т. е. объ убіеніи св. Бориса и Глѣба) начахъ, си и скажемъ“ [1]). Это замѣчаніе автора, его желаніе не разсѣяваться, а сосредоточиться на одномъ, избранномъ имъ, предметѣ, опасеніе впасть въ ошибки по забвенію [2]), съ очевидностію указываютъ, что онъ пишетъ не по готовому источнику, не переписываетъ рабски чужое произведеніе и даже не имѣетъ подъ руками какого нибудь записаннаго преданія. А между тѣмъ, по г. Соболевскому, происхожденіе и составленіе „Сказанія“ должно быть представляемо въ слѣдующемъ видѣ. Неизвѣстный авторъ, вѣроятно съ цѣлію прослыть писателемъ, запасшись лѣтописью, вздумалъ составить на основаніи ея сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба и для этого началъ извлекать изъ своего первоисточника свѣдѣнія о заинтересовавшемъ его предметѣ, ограничивъ свою авторскую дѣятельность приведеніемъ обширныхъ выписокъ изъ свящ. Писанія и сочиненіемъ длинныхъ рѣчей и молитвенныхъ воззваній св. князей (справедливо ли, что „Сказаніе“ и лѣтопись отличаются между собою только этимъ, мы уже говорили выше), что указываетъ на знакомство съ свящ. книгами и на достаточно развитую фантазію непризваннаго писателя, а отнюдь не на знаніе историческаго факта, и однако этотъ авторъ боится въ „многописаніи въ забыть влѣсть“. Къ чему же относится это опасеніе? Ужели къ тѣмъ рѣчамъ св. князей, которыя видимо сочинены самимъ авторомъ и припоминать которыя было болѣе, чѣмъ трудно?.. Что же это—иронія ли автора надъ самимъ собою, или шутка, вовсе неумѣстная въ серьезномъ историческомъ сочиненіи, повѣствующемъ о св. угодникахъ Божіихъ? Ни того, ни другого предположить нельзя, и самъ авторъ „Сказанія“ ясно даетъ понять, чта боится забвенія и спутанности собственно историческихъ фактовъ, и мы полагаемъ за несомнѣнное, что этимъ своимъ опасеніемъ, какъ бы не погрѣшить въ достовѣр-

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 378 стр.
[2]) См. Хр. Чт. 1888 г. I, 637 стр.

ности повѣствуемаго, составитель ясно даетъ видѣть въ себѣ не только человѣка осторожнаго, но и писателя, не имѣющаго подъ руками никакого писаннаго матеріала, который могъ бы предохранять его отъ ошибокъ. Словомъ, по нашему мнѣнію, нужно признать, что „Сказаніе“ написано раньше лѣтописи и могло служить при составленіи послѣдней важнымъ пособіемъ.

Наконецъ, послѣднее, указанное проф. Соболевскимъ, основаніе для того, чтобы считать „Сказаніе“ объ убіеніи Бориса и Глѣба уступающимъ въ древности начальной лѣтописи,—то именно, что произведеніе это сохранилось въ спискѣ XII или начала XIII в.—рѣшительно ничего не можетъ доказывать и отнюдь не свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ разбираемаго нами сочиненія былъ младшимъ современникомъ лѣтописца или даже принадлежалъ къ слѣдующему за нимъ (лѣтописцемъ) поколѣнію. Лѣтопись сохранилась до насъ въ древнѣйшемъ спискѣ XIV в. Что же можетъ слѣдовать отсюда касательно времени ея составленія? Можно ли утверждать, что лѣтопись написана не ранѣе XIII в.? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; а слѣдовательно и то обстоятельство, что древнѣйшій списокъ „Сказанія“ восходитъ только къ XII в., ни мало не свидѣтельствуетъ о времени составленія самого произведенія. Во всякомъ случаѣ, такое сказаніе, списки съ котораго дѣлались уже въ XII в., неоспоримо относится къ древнѣйшимъ памятникамъ русской литературы!..

Мы закончили разборъ мнѣнія проф. Соболевскаго о времени написанія „Сказанія“ и могли бы указать выводы изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній; но для полноты рѣшенія занимающаго насъ вопроса обратимъ нѣкоторое вниманіе еще на тѣ данныя, которыя находятся въ разбираемомъ произведеніи и могутъ служить основаніемъ для рѣшенія вопроса о времени происхожденія „Сказанія“. Проф. Соболевскій не опирается на этихъ данныхъ въ подтвержденіе своего взгляда, а между тѣмъ они могли быть истолкованы имъ въ свою пользу...

Восхваляя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, авторъ „Сказанія“ говоритъ, что они сіяютъ чудесами, число которыхъ „паче пѣська морьскаго“, такъ что „по истинѣ ни весь миръ можетъ

понести" ихъ,—сіяютъ не только для своихъ соотечественниковъ, но и для приходящихъ „отъ всѣхъ странъ" [1]). На основаніи такихъ выраженій автора составленіе „Сказанія" можно бы отнести къ слишкомъ позднему времени, когда св. Борисъ и Глѣбъ прославились безчисленнымъ множествомъ чудесъ, опредѣлить каковое время чрезвычайно трудно...

Но было бы нѣсколько поспѣшно и крайне ошибочно придавать вышеприведеннымъ словамъ „Сказанія" смыслъ вполнѣ точнаго историческаго свидѣтельства и совершенно опредѣленнаго указанія, что, впрочемъ, даетъ ясно понять и самъ авторъ, употребляя такія выраженія: „паче пѣська морьскаго", „ни вcь миръ можетъ понести", „по всѣмъ странамъ, и по всѣмъ землямъ"... Можно ли буквально принять эти выраженія, допущенныя писателемъ очевидно съ цѣлію вящшаго прославленія св. мучениковъ?!.. А между тѣмъ перечисленіе автора „Сказанія"—„множство страждущихъ спасени бываютъ, слѣпіи прозираютъ, хромiи быстрие серны рищютъ, глухіи простренiе приемлютъ"—есть обще-выраженное указаніе на самыя первыя чудеса Бориса и Глѣба и приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ эти чудеса совершались [2]).

Авторъ „Сказанія" въ похвалу св. мученикамъ нарочито отмѣчаетъ, какъ знаменательное чудо, то, что они „сущихъ въ темницахъ и въ узахъ" посѣщаютъ,—ясное указаніе на случай, разсказанный преп. Несторомъ, бывшій въ правленіе Ярослава „въ нѣкоемъ градѣ", когда св. страстотерпцы явились ночью къ заключеннымъ въ темницу и внезапно освободили ихъ и отъ оковъ, и изъ темницы; на этомъ мѣстѣ великій князь и повелѣлъ „создати церковь во имя святою" [3]).

Наконецъ, указаніе автора, что св. Борисъ и Глѣбъ прославились чудесами и между приходящими отъ „всѣхъ странъ" не

---

[1]) Хр. Чт. 1849 г. II, 398 и 399 стр

[2]) Первое чудо было надъ отрокомъ, у котораго нога была «суха и скорчена»; второе чудо о слѣпомъ, третье—о нѣмомъ и храмомъ... См. Христ. Чтен. 1849 г. II, 400—403 стр.

[3]) Макар. I, 94 стр. и 163 прим.

относится ли къ чуду, бывшему надъ варягомъ вскорѣ послѣ кончины св. братьевъ, вслѣдъ за погребеніемъ Глѣба вмѣстѣ съ Борисомъ? [1]). Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на поклоненіе новоявленнымъ и чудотворнымъ мощамъ св. мучениковъ стекались не одни русскіе, а и иноземцы, по крайней мѣрѣ изъ бывавшихъ въ Кіевѣ (а Вышгородъ, гдѣ почивали Борисъ и Глѣбъ, въ 8 верстахъ отъ Кіева), и между ними могли быть такіе, которые искали исцѣленія и получали его [2]).

Словомъ, преувеличенное выраженіе составителя „Сказанія" о количествѣ чудесъ св. братьевъ-мучениковъ не можетъ вести ни къ какому положительному заключенію о времени происхожденія того памятника, о которомъ мы говоримъ. Второй признакъ для опредѣленія времени написанія „Сказанія", извлекаемый изъ самаго сочиненія, гораздо, повидимому, опредѣленнѣе перваго, только что разсмотрѣннаго нами, и находится въ слѣдующихъ словахъ: „и на мѣстехъ, идеже мученичьскымъ вѣнцемъ (Борисъ и Глѣбъ) увязостася, сздани бысть церкви во имя ею". Авторъ „Сказанія" удостовѣряетъ, такимъ образомъ, что ко времени написанія имъ сочиненія о св. мученикахъ существовали уже церкви, посвященныя ихъ имени—одна на Альтѣ (гдѣ убитъ св. Борисъ), а другая на Смядыни (гдѣ погибъ св. Глѣбъ). Изъ лѣтописи не видно, чтобы на указанныхъ мѣстахъ находились церкви въ XI в. Кромѣ того обращаютъ вниманіе на выраженіе писателя: „сздани", каковое указываетъ на сооруженіе церквей каменныхъ [3]), а объ

---

[1]) Ibid. I, 158 и 164 прим.

[2]) Новгородскій архіепископъ Антоній (въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ), бывшій въ Константинополѣ въ 1200 г. (См. Голуб. I, I, 686 стр.), передаетъ въ своемъ Паломникѣ, что въ св. Софіи-Цареградской была большая икона св. Бориса и Глѣба, служившая оригиналомъ для иконописцевъ; а въ той части города, которая нынѣ называется Перою, находилась церковь св. мучениковъ (Пал. по изд. Савваит. 79 и 159 стр.), основанная, по мнѣнію Голубинскаго, кѣмъ-нибудь изъ русскихъ князей (Ист. р. ц. I, II, 1-е пр. къ 335 стр.) въ теченіе XII в. Слѣд., среди грековъ имена св. Бориса и Глѣба были небезызвѣстны.

[3]) По словамъ пр. Голубинскаго, выраженіе лѣтописи «создалъ», а не поставилъ или срубилъ, располагаетъ болѣе думать о каменной, чѣмъ о деревянной церкви. Истор. Рус. ц. I т. II пол. 262 стр.

этихъ послѣднихъ точно извѣстно слѣдующее: церковь на Альтѣ, заложенная въ 1117 г., окончена когда-то до 1125 г. (при Владимірѣ Мономахѣ); церковь каменная на Смядыни заложена кн. Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1145 г. [1]). Слѣдов., говорятъ, „Сказаніе", какъ упоминающее объ этихъ церквахъ, могло быть написано только позднѣе 1145 г. [2]).

Однако, такое заключеніе, повидимому совершенно справедливое на самомъ дѣлѣ слишкомъ шатко. Еще пр. Макарій и Срезневскій обратили вниманіе на то, что выраженіе: „иде же мученичьскымъ вѣнцемъ увязостася" находится не во-всѣхъ извѣстныхъ спискахъ „Сказанія"; слѣдоват., могло быть вставлено въ него позднѣе, послѣ построенія указанныхъ церквей, а потому основанное на этихъ словахъ мнѣніе не вполнѣ надежно. [3]) Но допустимъ, что разбираемое выраженіе не есть вставка въ „Сказаніе".

Прежде всего представляется дѣломъ рѣшительно невѣроятнымъ, чтобы въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ смерти св. Бориса и Глѣба мѣста ихъ мученической кончины оставались пустыми, не имѣли храмовъ и только въ первой половинѣ XII в. на нихъ явились церкви и прямо каменныя. Обыкновенно же каменные храмы смѣняли собою деревянные и иногда не вдругъ. И въ Вышгородѣ, на гробахъ св. мучениковъ, каменная церковь была сооружена послѣ двухъ деревянныхъ. Почему же подобной смѣны не могло быть на Альтѣ и на Смядыни?

Въ тотъ періодъ времени, къ которому относится построеніе каменныхъ церквей на Альтѣ и Смядыни, храмы, посвященные имени св. мучениковъ, созидались и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, Давидъ Святославовичъ, умершій въ 1123 г., построилъ церковь Бориса и Глѣба въ Черниговѣ [4]). Съ нѣкоторою вѣроятностію можно думать, что она была каменная [5]) Юрій Долгорукій († 1157 г.) построилъ церковь въ селѣ Кидекшѣ, на рѣкѣ Нерли, около Суз-

---

[1]) Лѣт. подъ 1117 г. и 11.5 Л. по Лавр. сп. 277 и 280 стр.) Новгор. I лѣт. подъ 1145 г.

[2]) См. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1888 г. II, 654 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Лѣт. по Ип. сп. подъ 1162 г., 355 стр.

[5]) Голуб. I т. II пол. 262 стр.

даля, „идѣже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба“; [1]) эта церковь несомнѣнно была каменная. Если такія мѣста, какъ „становище“ св. сыновей Владиміра, почитались какъ будто священными и достойными памяти; если храмы въ честь Бориса и Глѣба воздвигались въ разныхъ концахъ земли руской [2]), то можно ли допустить, что оставались въ забвеніи и запустеніи тѣ мѣста, на которыхъ пролита невинная кровь св. мучениковъ, признаваемыхъ великими угодниками Божіими [3]),—тѣмъ болѣе, что съ этими мѣстами соединялись и другія воспоминанія: на Альтѣ, гдѣ убитъ Борисъ, Ярославъ одержалъ окончательную побѣду надъ братоубійцею Святополкомъокаяннымъ,—побѣду, которую князь могъ приписывать молитвамъ своего брата—мученика [4]); на Смядыни, гдѣ погибъ св. Глѣбъ, слышали „пѣнья ангельская“, видѣли „свѣтъ и свѣщи въ пустѣ мѣстѣ [5]). Припомнимъ, что св. Владиміръ, избавившись отъ набѣга печенѣговъ, строитъ по обѣщанію церковь въ Василевѣ [6]); а Ярославъ сооружаетъ храмъ въ „нѣкоемъ градѣ“, на мѣстѣ явленія св. Бориса и Глѣба заключеннымъ въ темницѣ. Послѣ этого трудно допустить, чтобы мудрый сынъ Владиміра оставилъ въ забвеніи мѣста мученической кончины своихъ святыхъ братьевъ, и мы съ рѣшительною вѣроятностію полагаемъ, что церкви на Альтѣ и на Смядыни построены во дни Ярослава, или, по крайней мѣрѣ, сына его Изяслава.

Дѣйствительно, въ лѣтописи есть указаніе на то, что около половины XI в. на Альтѣ существовала уже церковь и даже монастырь. Въ 1074 г., разсказываетъ лѣтописецъ, преп. Θеодо-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. подъ 1159 г., 331 стр.

[2]) Въ Новгородѣ, напрым., церковь свв. Бориса и Глѣба въ продолженіе 1167—1173 гг. была выстроена даже въ самомъ Кремлѣ на мѣстѣ уже деревянной церкви св. Софіи частнымъ лицомъ Садкомъ богатымъ. См. Голуб. I, т. II пол. 270 стр.

[3]) Въ «уставѣ», приписываемомъ митр. Георгію, день памяти Бориса и Глѣба причисляется къ великимъ годовымъ праздникамъ. Голуб. I, I, 511 стр. Ср. Лѣт. по Лавр. сп. 214—215 стр.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп. 141 стр. Лѣт. по Ип. сп. 101 стр. Хр. Чт. 1849 г. II, 395 стр.

[5]) Хр. Чт. 1849 г. II, 397 стр.

[6]) Лѣт. по Лавр. сп. 122 стр.; лѣт. по Ип. сп. 86 стр.

сій Печерскій, умирая, предложилъ въ пріемники себѣ по игуменству пресвитера Іакова, но братіи было „нелюбо“ такое предложеніе, потому что Іаковъ не былъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, а пришелъ, разумѣется, монахомъ съ „Летьца“ [1]), подъ которымъ нужно разумѣть Альту, (рѣчку близъ Переяславля, гдѣ убитъ св. Борисъ [2]). Неизвѣстно, когда Іаковъ прибылъ въ Печерскій монастырь, но несомнѣнно гораздо раньше 1074 г., такъ какъ преп. Өеодосій уже успѣлъ узнать и оцѣнить по достоинству этого пришлаго монаха. Такимъ образомъ, нужно согласиться, что на Альтѣ около половины XI в. существовалъ монастырь и вполнѣ естественно полагать, что онъ былъ устроенъ на мѣстѣ мученической кончины Бориса и въ честь его и Глѣба,[3]) потому что едва ли какое-нибудь другое мѣсто на указанной рѣчкѣ по своему значенію имѣло больше правъ на то, чтобы быть освященнымъ основаніемъ монастыря.

На Смядыни, на мѣстѣ убіенія св. Глѣба, раньше построенія каменной церкви также существовалъ монастырь, упоминаемый въ 1138 г. [4]) Кѣмъ основанъ онъ и когда; неизвѣстно, но несомнѣнно гораздо ранѣе сейчасъ указаннаго года.

Такимъ образомъ, есть вполнѣ достаточное основаніе утверждать, что на мѣстахъ мученической кончины свв. Бориса и Глѣба еще въ XI в. были построены церкви во имя св. мучениковъ и слѣдов. нѣтъ уважительныхъ причинъ переносить написаніе „Сказанія“ объ убіеніи Бориса и Глѣба изъ этого вѣка въ XII в.

Намъ могутъ замѣтить, что между тѣмъ какъ мы говоримъ о существованіи на Альтѣ и Смядыни деревянныхъ церквей въ честь св. мучениковъ, авторъ „Сказанія“ имѣетъ въ виду церкви каменныя.

Подобное возраженіе основывается исключительно на выраже-

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп. 181—182 стр., по Ип. сп. 131 стр.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаютъ это названіе издатели лѣтописей: проф. Голубинскій, который замѣчаетъ, что рѣки съ уменьшительнымъ именемъ Альтецъ неизвѣстно (Гол. I, II, 628 стр.), пр. Макарій, который прямо говоритъ, что Іаковъ прибылъ въ Кіево-Печерскій монастырь съ Альты (Мак. II, 144 стр.), ср. Лавр. лѣт. 326 стр.

[3]) См. Голуб. I, II, 627—628 стр.

[4]) См. Голуб. I, II, 631 стр., Мак. II, 100 стр.

нія: „сдани“, т. е. на словоупотребленіи; но основаніе это такъ шатко, что на немъ нельзя строить прочные выводы. Проф. Голубинскій говоритъ, что „выраженіе лѣтописи „создалъ“ располагаетъ *болѣе* думать о каменной, чѣмъ о деревянной церкви“, а слѣд., нѣтъ основаній *непремѣнно* думать такъ. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ говорится, наприм., Владиміръ „помысли *создати* церковь Пресвятыя Богородицы“, Ярославъ „заложи на золотыхъ воротѣхъ церковь святыя Богородицы“ и проч. и проч. [1]); въ другихъ спискахъ, въ подобныхъ случаяхъ, прибавлено *„каменую“* [2]), чѣмъ какъ будто дается понять, что сами по себѣ выраженія: „создати церковь“, „заложи церковь“, не вполнѣ опредѣленны и не указываютъ непремѣнно на основаніе церквей каменныхъ. И на самомъ дѣлѣ оказывается такъ. Лѣтописецъ говоритъ, что „игуменъ (преп. Ѳеодосій) и братья *заложиша* церковь велику.... и *свершиша*“ [3]), каковыя выраженія ясно должны указывать на основаніе церкви каменной, а на дѣлѣ оказывается, что она была деревянною, какъ удостовѣряетъ преп. Несторъ. Проф. Голубинскій находитъ такое словоупотребленіе у лѣтописца страннымъ [4]), но приведенный-то примѣръ и можетъ доказывать, что словоупотребленіе — доказательство не вполнѣ твердое...

О десятинной церкви лѣтописецъ выражается, что Владиміръ *„сдѣла“* ее (въ др. мѣстахъ „создалъ“; въ ипат. сп. „създа“) [5]); такое же выраженіе употребляетъ онъ и о церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 1072 г. [6]); а между тѣмъ первая церковь была каменная, а вторая деревянная.

Полагаемъ, что и выраженіе автора „Сказанія“: „сдани

---

[1]) Лавр. лѣт. 119, 148.

[2]) Ипат. лѣт. 83, 106, 211, стр. и др. См. Лавр. лѣт. 277, 284, 391 и др. стр., гдѣ употребляется выраженіе: «заложи церковь камену».

[3]) Лѣт. подъ 1051 г· (по Лавр. сп. 155 стр., по Ип. сп. 112 стр.,

[4]) Голуб. I; II, 1-е прим. къ 478 стр.

[5]) Лѣт. по Лавр. сп. 80 стр., ср. 128 и 150 стр. Ип. 54 и др. стр.

[6]) Лѣт. подъ 1072 г. (по Лавр. спис. 176 стр., по Ип. сп. 127 стр.). О князѣ Димитріѣ Юрьевичѣ лѣтопись говоритъ, что онъ «манастырь созда, въ немъ церковь камену» (Лѣт. по Лавр. сп. 415 стр).

бысть церкви" не доказываетъ непремѣнно и безусловно, что это были каменныя церкви [1]).

Вотъ на что еще нужно обратить особенное вниманіе. Авторъ „Сказанія" знаетъ и упоминаетъ только три церкви, посвященныя св. мученикамъ: одну въ Вышгородѣ и двѣ на мѣстахъ убіенія свв. Бориса и Глѣба, и ничѣмъ не даетъ понять о существованіи церквей во имя страстотерпцевъ въ другихъ мѣстахъ. Если бы „Сказаніе" было написано послѣ 1145 года, то его составителю было вполнѣ прилично и естественно въ похвальномъ словѣ мученикамъ указать и на то, что память ихъ чтится во всѣхъ концахъ земли русской, въ храмахъ, посвященныхъ ихъ имени, чего однако авторъ „Сказанія" не дѣлаетъ... Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что въ „Сказаніи" не говорится даже и о первомъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (въ 1072 г.), даетъ достаточное основаніе относить написаніе разбираемаго нами произведенія къ XI в. Всѣ попытки доказать противное не могутъ считаться вполнѣ удачными.

Подводя, такъ сказать, итоги сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ о „Сказаніи", мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) „Сказаніе" объ убіеніи Бориса и Глѣба и повѣсть о чудесахъ этихъ святыхъ—два отдѣльныя сочиненія, не принадлежащія одному автору.

b) Повѣсть о чудесахъ (въ обширной редакціи) составлена не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ и, кажется, изъ разныхъ источниковъ.

c) „Сказаніе" имѣетъ вставленную въ него позднѣе повѣсть о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ.

---

[1]) Можно думать, что въ древней Руси иногда для деревянныхъ церквей дѣлали каменное основаніе. Вѣдь были же каменныя церкви съ деревяннымъ верхомъ (Ип. лѣт. подъ 1152 г.); почему же не могло быть деревянныхъ церквей на каменномъ фундаментѣ? Въ разсказѣ объ Исаакіѣ (подъ 1074 г.) дается понять, что въ печерской церкви, основанной пр. Ѳеодосіемъ, которая была деревянная, полъ былъ каменный (Л. л. 189 стр., Ип. л. 137); не такое же ли было и основаніе? Подобныя постройки могли быть и въ другихъ мѣстахъ. Какія выраженія должны были употреблять о нихъ лѣтописцы?

d) Авторъ „Сказанія“—писатель самостоятельный, составлявшій свое произведеніе не на основаніи лѣтописи и вообще безъ рукописныхъ источниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составитель нѣсколькихъ историческихъ сочиненій.

e) „Сказаніе“ написано въ XI в.; слѣдов., не оно заимствовано изъ лѣтописи, а лѣтописецъ воспользовался имъ, какъ своимъ источникомъ.

Третье произведеніе, въ которомъ находится указаніе на годъ крещенія св. Владиміра—„Чтеніе о погубленіи блаженую страстотерпцу Бориса и Глѣба“ преп. Нестора. Этотъ „памятникъ, говоритъ проф. Соболевскій, несомнѣнно важный. Его авторъ—Несторъ діаконъ, лицо, отличное отъ преп. Нестора лѣтописца, упоминаемаго въ печерскомъ патерикѣ и, вѣроятно, составителя нашей древнѣйшей лѣтописи—былъ младшимъ современникомъ этого послѣдняго. Онъ упомянулъ о Владимірѣ нѣсколько разъ почти мимоходомъ и при этомъ показалъ, что онъ, говоря о Владимірѣ, пользовался не лѣтописью, а какимъ-то другимъ намъ неизвѣстнымъ источникомъ, о достоинствѣ котораго мы не можемъ судить“ [1]).

Прежде всего отмѣчаемъ, что проф. Соболевскій, защитникъ достовѣрности лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владиміра и Руси, не находитъ возможнымъ отожествлять двухъ лицъ—лѣтописца и писателя „Чтенія“ о погубленіи Бориса и Глѣба. Это уже можно признать шагомъ впередъ, уступкою противному, высказанному довольно рѣшительно [2]), мнѣнію, что Несторъ не былъ лѣтописцемъ. Однако, ученый докторъ славянской филологіи не намѣренъ отказаться

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 398 стр.

[2]) См. Голуб. I, I пол. 119 стр., 643—645. Ср. «Христ. Чт.» 1888 г. I, 602 стр.

отъ присвоенія лѣтописи именно Нестору и потому допускаетъ, что въ Кіево-Печерской обители одновременно жили два инока, носившіе одно и то-же имя—Нестора, изъ которыхъ одинъ—преподобный, а другой—не преподобный; первый—лѣтописецъ, упоминаемый въ патерикѣ печерскомъ, а второй—авторъ житія преп. Ѳеодосія и Чтенія объ убіеніи Бориса и Глѣба. Впрочемъ, ученый профессоръ, съ увѣреностію различая двухъ Несторовъ, съ нѣкоторымъ колебаніемъ и нерѣшительностію считаетъ одного изъ нихъ лѣтописцемъ,—что̀ уже нѣсколько странно. Во всякомъ случаѣ, защитникамъ собственно Несторовой лѣтописи можно теперь сдѣлать попытку—принять мнѣніе Соболевскаго и обстоятельно доказать, что доселѣ несправедливо смѣшивали лѣтописца съ авторомъ „Чтенія,“ хотя они носили одно и то же имя. По Соболевскому, второй, т. е. Несторъ діаконъ, хотя и былъ современникомъ перваго, т. е. Нестора лѣтописца, но современникомъ младшимъ.

Очень понятно, для чего высказывается такое замѣчаніе,—цѣль его указать, что и третье сочиненіе, на которомъ основывается г. Завитневичъ въ рѣшеніи вопроса о годѣ крещенія св. Владиміра, по древности и, слѣд., по авторитету стоитъ ниже лѣтописи, которая, такимъ образомъ, является единственнымъ, заслуживающимъ довѣрія, памятникомъ древности.

На чемъ основано мнѣніе проф. Соболевскаго о Несторѣ, какъ младшемъ современникѣ лѣтописца, остается неяснымъ, хотя оно высказывается не въ видѣ догадки и предположенія, а какъ нѣчто несомнѣнное.

Лѣтописецъ сообщаетъ о себѣ, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь еще при жизни св. Ѳеодосія [1]), слѣд. до 1074 г., но когда именно,—точно неизвѣстно; а Несторъ, авторъ „Чтенія“, передаетъ, что прибылъ въ тотъ же монастырь уже при преемникѣ Ѳеодосія игуменѣ Стефанѣ. Ужъ не на этомъ ли основаніи проф. Соболевскій называетъ составителя „Чтенія“ младшимъ современникомъ лѣтописца? Вполнѣ вѣроятно; но въ такомъ случаѣ нельзя назвать мнѣніе ученаго профессора вполнѣ заслуживающимъ довѣрія.

---

[1]) Лѣт. подъ 1051 г. (Лавр. сп. 156 стр., Ип. сп. 113 стр).

Нѣтъ возможности вполнѣ точно сличить лѣта Нестора съ лѣтами лѣтописца для того, чтобы опредѣленно сказать, который изъ этихъ двухъ современниковъ старшій, но можно сдѣлать такое сравненіе приблизительно.

Лѣтописецъ сообщаетъ о себѣ, что онъ прибылъ въ Кіево-Печерскую обитель „лѣтъ 17 отъ рожденія; но когда, въ которомъ году,—этого не указалъ. Правда, о своемъ вступленіи въ монастырь онъ упоминаетъ подъ 1051 г., но несомнѣнно, что не въ этомъ году пришелъ къ Өеодосію будущій составитель лѣтописи. Подъ 1051 г. повѣствуется лишь о томъ, „въ кое лѣто почалъ быти монастырь Печерьскій“, братія котораго въ началѣ была малочисленна (Варлаамъ передалъ пр. Өеодосію 20 человѣкъ братіи); умноженіе ея послѣдовало уже послѣ того, какъ игуменомъ обители сдѣлался преп. Өеодосій и началъ „правити добродѣтельное житье и чернечьское правило и принимать всякаго приходящаго къ нему“ [1]). Вотъ въ это-то время въ числѣ другихъ, но, кажется, не первыхъ, въ Печерскій монастырь и явился будущій лѣтописецъ.

Неизвѣстно точно, въ которомъ году преп. Өеодосій сдѣлался игуменомъ; по извѣстію одной лѣтописи (софійской), это было въ 1057 г. [2]), а преп. Несторъ какъ будто даетъ основаніе относить это событіе къ 1062 г. [3]).

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что 17-лѣтній юноша, прославившій себя впослѣдствіи составленіемъ лѣтописнаго сборника, пришелъ къ преп. Өеодосію не ранѣе сейчасъ указаннаго срока, а по нѣкоторымъ признакамъ позднѣе.

Подъ 1065 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что „въ си же (Ип.: „въ та же“) времена „(полагаемъ, что это указаніе только приблизительное, а не вполнѣ точное) изъ рѣчки Сѣтомли былъ вытащенъ младенецъ уродъ, между прочимъ, съ срамными удами на лицѣ, „егоже, замѣчаетъ авторъ о себѣ, позоровахомъ до вечера“ [4]). Случай этотъ, очевидно чрезвычайно памятный для лѣтописца, такъ

---

[1] Лѣтоп. по Лавр. сп. 156 стр. Лѣт. по Ип. сп. 113 стр.
[2] Пол. Собр. Рус. Лѣт. V, 139 стр.
[3]) Голуб. I, II, 1-е прим. къ 479 стр.
[4]) Лѣт. по Лавр. сп. 160 стр. Ип. сп. 116 стр.

что онъ занесъ его на страницы своего лѣтописанія, обнаруживаетъ рѣшительно дѣтское любопытство разсматривающаго даже до вечера найденный трупъ, любопытство, которое указываетъ на слишкомъ молодой возрастъ нашего лѣтописца и возможно въ томъ только случаѣ, если онъ не былъ монахомъ Кіево-Печерской обители. По поводу сейчасъ разсказаннаго случая проф. Голубинскій дѣлаетъ слѣдующее совершенно справедливое замѣчаніе: „такъ какъ рѣчка Сѣтомль или Сѣтомля течетъ или текла подъ Кіевомъ, за противоположнымъ краемъ города отъ Печерскаго монастыря и весьма далеко отъ него; такъ какъ трудно предположить, чтобы монахи позволили себѣ такое неприличное занятіе, какъ цѣлый день глазѣть на дитя—урода и притомъ урода какого-то еще срамнаго (по крайней мѣрѣ такимъ находили его тогдашніе монахи и Ѳеодосіева монастыря): то есть вся вѣроятность полагать, что указанный случай имѣлъ мѣсто, когда лѣтописецъ былъ еще въ міру дитятей или юношей [1]).

Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что инокомъ Печерской обители лѣтописецъ сдѣлался когда-то послѣ 1065 г., по всей вѣроятности, незадолго до кончины преп. Ѳеодосія [2]), проживъ впрочемъ при немъ большее или меньшее время, приблизительно около 5—7 лѣтъ, такъ что смерть св. игумена застала его въ возрастѣ меньшемъ 25-лѣтняго.

Преп. Несторъ, авторъ „Чтенія“, пришелъ въ Печерскій монастырь уже при преемникѣ св. Ѳеодосія—Стефанѣ, но не въ тѣхъ юныхъ годахъ, въ какихъ прибылъ лѣтописецъ. Постриженный въ монахи, Несторъ вскорѣ по своемъ вступленіи въ обитель былъ посвященъ въ санъ діакона тѣмъ же игуменомъ Стефаномъ. Говоримъ: „*вскорѣ*,“ потому что Стефанъ управлялъ Печерскимъ монастыремъ около 4 лѣтъ и подъ 1078 г. извѣстенъ уже его преемникъ Никонъ. Трудно, а, пожалуй, и невозможно допустить, чтобы въ обители св. Ѳеодосія, при большомъ количествѣ братіи преп. игуменъ „совокупи братьѣ числомъ 100“), на священныя

---

[1]) Голуб. I т., I пол. 646 стр.
[2]) Макар. II, 158 стр.

степени возводили лицъ слишкомъ молодыхъ, не имѣющихъ, наприм., 20 лѣтъ отъ роду. По канонамъ церкви, въ санъ діакона должны быть поставляемы лица, достигшія уже двадцатипятилѣтняго возраста (29-е прав. карѳаг. соб. и 14 прав. VI всел. соб.).

Не можемъ сказать, соблюдалось ли въ точности это постановленіе въ древней Руси, но по всей вѣроятности оно исполнялось хотя приблизительно и если препод. Несторъ, вскорѣ по вступленіи въ монастырь, не смотря на значительное число братіи, былъ возведенъ въ діаконскій санъ, то, безъ сомнѣнія, кромѣ духовной зрѣлости, онъ достигъ уже и вполнѣ зрѣлаго возраста.

Приблизительное сравненіе лѣтъ перваго лѣтописца съ лѣтами Нестора можетъ вести къ тому заключенію, что оба эти современника были сверстниками и ни откуда не видно, чтобы первый былъ старше второго. А между тѣмъ есть основаніе думать даже напротивъ, что именно лѣтописецъ былъ младшимъ современникомъ Нестора, и основаніе это заключается въ началѣ литературнаго труда тѣмъ и другимъ писателемъ. Нужно признать, по нашему мнѣнію, что преп. Несторъ раньше своего современника—лѣтописца выступилъ въ качествѣ писателя, а это очень важно для оцѣнки правильности мнѣнія проф. Соболевскаго. Положеніе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Начиная житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго, Несторъ въ приступѣ къ нему указываетъ, что „сперва"—раньше этого онъ написалъ о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, т. е. извѣстное намъ „Чтеніе". А житіе Ѳеодосія написано когда-то до 1091 г., такъ какъ Несторъ не говоритъ объ открытіи мощей преподобнаго, бывшемъ именно въ этомъ году; въ противномъ случаѣ, непонятно и необъяснимо, почему онъ, „одержимый любовію къ святому и великому отцу Ѳеодосію", умалчиваетъ о такомъ важномъ событіи, праздновавшемся „свѣтло" [1]) въ Кіево-Печерской обители.

А если принять во вниманіе, что Несторъ упоминаетъ только о двухъ преемникахъ преп. Ѳеодосія Стефанѣ и Никонѣ [2]) и не

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 205 стр.
[2]) Мак. II, 166 стр.

называетъ третьяго Іоанна, при которомъ и случилось открытіе мощей преподобнаго, то можно думать, что „житіе“ составлено до 1089 г., въ которомъ Печерскимъ монастыремъ правилъ уже Іоаннъ [1]).

А если уже второе произведеніе преп. Нестора составлено до 1089 г. или, по крайней мѣрѣ, до 1091 г., то первое, т. е. „Чтеніе“ о погубленіи Бориса и Глѣба, и значительно раньше сейчасъ указанныхъ годовъ, такъ какъ нужно же отложить необходимое время на составленіе житія—произведенія, имѣющаго за собою значительныя литературныя достоинства [2]); а главное—на собираніе свѣдѣній о преп. Ѳеодосіѣ, потому что, не бывъ самъ непосредственнымъ ученикомъ св. игумена, Несторъ долженъ былъ много потрудиться надъ подготовленіемъ необходимаго матеріала для житія его.

Такимъ образомъ, въ небольшой сравнительно промежутокъ времени—отъ вступленія въ Печерскій монастырь (когда-то между 1074—78 г.) до 1089—91 г. преп. Несторомъ составлено два произведенія и изъ нихъ первое, болѣе древнее и болѣе близкое къ первому періоду времени есть, несомнѣнно, „Чтеніе“.

Обращаемся теперь къ лѣтописи. Крайне трудно точно указать время ея возникновенія. А если обратить вниманіе на вышесказанное, что лѣтописецъ пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь „лѣтъ 17“, незадолго до кончины преп. Ѳеодосія, то нужно согласиться, что онъ долго—долго послѣ этого времени не могъ приняться за составленіе такого сложнаго и обширнаго труда, какъ лѣтопись; для этого нужна была хорошая литературная подготовка, знакомство съ существующими древнѣйшими памятниками (а лѣтописецъ былъ знакомъ даже съ литературой греческой); нужны были умственная зрѣлость и, наконецъ, богатый опытъ своей жизни.

Мнихъ Іаковъ, неизвѣстный авторъ „Сказанія“ объ убіеніи Бориса и Глѣба и преп. Несторъ пишутъ повѣсти и сказанія объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ, а лѣтописецъ составляетъ „по-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 201 стр.
[2]) См. Голуб. I, I, 626—627 стр.

вѣсть временныхъ лѣтъ"; какой же у него долженъ былъ накопиться громадный матеріалъ для составленія такого обширнаго произведенія?!.

Въ частности, преп. Несторъ даетъ понять, что не только „Чтеніе" о погубленіи св. Бориса и Глѣба, но и житіе преп. Ѳеодосія онъ пишетъ ранѣе лѣтописца: во второмъ своемъ сочиненіи онъ не разъ заявляетъ, что житіе св. Ѳеодосія не описано никѣмъ прежде его, и что онъ первый „покусился отъ грубости сердца своего написать о немъ, что слышалъ",—ясное указаніе на то, что раньше не существовало ничего записаннаго о преп. Ѳеодосіѣ, а слѣд. и того, что записано въ лѣтописи ученикомъ св. игумена.

Такимъ образомъ, можно утверждать, что не только „Чтеніе", о которомъ мы собственно и ведемъ рѣчь, но и житіе преп. Ѳеодосія, произведеніе, сравнительно съ „Чтеніемъ", болѣе позднее, по времени своего происхожденія старше лѣтописи.

Въ самой лѣтописи можно находить нѣкоторыя косвенныя указанія на время ея составленія.

На первыхъ же страницахъ своего труда, приведя выписку изъ Георгія Амартола о томъ, что „коемуждо языку" есть свой законъ и свои обычаи, лѣтописецъ замѣчаетъ отъ себя: „якоже се *при насъ нынѣ* половци *законъ* держать отець своихъ: *кровь проливати, а хвалящеся о сихъ* и ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы и поимаютъ мачехи своя и ятрови, и ины обычая отець своихъ творять [1]): По поводу этихъ словъ лѣтописи проф. Голубинскій говоритъ слѣдующее: „такъ какъ половцы стали сосѣдями и врагами Руси съ 1054 г. и такъ какъ они были узнаны въ своихъ обычаяхъ, конечно, не тотчасъ, то сейчасъ приведенное написано около 1060 г." [2]). Но не трудно убѣдиться, что выше указанныя слова записаны много позднѣе 1060 г.

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 15 стр. Ип. сп. 9 стр. Ср. стр. 24 Лавр. сп. и 14 стр. Ипат. сп.

[2]) Голуб. I, I, 5-е прим. къ 650 стр.

Проф. Голубинскій рѣшительно признаетъ лѣтопись произведеніемъ одного автора [1]), который, по его же мнѣнію, пришелъ въ Печерскій монастырь когда-то послѣ 1065 г. семнадцатилѣтнимъ юношей и, какъ мы говорили выше, не могъ въ раннихъ лѣтахъ своего возраста заняться составленіемъ „повѣсти временныхъ лѣтъ".

Выше приведенныя слова лѣтописи и сами по себѣ наводятъ на ту мысль, что они могли быть записаны только значительно позднѣе 1060 г.

Въ самомъ дѣлѣ, половцы стали сосѣдями Руси или въ 1054 г. (какъ указываетъ Лаврентьевская лѣтопись), или въ 1055 г. (какъ отмѣчено въ Ипатьевской лѣтописи) [2]), когда Всеволодъ Переяславскій заключилъ съ ними миръ (предварительно не воевавши). Въ первый разъ воевать русскую землю пришли они въ 1061 г.; второй набѣгъ половцевъ послѣдовалъ въ 1068 году [3]). Само собою понятно, что на основаніи одного-двухъ случаевъ прихода на Русь новыхъ, до того времени неизвѣстныхъ, кочевниковъ, лѣтописецъ не могъ сказать, что проливать кровь и хвалиться этимъ составляетъ законъ для половцевъ. Подобное замѣчаніе возможно было сдѣлать развѣ только послѣ цѣлаго ряда опустошительныхъ половецкихъ набѣговъ, вполнѣ доказавшихъ кровожадные инстинкты новыхъ сосѣдей Руси. Самыя жестокія бѣдствія причинили половцы нашему отечеству, кажется, въ послѣднее десятилѣтіе XI в. и въ началѣ XII в. [4]), такъ что послѣ

---

[1]) Ibid.

[2]) См. Лавр. л. 158 стр. Ип. лѣт. 114 стр. Въ данномъ случаѣ мы склоняемся къ тому, чтобы отдать предпочтеніе датѣ Ипат. лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, если Ярославъ умеръ въ концѣ февраля (19 и 20), то Изяславъ, его преемникъ, «*пришедъ*» изъ Новгорода (при погребеніи Ярослава его не было), могъ сѣсть въ Кіевѣ въ началѣ слѣдующаго мартовскаго года—1055 г. Поэтому предъ словами: «начало княженья Изяславля Кыевѣ» нужно поставить: «въ лѣто 6563, какъ и сдѣлано въ Ипатьевской лѣтописи, тѣмъ болѣе, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ этотъ годъ 6563 (1055) совершенно пропущенъ.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп. стр. 158 и 159; Ип. сп. стр. 114 и 115.

[4]) Въ 1092 г. «рать велика бяше отъ Половецъ», которые взяли три города и «многа села воеваша» по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

постоянныхъ почти нашествій на Русь, предпринятыхъ половцами въ этомъ періодѣ, вполнѣ можно было сказать, что пролитіе крови составляетъ для нихъ какъ бы законъ и предметъ для похвальбы.

Кромѣ того, лѣтописецъ знаетъ нѣкоторые обычаи половцевъ, наблюдаемые, конечно, въ продолженіи долгаго времени и требующіе самаго близкаго знакомства съ этимъ кочевымъ народомъ. Отъ кого, наприм., могли получиться на Руси свѣдѣнія о томъ, на комъ половцы женятся, что употребляютъ въ пищу и под.? Всего вѣроятнѣе, что подобное близкое знаніе домашняго быта этихъ кочевниковъ приносили на Русь тѣ русскіе люди, которые, попавъ въ плѣнъ къ своимъ врагамъ, имѣли счастливую возможность бѣжать на родину [1]). Вполнѣ естественно, что не быстро могли распространяться такого рода свѣдѣнія...

Такимъ образомъ, есть основаніе утверждать, что выше приведенныя слова лѣтописи о „законахъ и обычаяхъ“ половцевъ написаны около конца XI или начала XII в. Слѣдовательно, и самое появленіе и составленіе ея не могло быть ранѣе сейчасъ указаннаго періода времени.

Подъ 852 годомъ, прежде подробнаго указанія, что и въ какое „лѣто“ случилось, лѣтописецъ сообщаетъ общую хронологію событій, предназначенныхъ имъ къ описанію. Начавъ ее отъ Адама, онъ заканчиваетъ слѣдующими данными: „тѣмже отъ смерти Святославля до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60“ [2]). Упоминаемый здѣсь

Въ 1093 г. Половцы разсыпались по русской землѣ, опустошая ее, разбили на-голову Святополка, и причинили столько бѣдствій нашему отечеству, что лѣтописецъ признаетъ нашествіе ихъ божественнымъ наказаніемъ. Въ 1094 г навелъ на Русь половцевъ Олегъ изъ Тмутоdo ракани. Въ 1095 г. половцы явились подъ Юрьевымъ на Руси. Въ 1096 г. они приходили даже подъ Кіевъ и хотя были разбиты, но возобновили свой набѣгъ вполнѣ удачно... и т. д.

[1]) Знакомство русскихъ съ бытомъ половцевъ могло основываться и на брачныхъ союзахъ этихъ двухъ народовъ, но едва ли простые русскіе люди роднились съ «погаными», а если русскіе князья женились на половчанкахъ, то по необходимости и по разсчету и, кажется, первый бракъ такого рода относится къ 1094 г.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 17 стр.

Святополкъ, смертію котораго лѣтописецъ предпологалъ окончить свое бытописаніе, есть никто иной, какъ Святополкъ-Михаилъ, великій князь кіевскій, скончавшійся въ 1114 году (по Ип. сп. въ 1113 г.) 16 апрѣля [1]), т. е. черезъ 60 лѣтъ или на 60 году послѣ смерти Ярослава.

Такимъ образомъ, можно думать, что въ то время, когда неизвѣстный печерскій инокъ былъ озабоченъ систематизаціей предварительно собраннаго имъ матеріала и распредѣленіемъ его по годамъ, смерть Святополка-Михаила была уже совершившимся фактомъ, такъ что лѣтописный сборникъ получилъ свою законченность и окончательно редактированъ уже послѣ 1114 года. Въ самой тѣсной связи съ этимъ находится извѣстная приписка Сильвестра, помѣщенная въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи послѣ 1110 г. Въ этой припискѣ игуменъ Сильвестръ говоритъ о себѣ: „написахъ книги сы лѣтописецъ при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила. въ 6624, индикта 9 лѣта“ [2]), чѣмъ какъ будто даетъ понять, что, будучи не переписчикомъ, а самимъ авторомъ лѣтописи („написахъ“; ср. выраженіе Іакова въ „Похвалѣ Володимеру“), онъ началъ ее простымъ черноризцомъ, а довелъ до 1110 года и сдѣлалъ припись уже въ санѣ игумена Михайловскаго монастыря и уже при преемникѣ князя Святополка-Михаила, почти вполнѣ обнявъ въ своемъ лѣтописаніи отмѣченный въ общей хронологіи періодъ.

Конечно, не мало времени требовалось на подготовленіе матеріала, изъ котораго составилась „повѣсть временныхъ лѣтъ“ и который заключался или въ записяхъ предшественниковъ лѣтописца или въ свѣдѣніяхъ его самаго, почерпнутыхъ то изъ преданія, изъ разсказовъ старцевъ, то изъ опыта своей довольно продолжительной жизни; количество необходимаго на это времени трудно опредѣлить, но за то есть возможность приблизительно точно указать время составленія всего начальнаго лѣтописнаго свода послѣ предварительнаго собранія нужныхъ для этой цѣли свѣдѣній, и оно—

[1]) См. Лавр. лѣт. 276 стр. Ип. лѣт. 198 стр.
[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 274 стр.

это время составленія лѣтописи—будетъ падать на начальные годы второго десятилѣтія XII в. Принимая во вниманіе отчасти приведенныя выше указанія лѣтописи на время ея написанія, отчасти указаніе преп. Нестора на то, что онъ первый и, слѣдовательно, раньше лѣтописца, рѣшился описать жизнь Өеодосія, мы рѣшительно должны признать несостоятельною попытку проф. Соболевскаго отнести „Чтеніе" о Борисѣ и Глѣбѣ къ памятникамъ позднѣйшимъ, сравнительно съ лѣтописью. Въ дѣйствительности же было прямо наоборотъ, и Несторъ, по крайней мѣрѣ, какъ писатель, безъ всякаго сомнѣнія старше своего современника, сдѣлавшагося извѣстнымъ впослѣдствіи въ качествѣ лѣтописца.

Теперь не трудно понять, почему преп. Несторъ не только не пользовался, но и не могъ пользоваться лѣтописью, составляя свои произведенія раньше ея. Что у него, при написаніи „Чтенія", могъ быть подъ руками какой-нибудь источникъ,—это очень вѣроятно, и самъ авторъ какъ будто намекаетъ на него, когда говоритъ, что сообщаетъ о житіи и чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба, „опаснѣ вѣдущихъ исписая" [1]). Но изъ письменнаго ли источника или же изъ устнаго преданія взята Несторомъ дата крещенія св. Владиміра, — рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время не представляется, кажется, никакой возможности. Не невѣроятное дѣло, что эта дата заимствована изъ того же источника, который далъ основаніе мниху Іакову высказать, что Владиміръ пожилъ въ христіанствѣ 28 лѣтъ.

Проф. Соболевскій говоритъ, что ничего нельзя сказать о достоинствѣ того памятника, которымъ воспользовался Несторъ при написаніи „Чтенія", и тѣмъ хочетъ набросить нѣкоторую тѣнь на достовѣрность и компетентность сообщенія самого Нестора; но подобное мнѣніе высказывается рѣшительно напрасно. Мы не можемъ сказать ничего положительнаго и о достоинствѣ тѣхъ источниковъ, которые имѣлъ лѣтописецъ при написаніи особенно начальной исторіи нашего отечества, а слѣдовательно и къ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ нихъ въ лѣтопись, должны относиться съ со-

---

[1]) Макар. II, 162 стр.

мнѣніемъ и крайнимъ недовѣріемъ; а въ такомъ случаѣ придется заподозрить вѣрность, пожалуй, слишкомъ многихъ историческихъ извѣстій; но будетъ ли такой скепсисъ благодѣтельнымъ для науки!?.

Между тѣмъ несомнѣнно, что если преп. Несторъ пользовался какими нибудь источниками, то, конечно, древними, которые уже поэтому заслуживаютъ вниманія. Притомъ же, Несторъ передаетъ свѣдѣнія людей „опаснѣ вѣдущихъ" сообщаемое ими и, слѣд., заслуживающихъ довѣрія. Можетъ быть проф. Соболевскій не вѣритъ собственно преп. Нестору (а не его источникамъ), подобно тому, какъ онъ не вѣритъ и мниху Іакову, обвиняя послѣдняго въ неумѣніи пользоваться своимъ первоисточникомъ, но, по нашему убѣжденію, такого рода обвиненіе никогда не должно быть голословнымъ, какъ слишкомъ тяжкое и до нѣкоторой степени касающееся добросовѣстности писателя.

Вообще, недовѣріе къ такимъ древнѣйшимъ писателямъ, какъ мн. Іаковъ и преп. Несторъ, ссылка на незнакомство съ источниками для нихъ, обвиненіе этихъ авторовъ въ неумѣніи передать свѣдѣнія первоисточника и въ недобросовѣстности пользованія имъ указываютъ вовсе не на объективное, безпристрастное изслѣдованіе древнихъ памятниковъ, а на тенденціозное отношеніе къ нимъ, при которомъ всякими средствами хотятъ достигнуть заранѣе намѣченной цѣли. Едва ли такую критику можно назвать строго ученою... Нѣсколько ниже мы еще встрѣтимся съ образцами подобнаго же тенденціознаго отношенія къ историческимъ памятникамъ.

IV.

Наконецъ, въ порядкѣ обозрѣнія источниковъ, имѣющихъ значеніе при рѣшеніи вопроса о времени крещенія св. Владиміра и Руси, намъ слѣдовало бы остановиться на лѣтописи, памятникѣ, несомнѣнно, важномъ. Но въ предыдущемъ изложеніи, въ рѣчи о „Похвалѣ Володимеру" и о двухъ сочиненіяхъ, посвященныхъ св. мученикамъ Борису и Глѣбу, мы не разъ касались этого произведенія древности и, по возможности, опредѣлили время его составленія; а нѣсколько ниже необходимо должны будемъ коснуться и

нѣкоторыхъ данныхъ лѣтописи и оцѣнить ихъ достоинства. Впрочемъ, въ короткой статьѣ нѣтъ и возможности подробно и обстоятельно говорить объ этомъ памятникѣ, сдѣлавшемся предметомъ многихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Притомъ же и проф. Соболевскій, съ мнѣніемъ котораго намъ и было желательно познакомиться, говоритъ о лѣтописи слишкомъ мало. Сдѣлавъ попытку (какъ мы видѣли, очень неудачную) доказать, что „Похвала“ св. Владиміру, „Сказаніе“ объ убіеніи Бориса и Глѣба и „Чтеніе“ о погубленіи ихъ—произведенія, сравнительно съ лѣтописью, позднѣйшія, ученый профессоръ указываетъ, почему нужно больше всего довѣрять не первымъ тремъ источникамъ, а послѣднему, а также отмѣчаетъ и самый способъ пользованія имъ. Остановимся нѣсколько на этихъ его указаніяхъ. Заканчивая свои критическія замѣчанія по поводу статьи г. Завитневича, онъ пишетъ: „мы показали, что источники, на которыхъ основывается г. Завитневичъ, взятые всѣ вмѣстѣ, не позволяютъ признать вѣрными его выводы. Но у насъ есть еще источникъ, которымъ онъ не захотѣлъ воспользоваться,—наша древняя лѣтопись. Ея авторъ несомнѣнно имѣлъ подъ руками какія-то древнія записи IX—X в.в. Они дали ему, кромѣ множества фактическихъ подробностей, дату смерти Ольги, дату смерти Владиміра, двѣ даты прихода на Русь „въ первый разъ“ печенѣговъ, дату смерти Мальфреди, Изяслава Владиміровича, царицы Анны. Они должны были заключать въ себѣ также дату событія такой важности, какъ крещеніе Владиміра, на которое не могли не обратить вниманія современники, и которое должно было быть записаннымъ и описаннымъ, если были записаны другія сравнительно маловажныя событія [1]). Лѣтопись воспроизводитъ древнія записи IX—X в.в.; она сообщаетъ множество фактическихъ подробностей,—вотъ основаніе для того, чтобы отдать предпочтеніе ей преимущественно предъ другими, указанными выше и, по возможности, оцѣненными памятниками древности. Не отрицаемъ справедливости перваго замѣчанія, что лѣтописецъ пользовался древ-

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 403 стр.

ними записями (если не IX—X вв., то XI в.), хотя, ставши на точку зрѣнія проф. Соболевскаго, могли бы выразить сожалѣніе о томъ, что ничего не знаемъ ни о достоинствѣ этихъ записей, ни объ умѣньи лѣтописца пользоваться ими (проф. Соболевскій самъ отмѣчаетъ извѣстіе лѣтописи о двухъ приходахъ печенѣговъ на Русь въ первый разъ, „первое“ [1]). Совершенно неоспоримо второе замѣчаніе, что лѣтопись передаетъ множество фактическихъ подробностей; наконецъ, невѣроятно, чтобы не сохранилось никакихъ извѣстій, а, можетъ быть, записанныхъ замѣтокъ о крещеніи Владиміра и Руси; но когда сравнимъ показаніе лѣтописи съ показаніями источниковъ, которымъ проф. Соболевскій не довѣряетъ, какъ болѣе позднимъ и менѣе авторитетнымъ, то увидимъ, что по точности указаній и по сообщенію важныхъ историческихъ данныхъ лѣтопись не только не превосходитъ выше отмѣченные памятники, но и значительно уступаетъ имъ.

Соболевскій указываетъ на то, что лѣтопись даетъ намъ дату смерти св. Ольги; а развѣ мнихъ Іаковъ въ своей „Похвалѣ“ не даетъ ея—этой даты—и притомъ болѣе точно, чѣмъ лѣтопись? Послѣдняя помѣщаетъ кончину св. княгини подъ 969 г. и выражается: „по трехъ днехъ умре Олга“ [2], но отъ какого числа нужно считать эти три дня рѣшительно неясно, по всей вѣроятности отъ разговора Святослава съ матерію о томъ, что ему не любо жить въ Кіевѣ, но, на основаніи лѣтописи, нѣтъ возможности даже и приблизительно опредѣлить время этой бесѣды Ольги съ своимъ сыномъ. Точно ли такое обозначеніе? Опредѣленна ли дата?.. Между тѣмъ Іаковъ пишетъ: Ольга „успѣ мѣсяца июня въ 11 день въ лѣто 6477 (969)“ [3]). Это указаніе нельзя не назвать самымъ опредѣленнымъ и точнымъ. Мало этого. Іаковъ говоритъ, что св. княгиня пожила во св. крещеніи „лѣтъ 15“, — каковое обстоятельство дало ученому проф. Голубинскому поводъ перерѣшить вопросъ не только о времени, но и о мѣстѣ крещенія Ольги [4]).

---

[1]) Подъ 915 г.: «Приидоша печенѣзи *первое* на Рускую землю ..» Подъ 986 г.: «Придоша печенѣзи на Руску землю *первое*.»

[2]) Лѣтоп. по Лавр. сп. 66 стр. Ип. сп. 44 стр.

[3]) «Хр. Чт.» 1849 г. II, 323 стр. Макар. I. 260 стр.

[4]) Голуб. I. т. I-я полов. 65—68 стр.

Проф. Соболевскій отмѣчаетъ, что лѣтопись указываетъ дату смерти св. Владиміра; а развѣ этой даты нѣтъ у Іакова, который ясно и опредѣленно говоритъ, что св. князь „успе съ миромъ мѣсяца іюля въ 15 день, въ лѣто 6523 (1015)?“ [1]). Въ чемъ же здѣсь преимущество лѣтописи предъ мнихомъ Іаковомъ?!. А вотъ на что не излишне было бы обратить вниманіе проф. Соболевскому, особенно въ виду того способа вычисленія лѣтъ, который онъ усвояетъ лѣтописцу, признавая единственно правильнымъ. Іаковъ указываетъ не только годъ, но и день воцаренія Владиміра—11 іюня 6486 (978 г.); такъ что, по точному извѣстію этого писателя, св. князь царствовалъ 37 лѣтъ, 1 мѣсяцъ и 14 дней, а лѣтопись говоритъ, что онъ сѣлъ въ Кіевѣ въ 980 г., княжилъ 37 лѣтъ и умеръ 15 іюля 1015 года; не очевидная ли неточность, признаваемая даже тѣми, которые скептически относятся къ показаніямъ Іакова и вполнѣ довѣряютъ лѣтописи [2]).

О днѣ убіенія Бориса и Глѣба лѣтописецъ не говоритъ, а неизвѣстный авторъ „Сказанія“ объ ихъ страданіяхъ обозначаетъ эту дату вполнѣ точно: Борисъ убитъ 24 іюля „преже 9 калапдъ августа“, а Глѣбъ 5 сентября, въ понедѣльникъ [3]). Нѣсколько ниже намъ придется еще говорить и о другихъ хронологическихъ данныхъ особенно мниха Іакова, сравнительно съ данными лѣтописи.

Представляя вышеприведенные примѣры, мы имѣли въ виду исключительную цѣль — указать неточность и шаткость ссылки проф. Соболевскаго на то, что лѣтопись сообщаетъ „множество фактическихъ подробностей“, конечно, сравнительно съ „Похвалой Володимеру“, съ „Сказаніемъ“ и „Чтеніемъ“ о Борисѣ и Глѣбѣ. Совершенно справедливо, что ни мнихъ Іаковъ, ни неизвѣстный авторъ „Сказанія“, ни преп. Несторъ рѣшительно ничего не говорятъ ни о приходѣ печенѣговъ на Русь, ни о смерти царицы Анны, Мальфреди, Изяслава,—имъ не было никакой причины, ни малѣйшаго повода говорить объ этихъ событіяхъ; но

---

[1]) «Христ. Чт». 1849 г. II, 328 стр. Макар. I, 263 стр.
[2]) См. «Стран.» 1888 г. Дек. 671 стр.
[3]) «Христ. Чт». 1849 г. II, 385 и 391 стр.

въ предѣлахъ того, о чемъ они собственно ведутъ рѣчь, хронологія ихъ и точность показаній несомнѣнно стоитъ выше показаній лѣтописи,—а это очень важно.

Впрочемъ, проф. Соболевскій и самъ признаетъ, что къ даннымъ лѣтописи нужно относиться критически и, что при умѣньи сдѣлать это, можно извлечь изъ нихъ „много вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній" [1]) (слѣдов. не всѣ свѣдѣнія лѣтописи достовѣрны?). Кто же отрицаетъ это? Кто споритъ противъ такого пользованія этимъ источникомъ? Но странное дѣло!.. Какъ скоро дѣйствительно начинается критическое отношеніе къ лѣтописи, или точнѣе, къ лѣтописному разсказу о крещеніи св. Владиміра и Руси (хотя бы критика была и не столь безпощадна, какъ у проф. Голубинскаго), со стороны защитниковъ лѣтописи являются упреки, подозрѣніе, обвиненіе и ни въ чемъ иномъ, какъ въ неумѣломъ пользованіи ею. Ясное дѣло, что абсолютное вѣдѣніе нѣкоторыхъ, такъ сказать, историческихъ секретовъ ученые, въ родѣ проф. Соболевскаго, усвояютъ лишь себѣ, обвиняя другихъ, несогласныхъ съ ихъ выводами, чуть-чуть не въ поголовномъ невѣжествѣ... При такой постановкѣ дѣла, самый добросовѣстный изслѣдователь съ трудомъ можетъ избѣжать обвиненія, имъ, конечно, не заслуженнаго, въ неумѣньи пользоваться лѣтописью.

Впрочемъ, для насъ важно уже и то, что со стороны ученаго защитника лѣтописнаго разсказа о крещеніи св. Владиміра и Руси не только одобряется, но и рекомендуется критическая провѣрка лѣтописныхъ свѣдѣній. И самъ проф. Соболевскій сдѣлалъ попытку такого отношенія къ лѣтописи по поводу, напримѣръ, ея даты крещенія кіевлянъ. Правда, здѣсь является самый естественный вопросъ: гдѣ же тотъ твердый критерій, при помощи котораго можно выдѣлить изъ лѣтописныхъ сказаній вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія? Чѣмъ можно провѣрить справедливость показаній лѣтописи, когда отвергнута компетентность и авторитетность древнѣйшихъ писателей, какъ-то мниха Іакова, преп. Нестора и друг. Но никакого отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у проф.

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 396 стр.

Соболевскаго; да едва ли здѣсь возможенъ какой-нибудь иной отвѣтъ кромѣ отрицательнаго. А если пользоваться лѣтописью нужно умѣло и критически, если ея показанія провѣрять оказывается не чѣмъ, то изслѣдователь древнѣйшей русской исторіи поставленъ на чрезвычайно скользкій путь догадокъ, предположеній, всевозможныхъ гипотезъ; вмѣсто точности являются „кажется", „можно думать", „вѣроятно", что замѣтно и у проф. Соболевскаго; объективность изслѣдованія должна уступить мѣсто субъективнымъ воззрѣніямъ, которымъ открывается широкая дорога. Такимъ-то путемъ, съ точки зрѣнія Соболевскаго, должна идти разработка вопроса о крещеніи Владиміра и Руси. Спрашивается: будутъ ли результаты такой разработки вполнѣ прочны? И не лучше ли поступаютъ тѣ, которые, допуская критическое отношеніе къ лѣтописи, въ своихъ изысканіяхъ опираются на древнѣйшіе памятники древне-русской литературы, не поставляя выше ихъ свое субъективное мнѣніе и догадки?!. Думаемъ, что не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ.

Затѣмъ, относительно лѣтописи возникаетъ и иного рода недоумѣніе—все ли находящееся въ ней по извѣстнымъ теперь спискамъ дѣйствительно принадлежитъ лѣтописцу и нѣтъ ли чего-нибудь вставленнаго въ произведеніе печерскаго инока позднѣйшею рукою? Возможность и умѣстность такого вопроса достаточно понятны. Лѣтопись окончена составленіемъ въ самомъ началѣ XII в., но древнѣйшій списокъ ея мы имѣемъ только отъ второй половины XIV в., слѣдовательно отъ написанія лѣтописи до переписки ея монахомъ Лаврентіемъ протекло болѣе двухъ съ половиной столѣтій. Времени слишкомъ много... Кто же можетъ поручиться, что въ теченіе столь продолжительнаго періода времени ничья посторонняя рука не коснулась нашей лѣтописи, подвергая ее тѣмъ или другимъ измѣненіямъ—иногда дополненіямъ, иногда сокращеніямъ?!. Развѣ не могъ явиться такой начетчикъ и любитель письменности, который, находя нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія краткими, осмѣлился распространить ихъ тамъ, гдѣ имѣлся подходящій для этой цѣли матеріалъ?

Прежде чѣмъ разсуждать объ авторитетѣ лѣтописи и досто-

вѣрности сообщаемыхъ ею свѣдѣній, нужно, по нашему мнѣнію, обосновать мысль, что все, находящееся теперь въ лѣтописномъ сборникѣ, дѣйствительно вышло изъ подъ пера перваго лѣтописца, или, по крайней мѣрѣ, нужно доказать это относительно повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси. Проф. Соболевскій, кажется, держится именно этого мнѣнія о происхожденіи всѣхъ, имѣющихся въ лѣтописи, свѣдѣній отъ одного лица—первоначальнаго ея составителя. А между тѣмъ въ исторической наукѣ было высказано мнѣніе, что повѣсть о крещеніи Владиміра и Руси, читаемая теперь въ лѣтописи, т. е. самый важный для насъ отдѣлъ ея, есть именно вставка [1]).

Правда, ученые несогласны въ опредѣленіи времени, когда сдѣлана эта вставка: по мнѣнію однихъ [2]), послѣ лѣтописца и въ замѣну его, быть можетъ, краткихъ сообщеній; по мнѣнію другихъ [3]), указанная повѣсть помѣщена въ лѣтопись самимъ ея составителемъ—печерскимъ инокомъ, который, такъ сказать, санкціонировалъ достовѣрность этого разсказа своимъ авторитетомъ.

Не будемъ касаться вопроса о томъ, которое изъ этихъ мнѣній справедливѣе, тѣмъ болѣе, что сужденіе по этому предмету было уже высказано нами [4]); во всякомъ случаѣ, полагаемъ, нужно признать, что лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра и Руси есть ничто иное, какъ отдѣльное, составленное не для ежегодника, сказаніе, въ которомъ сгруппированы событія нѣсколькихъ лѣтъ безъ точной и обстоятельной хронологіи. Для удостовѣренія въ этомъ слѣдуетъ прочитать лишь лѣтописную запись подъ 988 годомъ. Сколько событій помѣщено подъ этимъ годомъ! Здѣсь разсказывается о корсунскомъ походѣ св. Владиміра, сопровождавшемся продолжительной осадой города, о крещеніи св.

---

[1]) См. Сухомл. «О древней Рус. лѣт., какъ памят. литератур.» 1856 г. 77 стр. Бестуж.-Рюмина «О составѣ Рус. лѣтописей. 1868 г. 47 стр. Голуб. I, 107—108, 118—119 стр. Ср. Труд. Кіев. Д. Ак. 1888 г. II, 641 и дал. «Хр. Чт». 1888 г. I, 618 стр. и дал.

[2]) Голуб. I т. 1-я пол. 118 стр.

[3]) Хр. Чт. 1849 г. II, 308—309 стр. Макар. II, 143 стр. Солов. 244 прим. къ I т.

[4]) См. «Христ. Чтен». 1858 г. I, 617 и слѣд.

князя по взятіи города, о крещеніи русскаго народа по прибытіи въ Кіевъ, о поставленіи церквей „по градомъ“, о началѣ „ученья книжнаго“, о сыновьяхъ Владиміра, о двукратномъ размѣщеніи ихъ по удѣламъ [1]), о построеніи городовъ около Кіева „по Деснѣ, и по Востри, и по Тр жеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ и, наконецъ, о войнахъ Владиміра съ печенѣгами. Могли ли всѣ псейчасъ перечисленныя событія случиться въ продолженіи одного только года? Допустить это не только трудно, но и рѣшительно невозможно. Слѣдовательно, въ лѣтописной записи подъ 988 г. мы имѣемъ дѣло съ такимъ извѣстіемъ, въ которомъ хронологически спутаны событія нѣсколькихъ лѣтъ, и было ли бы справедливо всѣ ихъ помѣстить подъ однимъ именно годомъ? Уже поэтому ссылка на преимущественную и предпочтительную предъ другими источниками авторитетность лѣтописи по отношенію къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси почти не имѣетъ мѣста, по крайней мѣрѣ нуждается въ сильныхъ ограниченіяхъ.

Потомъ остается неизвѣстнымъ, кому принадлежитъ датированіе событій, разсказываемыхъ въ повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси, и на какомъ основаніи оно сдѣлано. Возможно, что первоначальный авторъ этого сказанія вовсе и не имѣлъ въ виду хронологической отмѣтки фактовъ и группировки ихъ по годамъ, что видно уже изъ перечисленія событій, значащихся подъ 988 лѣтописнымъ годомъ, какъ и дѣлаетъ авторъ „житія Володимера“, признаваемаго многими учеными (и, кажется, на достаточныхъ основаніяхъ) прототипомъ той повѣсти, которая читается теперь въ лѣтописи. По крайней мѣрѣ, размѣщеніе въ лѣтописи событій, начиная съ 986 г. и кончая 993, или не имѣетъ за себя ника-

---

[1]) «Посади (Владиміръ), говоритъ лѣтопись. Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани». Очень ясно, что здѣсь говорится о двухъ раздѣлахъ русской земли между дѣтьми Владиміра, чего Соловьевъ, повидимому, не признаетъ (I, 297 прим.). Былъ ли который нибудь изъ этихъ раздѣловъ именно въ 988 г., остается неизвѣстнымъ.

кого внутренняго оправданія и возбуждаетъ сомнѣнія, или представляетъ по разнымъ спискамъ такую спутанность, разобраться въ которой чрезвычайно трудно. Почему, напримѣръ, лѣтопись, передавая подъ 986 г. о прибытіи къ Владиміру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣръ, только въ слѣдующемъ 987 году сообщаетъ о томъ, что кіевскій князь созвалъ бояръ и старцевъ для совѣщанія относительно сдѣланныхъ ему предложеній? Ужели было невозможно устроить это совѣщаніе въ 986 году? Почему его нужно было откладывать до другого года? Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ лѣтописной повѣсти при началѣ 987 г. не стоитъ „минувшю лѣту", какъ значится это предъ разсказомъ о походѣ Владиміра на Корсунь; не указываетъ ли этотъ пропускъ на то, что такое выраженіе послѣ 986 г. (лѣтописнаго) неумѣстно и раздѣленіе между двумя годами событій, видимо связанныхъ близостію времени, неосновательно?.. Далѣе, основаніе десятинной церкви, заложеніе Бѣлгорода и Переяславля въ разныхъ спискахъ лѣтописи относятся къ разнымъ годамъ.

Напримѣръ, первое событіе по Лаврентьевской лѣтописи значится подъ 989 г., по Ипатьевской—подъ 991 г. и т. д. Гдѣ же причина этого разногласія и этой спутанности? Ея не могло быть у перваго лѣтописца, слѣдовательно здѣсь распоряжалась чья-то чужая рука, а это и подтверждаетъ вышесказанное предположеніе, что могъ же явиться такой переписчикъ лѣтописи, который сдѣлался и передѣлывателемъ ея... А причина хронологической путаницы не лежитъ ли во внесеніи въ лѣтопись какихъ нибудь новыхъ свѣдѣній, въ родѣ читаемой теперь повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси (послѣ которой эта путаница дѣйствительно и начинается), уже послѣ лѣтописца рукою позднѣйшаго списателя?!.

Обращаетъ на себя вниманіе и слѣдующее. По Лаврентьевскому списку лѣтописи, Владиміръ „помысли создати" церковь св. Богородицы въ 989 г., т. е. на другой годъ своего крещенія; но—странное дѣло!—лѣтопись не выражается здѣсь: „минувшю лѣту", какъ слѣдовало бы ожидать, а довольно неопредѣленно: „посемь Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянствѣ, помысли"...

каковое выраженіе находится и въ Ипатьевскомъ спискѣ, относящемъ основаніе десятинной церкви къ 991 г.,—это-то выраженіе и указываетъ, по нашему мнѣнію, на срокъ времени болѣе годичнаго, такъ что въ Лаврентьевскомъ спискѣ (наиболѣе древнемъ) или основаніе десятинной церкви отмѣчено невѣрно, или же самое крещеніе св. Владиміра.

Вообще, относительно многихъ фактовъ изъ жизни св. Владиміра, передаваемыхъ въ лѣтописи, ея компетентность подлежитъ еще сильному сомнѣнію. Припомнимъ еще, что лѣтопись невѣрно указываетъ годъ воцаренія равноапостольнаго князя—980 вм. 978; обратимъ вниманіе и на то, что древнѣйшіе (и, слѣдовательно, авторитетные) источники по вопросу о крещеніи Владиміра передавали не то, что читается въ лѣтописи („крестился есть в Киевѣ, инии же рѣша: Василеви, друзіи же инако скажютъ"), что было извѣстно и автору лѣтописной повѣсти, и мы поймемъ, почему въ розысканіяхъ о времени крещенія Владиміра и Руси ненадежно полагаться *только* на авторитетъ лѣтописи и утверждать, что дата крещенія Владиміра уже потому заслуживаетъ довѣрія, что значится въ лѣтописи, какъ утверждаетъ проф. Соболевскій. Во всякомъ случаѣ, авторитетъ лѣтописи по указанному вопросу стоитъ рѣшительно ниже авторитета Іакова, преп. Нестора и писателя „Сказанія". Въ лицѣ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшими авторами, жившими и писавшими раньше лѣтописца, на точность показаній которыхъ вполнѣ возможно положиться...

Въ заключеніе, попытку проф. Соболевскаго умалить значеніе „Похвалы Володимеру", „Сказанія" и „Чтенія" о Борисѣ и Глѣбѣ и выдвинуть противъ нихъ авторитетъ лѣтописи нужно признать неудачною...

V.

Въ слѣдъ за отрицаніемъ древности и авторитетности трехъ указанныхъ древнѣйшихъ памятниковъ, попытка ослабить мнѣніе, неблагопріятное для лѣтописи, направляется къ тому, чтобы истолковать показанія и не лѣтописныя въ пользу лѣтописи.

Прежде всего указываютъ, что ни мнихъ Іаковъ, ни авторъ „Сказанія“ о Борисѣ и Глѣбѣ, ни преп. Несторъ не называютъ мѣста крещенія Владиміра, между тѣмъ въ лѣтописи оно отмѣчено ясно—Корсунь, городъ греческій. Конечно, это правда; но отъ чего зависитъ молчаніе Іакова, составителя „Сказанія“ и преп. Нестора о мѣстѣ Владимірова крещенія? У послѣднихъ двухъ оно, впрочемъ, понятно: оба эти писателя повѣствуютъ не о Владимірѣ (спеціальное сочиненіе автора „Сказанія“ о „добродѣтеляхъ“ св. князя неизвѣстно теперь), говорятъ о немъ мимоходомъ и для нихъ не представлялось повода и не было необходимости нарочито указывать мѣсто крещенія просвѣтителя Руси христіанствомъ. Но молчаніе Іакова кажется соблазнительнымъ и вызываетъ недоумѣнія. Одни изъ защитниковъ лѣтописи видятъ въ немъ неточность показаній этого писателя и потому отдаютъ предпочтеніе лѣтописному сказанію [1]). Другіе, принимая во вниманіе слова Іакова, что Владиміръ взялъ Корсунь уже на третьемъ году своего крещенія, молчаніе автора „Похвалы“ о мѣстѣ принятія св. княземъ христіанства признаютъ явнымъ несогласіемъ съ лѣтописью [2]).

Третьи думаютъ, что Іаковъ молчаливо признаетъ Корсунь мѣстомъ крещенія св. Владиміра и, слѣдовательно, согласенъ съ лѣтописью [3]). Уже это разногласіе и даже противорѣчіе въ сужденіяхъ защитниковъ лѣтописнаго разсказа по поводу молчанія Іакова о мѣстѣ, гдѣ крестился св. Владиміръ, показываетъ, что они—эти защитники лѣтописи—желаютъ во что бы то ни стало устранить или ослабить свидѣтельство писателя „Похвалы“, что, какъ увидимъ ниже, они дѣлаютъ всякій разъ, когда замѣчаютъ несогласіе этого автора съ лѣтописною повѣстію. Въ данномъ случаѣ имъ въ достиженіи намѣченной цѣли помогаетъ отсутствіе у Іакова точнаго указанія. А между тѣмъ авторъ „Похвалы“, если внимательно отнестись къ его извѣстіямъ, не называя мѣста крещенія Владиміра, не признаетъ таковымъ и Корсунь. Такъ, въ молитвѣ, съ которою св. князь обращался къ Богу подъ стѣнами

[1]) См. Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 398—399 стр.
[2]) Прав. Об. 1888 г. Окт. 403 стр.
[3]) См. «Странн.» 1888 г. III, 658—659 стр.

Корсуни, онъ говоритъ: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебѣ прошю, даси ми градъ, да пріиму и приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научатъ *люди* закону крестьяньскому". Почему же Владиміръ, если онъ предпринималъ корсунскій походъ съ цѣлію перемѣнить вѣру и еще язычникомъ, молится только за своихъ подданныхъ, о просвѣщеніи ихъ свѣтомъ христіанства, а не о себѣ, не о дарованіи ему истинной вѣры? Развѣ такая молитва излишняя [1])?..

Далѣе, Іаковъ, передавъ, что молитва св. Владиміра была услышана Богомъ и св. князь овладѣлъ Корсунью, ничѣмъ не даетъ понять, что въ завоеванномъ городѣ совершилось крещеніе побѣдителя грековъ, а говоритъ слѣдующее: „прия градъ Корсунь. И взя съсуды церковныя и иконы и мощи" Климента и другихъ святыхъ, и затѣмъ отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбою руки царевны Анны. Что за странность! Владиміръ, еще язычникъ, по взятіи Корсуни озабоченъ пріобрѣтеніемъ священныхъ для христіанъ предметовъ. Чтобы уяснить такія дѣйствія кіевскаго князя, Іакову и нужно было сказать, что случилось это послѣ принятія Владиміромъ христіанства и какъ результатъ крещенія; но авторъ „Похвалы" не говоритъ о такой причинѣ; почему же? Мало этого. Упомянувъ далѣе о томъ, что византійскіе императоры согласились отдать свою сестру за Владиміра, Іаковъ опять не упоминаетъ о крещеніи князя и тѣмъ снова вводитъ читателя въ неудоумѣніе касательно этого брака, если признать, что Владиміръ предпринималъ корсунскій походъ язычникомъ. Почему же авторъ „Похвалы" снова умалчиваетъ о событіи не только слишкомъ важномъ, но и служащемъ къ объясненію другихъ фактовъ? Крещеніе св. Владиміра — случай рѣшительно выдающійся, о которомъ Іаковъ упоминаетъ въ „Похвалѣ"

---

[1]) Г. Матченко, имѣя въ виду слова Владиміра въ «проложномъ сказаніи»: «ице створю, пойду въ землю ихъ (т. е. грековъ) и плѣню грады ихъ и обрящю учителя», говоритъ: «не ясно здѣсь, для кого искалъ Владиміръ учителя: для народа и себя вмѣстѣ, или только для народа» (Странник. 1888 г. III, 650 стр). У Іакова это обстоятельство указано ясно...

нѣсколько разъ [1]) и не странно ли, что онъ не упоминаетъ о немъ тамъ именно, гдѣ и было бы всего естественнѣе упомянуть,—при разсказѣ о корсунскомъ походѣ, если только въ Корсуни совершилось это событіе?!.

Объясненіе такого недоумѣнія находится у самого же Іакова. Уже въ концѣ своего сочиненія, перечисляя дѣла св. князя по крещенію, авторъ „Похвалы“ говоритъ, что завоеваніе Корсуни случилось на третьемъ году этого событія, т. е. крещенія. Теперь мы понимаемъ, почему подъ стѣнами осажденнаго города Владиміръ молится о просвѣщеніи христіанствомъ подданныхъ, почему, по взятіи Корсуни, заботится о пріобрѣтеніи христіанскихъ святынь и почему о крещеніи его прежде брака съ Анною не говорится у Іакова: корсунскій походъ былъ предпринятъ христіаниномъ-Владиміромъ. Ясное дѣло, что крещеніе св. князя, по мнѣнію автора „Похвалы“, совершилось не въ Корсуни, а до похода подъ этотъ городъ, года за два, но—гдѣ? Мѣсто событія Іаковомъ не названо,—почему же? Не потому ли же самому, почему одни изъ лицъ близкихъ ко времени св. Владиміра, какъ засвидѣтельствовано въ лѣтописи, передавали, что св. князь крестился въ Кіевѣ, другіе—въ Василевѣ, третьи—иначе, т. е. не знали точно и не могли сказать утвердительно, гдѣ же именно Владиміръ принялъ христіанство? Очень можетъ быть, что Іаковъ, отъ многихъ собиравшій свои свѣдѣнія о крестителѣ Руси, слышалъ не мало разнообразныхъ свѣдѣній о мѣстѣ Владимірова крещенія и, не желая передавать читателямъ однѣ только догадки объ этомъ пред-

[1]) См. Хр. Чт. 1849, II, 318, 319, 323 стр. Г. Матченко указываетъ, что Іаковъ говоритъ о крещеніи Владиміра и о крещеніи народа, какъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ непосредственно одно за другимъ и тѣсно связанныхъ между собою не только по времени, но и по существу (Странн. 1889 г. I, 90 стр.). А между тѣмъ Іаковъ говоритъ: «крестижеся самъ Володимеръ, и чада своя и весь домъ свой крещеніемъ просвѣти ... и т. дал. Крести же и всю землю русскую и проч.» Ясное различеніе событій!.. Срезневскій, послѣ анализа «Похвалы, пришелъ къ мысли, что Іаковъ отдѣляетъ крещеніе Владиміра отъ крещенія земли русской (См. Тр. К. ак. 1888 г. II, 656—657). Мы рѣшительно отдаемъ предпочтеніе Срезневскому предъ г. Матченко...

метѣ, не счелъ нужнымъ заносить ихъ на страницы своего произведенія. Одно только твердо зналъ авторъ „Похвалы“, что Владиміръ принялъ крещеніе не въ Корсуни и до корсунскаго похода.

Вопреки сейчасъ сказанному и представленному пониманію извѣстій „Похвалы Володимеру“, утверждаютъ, что „если Іаковъ прямо не говоритъ о крещеніи Владиміра въ Корсуни, то смыслъ дальнѣйшей рѣчи его не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Сказавъ о возвращеніи его изъ Корсуня съ священными дарами, онъ прибавляетъ: „Тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ, и скончя житіе въ правовѣрной вѣрѣ“... Намъ кажется, что заключеніе это относится не къ тому, что могло быть съ Владиміромъ два съ половиною года тому назадъ, а логически вяжется съ перемѣной, совершившейся въ немъ тутъ, въ Корсуни“ [1]. Такъ кажется г. Матченко, а тому, кто прочитаетъ приведенныя слова „Похвалы“ въ связи съ предыдущими, покажется и должно показаться совершенно иначе. Слова: „тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ“ составляютъ заключеніе не къ акту крещенія, не къ перемѣнѣ, которая, по мнѣнію г. Матченко, совершилась въ Корсуни, и не къ тому, „что могло быть съ Владиміромъ два съ половиною года назадъ“, а ко всему періоду жизни св. князя въ христіанствѣ; не напрасно же Іаковъ къ указаннымъ словамъ прибавляетъ: „*и скончя житіе свое*“. Выше онъ только что сказалъ о той нравственной перемѣнѣ, которая произошла съ Владиміромъ послѣ принятія христіанства, какъ этотъ князь, жившій „въ поганьствѣ акы звѣрь“, послѣ крещенія сталъ сіять добродѣтелями „поревнова святыхъ мужъ дѣлу и житію, возлюби Авраамово страннолюбіе, Изяковлю истину, Мойсѣеву кротость, Давидово безлобіе, Костянтина царя великаго правовѣріе“, но больше всего отличался раздачею милостыни и нищелюбіемъ, за каковыя его добрыя дѣла Богъ помогалъ ему и давалъ побѣды надъ врагами, въ числѣ которыхъ Іаковъ на послѣднемъ мѣстѣ помѣщаетъ и грековъ, противъ города которыхъ—Кор-

---

[1]) Странник. 1888 г. III, 658—659 стр.

суни и выступалъ въ походъ св. Владиміръ. Упомянувъ обо всемъ этомъ, сказавъ о добродѣтельной жизни св. князя въ христіанствѣ и о божественной помощи на враговъ, Іаковъ и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „тако (какъ сказано выше) добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ и скончя житіе свое ..“ Таковъ ясный и простой смыслъ его рѣчи. Никакихъ нималѣйшихъ намековъ на крещеніе Владиміра въ Корсуни въ указанныхъ словахъ нѣтъ и отыскивать не нужно.

Впрочемъ, г. Матченко и самъ, кажется, не признаетъ представленное имъ доказательство вполнѣ твердымъ. „Далѣе, продолжаетъ онъ, Іаковъ говоритъ еще опредѣленнѣе (слѣд. выше говорилъ не вполнѣ опредѣленно?). Сравнивая Владиміра съ Ольгой, онъ замѣчаетъ: „и та бо шедши Цареграду приляла бяше святое крещеніе“... Ясно, что какъ Владиміръ ходилъ въ Корсунь и тамъ крестился, такъ и Ольга ходила въ Царьградъ и проч.“ [1]). Вполнѣ ли ясно? Вѣдь это сравненіе принадлежитъ не мниху Іакову, а г. Матченко; вопреки ожиданію, авторъ „Похвалы“ не проводитъ такой параллели между Владиміромъ и Ольгой, хотя она (т. е. параллель), если бы, по Іакову, Владиміръ крестился въ Корсуни, рѣшительно напрашивалась сама собой и была необходима „какъ мы говорили нѣсколько выше, для уясненія нѣкоторыхъ событій, упомянутыхъ писателемъ „Похвалы“ въ разсказѣ о Корсунскомъ походѣ св. князя. И выше Іаковъ, въ началѣ своего сочиненія, проводя сравненіе между св. Ольгою и ея внукомъ. упомянувъ о первой, „како шедше ко Царюграду приляла бяше святое крещеніе и пожи добрѣ предъ Богомъ“, о второмъ говоритъ только, что онъ, „слышавъ о бабѣ своей Олзѣ подража житіе“ ея и ничѣмъ, никакимъ даже намекомъ, не даетъ понять, что для принятія христіанства Владиміръ, по примѣру своей бабки, ходилъ въ какой-нибудь греческій городъ. Авторъ „Похвалы“ въ параллель указанію на мѣсто крещенія св. Ольги о крещеніи равноапостольнаго ея внука говоритъ лишь слѣдующее: „Видя Богъ хотѣніе сердца его, призрѣ съ небесе милостію своею и про-

---

[1]) Странник. 1888 г. III, 659 стр.

свѣти сердце князю рускыя земля Володимеру пріати святое крещеніе“ и „крестижеся самъ Володимеръ и чада своя и весь домъ свой святымъ крещеніемъ просвѣтя“. Далѣе Іаковъ называетъ добрымъ тотъ день, въ который принялъ крещеніе св. князь [1]) и рѣшительно не даетъ никакого указанія на то, что событіе это случилось далеко отъ родины, на чужбинѣ, и для него нужно было предпринимать даже военный походъ. И не странно ли? Всякій разъ, когда Іаковъ говоритъ о принятіи христіанства Ольгою, онъ называетъ и мѣсто этого событія — Царьградъ [2]), но когда рѣчь заходитъ о крещеніи Владиміра, о мѣстѣ, гдѣ совершился этотъ фактъ,—ни слова и даже тамъ, гдѣ довольно подробно говорится о пребываніи св. князя въ Корсуни. Во всякомъ случаѣ, Іаковъ не желалъ намѣренно скрыть отъ своихъ читателей такой фактъ, о которомъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія, и не хотѣлъ предложить имъ что-то въ родѣ загадки, и если онъ не говоритъ о крещеніи Владиміра въ Корсуни, не смотря на многіе поводы къ тому, то, значитъ, и событіе это случилось не тамъ... Сравненіе между Ольгою и Владиміромъ Іаковъ основываетъ исключительно на томъ, что какъ первая „пріяла бяше крещеніе и много сотворивъ добра въ житіи семъ предъ Богомъ, и скончя житіе свое въ добрѣй вѣри“, такъ и второй по крещеніи „добрѣ поживе и скончя житіе свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, *и съ благовѣрною Ольгою*“, — а не на томъ, что эти святые приняли христіанство внѣ отечества: объ Ольгѣ Іаковъ дѣйствительно отмѣчаетъ подобный фактъ, но о Владимірѣ ни разу и ни однимъ намекомъ; какая же можетъ быть здѣсь параллель?..

Г. Матченко обращаетъ вниманіе на слова Іакова, въ которыхъ говорится, что Владиміръ, слышавъ о бабкѣ своей: какъ она ходила въ Царьградъ и приняла тамъ крещеніе, какъ жила потомъ, и самъ пожелалъ сдѣлаться христіаниномъ, „разгарашеся Св. Духомъ сердце его, хотя святого крещенія“. Какой прекрасный поводъ сказать, что Владиміръ, подражавшій своей мудрой бабкѣ,

---

[1]) См. Христ. Чт. 1849 г. II, 317—318 стр. Мак. I, 256—257 стр. Голуб. I, I, 208 стр.

[2]) См. Хр. Чт. 1849 г. II, 317, 321 и 326 стр.

дѣйствительно ходилъ въ Корсунь и тамъ принялъ христіанство, но авторъ „Похвалы“ молчитъ объ этомъ!.. „Если примѣръ Ольги имѣлъ такое вліяніе на Владиміра, то почему же было и ему не желать крещенія „въ землѣ Греческой“, спрашиваетъ г. Матченко [1]). Въ самомъ дѣлѣ, почему бы Владиміру, въ подражаніе своей бабкѣ, не отправиться для принятія крещенія въ Царьградъ? Это на самомъ дѣлѣ было бы полнымъ и точнымъ послѣдованіемъ примѣру мудрой Ольги, но Владиміръ почему-то довольствуется Корсунью... Г. Матченко сознаетъ силу такого замѣчанія, и для устраненія его говоритъ слѣдующее: „все-таки крещеніе произошло въ одномъ изъ видныхъ греческихъ городовъ, съ которымъ связала его и предшествовавшая исторія и благопріятно сложившіяся обстоятельства осады этого города“ [2]). Едва ли можно назвать такое объясненіе вполнѣ удачнымъ. Корсунь, конечно, далеко не тоже, что Константинополь, и крещеніе въ ней славнаго кіевскаго князя, особенно, если послѣдній добивался торжественности такого событія, на чемъ настаиваютъ г. Матченко [3]) и проф. Кирпичниковъ [4]), не могло совершиться при такой блестящей обстановкѣ, при какой совершилось бы въ византійской столицѣ. Это очень ясно. Остается развѣ только одно утѣшеніе, что и Корсунь, не могущій стать наравнѣ съ Царьградомъ, все-таки не изъ плохихъ, а „изъ видныхъ греческихъ городовъ“. Правда, г. Матченко, въ нѣкоторое противорѣчіе себѣ, отчасти согласенъ съ проф. Голубинскимъ, мнѣніе котораго подвергаетъ безпощадной критикѣ, что Владиміръ, принявшій христіанство въ Корсуни, „врядъ ли акту своего крещенія хотѣлъ придать торжественность“ [5]), но въ такомъ случаѣ, спрашивается, почему онъ не могъ креститься дома, а долженъ былъ отправиться (и то военнымъ походомъ) въ Корсунь, если дѣло не въ погонѣ за внѣшней обстановкой, а во внутреннемъ расположеніи и въ искренней увѣренности въ превосход-

---

[1]) Странник. 1888 г. III, 659 стр.
[2]) Ibid 669 стр.
[3]) См. Странн. 1888 г. III, 666—668 стр.
[4]) Прав. Обозр. 1888 г. Окт. 403 стр.
[5]) Странн. 1888 г. III, 669 стр.

ствѣ христіанства предъ язычествомъ. А главное, гдѣ же здѣсь, со стороны Владиміра, точность послѣдованія примѣру своей бабки? Вѣдь та, „тѣломъ жена суща", и, кажется, передавшая правленіе своему сыну—Святославу [1]), отправилась для крещенія не въ одинъ изъ видныхъ греческихъ городовъ, а въ самую столицу Византійской имперіи, какъ передаетъ Іаковъ. А Владиміръ, дѣйствительный великій князь, побѣдитель многихъ народовъ, удовольствовался Корсунью вмѣсто Константинополя; почему же? — Г. Матченко заявляетъ, что св. князь едва не крестился въ Константинополѣ,—для этого ему нужно было лишь выполнить свою угрозу, съ которою онъ обратился къ византійскимъ царямъ по поводу сватовства за Анну [2]) („аще ее не вдаста мя, створю граду вашему (т. е. Константинополю), якоже и сему (т. е. Корсуни) створихъ") [3]). Вполнѣ ли исполнима была для Владиміра такая угроза? Г. Матченко самъ же признаетъ, что кіевскій князь предпринялъ походъ съ небольшимъ войскомъ и незначительными запасами, что онъ легко смотрѣлъ на дѣло завоеванія Корсуня, но встрѣтилъ такое сопротивленіе, что для взятія города вынужденъ былъ дать молитвенный обѣтъ креститься и добился желаемаго только уже благодаря измѣнѣ Анастаса [4]) (ужъ не затѣмъ ли Владиміръ и крестился, по мнѣнію г. Матченко, чтобы со стыдомъ не отступить отъ стѣнъ Корсуни?). Развѣ завоевать Константинополь было легче, чѣмъ Корсунь? Какимъ образомъ, скажемъ словами Матченко, Владиміръ, взявши этотъ городъ (Корсунь) съ такимъ трудомъ, могъ грозить и самому Царьграду [5])? Какое же онъ долженъ былъ дать обѣщаніе, если бы у него дѣйствительно явилась смѣлость осадить византійскую столицу, если для взятія Корсуни потребовалось обѣщаніе принять христіанство?!..

Наконецъ, укажемъ на слѣдующее: Іаковъ нарочито отмѣчаетъ, что Ольга послѣ крещенія возвратилась „въ землю ру-

---

[1]) Голуб. I, I, 67 стр.
[2]) Странн. 1888 г. III, 669 стр.
[3]) См. Лѣтоп. по Лаврент. сп. 107 стр.
[4]) Странник. 1889 г. I, 94 стр.
[5]) Ibid 96 стр.

скую, въ домъ свой“ съ радостію великою, какъ освященная духомъ и тѣломъ [1]), но ничего подобнаго не говоритъ онъ о Владимірѣ при описаніи корсунскаго похода, какъ будто св. князь, если только онъ былъ крещенъ въ Корсуни, принялъ крещеніе не съ радостію, и какъ будто не былъ освященъ духомъ и тѣломъ. Нѣтъ! Іаковъ не разъ говоритъ объ этой радости Владиміра при упоминаніи о принятіи имъ христіанства („възвеселися и възрадовася о Бозѣ и о святомъ крещеньи“ и подоб.) [2]), но говоритъ не тамъ, гдѣ ждутъ защитники лѣтописи, для оправданія своего взгляда на мѣсто крещенія св. князя...

Возражая г. Завитневичу, проф. Соболевскій указываетъ, что (вышеприведенная) молитва, которую Іаковъ влагаетъ въ уста Владиміра подъ стѣнами Корсуни,—молитва не христіанина, а язычника, и слѣдоват., и самый походъ былъ предпринятъ св. княземъ до крещенія. Основанное на этой молитвѣ заключеніе Завитневича, что Корсунь взята Владиміромъ христіаниномъ, по Соболевскому, было бы основательно, „если бы Іаковъ не изображалъ Владиміра расположеннымъ къ христіанству съ самаго дѣтства и не указывалъ на то, что „благодать Божія просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему“ при войнахъ съ вятичами, радимичами, ятвягами и др., задолго до похода на Корсунь, и если бы у Іакова, вслѣдъ за приведенною молитвою, не было сказано: „и послуша Богъ молитвы его и прия градъ Корсунь... И посла къ нимъ (т. е. къ Константину и Василію) Володимеръ, прося у нихъ сестру ожепитися, да ся бы болша на крестьяньскый законъ направилъ“. Послѣднія слова: „чтобы болѣе утвердиться въ христіанствѣ“, „чтобы совсѣмъ утвердиться въ христіанствѣ“, показываютъ, что Владиміръ, по Іакову, при всемъ своемъ сочувствіи къ христіанству, послѣ взятія Корсуни, до самой женитьбы на греческой царевнѣ не былъ христіаниномъ, т. е. не былъ крещенъ“ [3]).

---

[1]) Хр. Чт. 1819 г. II, 321 стр. Мак. I, 259 стр. Голуб. I, I 210 стр.

[2]) Христ. Чт. 1849 г. II, 324, 318 и др. Мак. I, 261 и др. Голуб. I, I, 212 стр. и друг.

[3]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 398 стр.

По мнѣнію г. Матченко, переданная Іаковомъ молитва Владиміра—ничто иное, какъ то же обѣщаніе князя креститься, которое читается и въ лѣтописи: послѣднее только нѣсколько короче первой [1]). Далѣе, г. Матченко различаетъ дѣла Владиміра *до* крещенія и дѣла *по* крещеніи: къ первымъ относятся перечисляемыя Іаковомъ побѣды св. князя, кончая корсунскимъ походомъ, ко вторымъ—походъ къ порогамъ, вторичное, будто бы, взятіе Корсуни, основаніе десятинной церкви [2]) и проч. Конечная цѣль этихъ натянутыхъ объясненій и разсужденій защитниковъ лѣтописнаго разсказа вполнѣ понятна—доказать, что и „Похвала Володимеру", такъ же какъ и лѣтопись, признаетъ крещеніе равноапостольнаго князя именно въ Корсуни. Но какъ, однако, не тверды и эти доказательства, какъ бы дополняющія собою вышеуказанныя!

Совершенно справедливо, что Іаковъ всѣ побѣды Владиміра объясняетъ божественною помощію, но онъ рѣшительно не указываетъ, даже не имѣетъ и въ виду указывать время ихъ совершенія и при томъ непремѣнно будто бы до крещенія св. князя. По связи съ предыдущимъ содержаніемъ „Похвалы", по контексту рѣчи, можно было бы думать прямо напротивъ и признать, что всѣ побѣды Владиміра одержаны имъ уже послѣ принятія христіанства и что они—результатъ крещенія, даровавшаго равноапостольному князю силу одолѣвать враговъ. Но какъ подобное предположеніе поведетъ къ неправильному выводу, такъ и мнѣніе проф. Соболевскаго и г. Матченко основано на ложномъ заключеніи и невѣрномъ пониманіи словъ „Похвалы", будто Іаковъ, какъ объясняющій всѣ побѣды Владиміра одною причиною, тѣмъ самымъ относитъ ихъ и къ одному до-христіанскому періоду жизни крестителя земли русской. Между тѣмъ цѣль Іакова тамъ, гдѣ онъ говоритъ о побѣдахъ Владиміра, ясна—перечислить и указать, въ видахъ вящшаго восхваленія св. князя, и его военныя доблести, тѣ случаи, когда Владиміръ „побѣди", и тѣ народы, которые имъ побѣждены, при чемъ авторъ „Похвалы" не стѣсняется тѣмъ, когда

---

[1]) Странн. 1888 г. III, 650 и 641 стр.
[2]) Ibid. 659 стр. «Кіевлянинъ» 1888 г. № 28.

одержаны эти побѣды, т. е. до крещенія или по крещеніи [1]). Это очень ясно. Вся сила аргументаціи Іакова основана на словѣ „побѣди“; рядъ этихъ побѣдъ авторъ „Похвалы“ заканчиваетъ корсунскимъ походомъ, и не потому, чтобы здѣсь нужно было провести рѣзкую грань между событіями двухъ періодовъ жизни св. Владиміра—до-христіанскаго и христіанскаго, а потому, что изъ другихъ, позднѣйшихъ, сравнительно со взятіемъ Корсуни, военныхъ дѣлъ св. князя, трудно было указать такое, которое служило бы къ увеличенію военной славы его [2]). Упомянулъ было Іаковъ о набѣгѣ печенѣговъ, но по поводу его нельзя было сказать, что Владиміръ „побѣди“ [3]), притомъ же во время этой именно „рати“ послѣдовала смерть св. князя. Во всякомъ случаѣ, упоминаніе объ этомъ послѣднемъ при жизни Владиміра военномъ дѣлѣ, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что авторъ „Похвалы“, при перечисленіи побѣдъ Владиміра, не ограничивался какимъ—нибудь опредѣленнымъ періодомъ времени, какимъ-либо однимъ срокомъ жизни князя, и подѣлилъ эти побѣды на группы; въ противномъ случаѣ, рѣшительно не достигалась и цѣль писателя—по возможности полно восхвалить военныя доблести Владиміра. Утверждать же, что всѣ побѣды равноапостольнаго князя одержаны имъ въ язычествѣ, нѣтъ достаточнаго основанія, по крайней мѣрѣ Іаковъ не представляетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Владиміръ не могъ быть побѣдителемъ по принятіи христіанства? Какъ же Іаковъ, объясняющій всѣ побѣды князя божественною помощію, при перечисленіи ихъ, могъ ограничиться только тѣми, которыя одержаны до крещенія Владиміра, какъ будто послѣ этого акта рука Господня не помогала крестителю земли русской?!.

Г. Матченко, въ подтвержденіе своего мнѣнія о взятіи Владиміромъ Корсуни до крещенія, пользуется перечисленіемъ (въ хро-

---

[1]) Ср. Тр. Кіев. Д. ак. 1888 г. II, 660 стр.

[2]) Объ этомъ см. въ Труд К. Д. ак. 1888 г. II. 660—661 II,

[3]) Выславный противъ печенѣговъ Борисъ не нашелъ своихъ враговъ. См. «Сказ.» объ убіеніи Бор. и Гл. Христ. Чт. 1849 г. стр. 378 стр. Лѣтоп. по Лавр. сп. 129 стр. Ип лѣт. 92 стр.

нологическомъ порядкѣ) у Іакова дѣлъ Владиміра по крещеніи, и отсюда выводитъ заключеніе, что, значитъ, исчисленныя выше побѣды св. князя принадлежатъ къ до-христіанскому періоду его жизни. Но какъ самое раздѣленіе дѣлъ Владиміра принадлежитъ не писателю „Похвалы“, а автору статей „Странника“, такъ и основанное на такомъ дѣленіи заключеніе совершенно произвольно и прямо ложно. Оно могло бы имѣть значеніе, еслибы Іаковъ и въ концѣ „Похвалы“, тамъ, гдѣ указываетъ нѣкоторые факты изъ жизни Владиміра по крещеніи, задавался цѣлію доказать, что и послѣ принятія княземъ христіанства „рука Господня помогаше ему“, и если бы ограничился перечисленіемъ хотя немногихъ походовъ Владиміра, и не ставилъ рядомъ со взятіемъ Корсуни заложеніе каменной церкви Божіей Матери и под. событія, ничего общаго съ побѣдами не имѣющія. Но авторъ „Похвалы“ не имѣетъ и въ виду такой цѣли... „Вообще, разсматриваемый взглядъ, говоритъ г. Завитневичъ, есть плодъ простого недомыслія и можетъ быть объясненъ простымъ неумѣньемъ извлекать историческій матеріалъ изъ литературныхъ памятниковъ“ [1]). А кромѣ того, этотъ взглядъ указываетъ, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, на тенденціозное пользованіе историческими свидѣтельствами. Защитники лѣтописи настойчиво указываютъ, что „Іаковъ не пишетъ послѣдовательной исторіи о Владимірѣ“ [2]), что „Похвала“—„не повѣствованіе, а риторически-украшенное „слово“, цѣль котораго не изложеніе событія въ исторической послѣдовательности“ [3]), а сами, въ явное несогласіе съ собою, ищутъ у Іакова строгой послѣдовательности фактовъ тамъ, гдѣ искать ея не имѣется основаній, гдѣ писатель „Похвалы“ ставитъ цѣлію прославленіе св. князя; напротивъ игнорируютъ, стараются устранить и перетолковать точныя хронологическія данныя этого древнѣйшаго свидѣтеля, что, напримѣръ, случилось и съ указаніемъ Іакова на время завоеванія Корсуни Владиміромъ, о чемъ, впрочемъ, ниже мы будемъ говорить подробно. Однако, къ немалому удивленію, мы встрѣтили у г. Мат-

---

[1]) Труд. К. Д. ак. 1888 г. II, 661 стр.
[2]) Странн. 1888. III, 658.
[3]) Пр. Обозр. 1888 г. Окт. 403 стр.

чевко упрекъ проф. Голубинскому за то, будто этотъ почтенный ученый слишкомъ произвольно распоряжается показаніями Іакова, относящимися къ крещенію Владиміра—„менѣе опредѣленныя мѣста объясняетъ по своему, а другія болѣе точныя и совсѣмъ игнорируетъ“ [1]). Слышать такія замѣчанія отъ тѣхъ, которые больше всего и повинны въ подобномъ произвольномъ пользованіи „Похвалою“, слишкомъ странно! Доказывать это не представляется ни малѣйшей нужды. Ясно, что защитники лѣтописи свои недостатки усвояютъ другимъ, съ больной головы сваливаютъ на здоровую, и сами достойны тѣхъ упрековъ, которые несправедливо дѣлаютъ другимъ...

Неправильное пониманіе словъ Іакова о побѣдахъ Владиміра и послужило для проф. Соболевскаго основаніемъ не признавать молитву св. князя подъ стѣнами Корсуни (какъ она передана у Іакова) молитвою христіанина. Съ устраненіемъ такого основанія, какъ несправедливаго, съ разъясненіемъ соблазнительнаго мѣста „Похвалы Володимеру“ естественно падаетъ и мнѣніе ученаго профессора. Впрочемъ, г. Соболевскій склоняется, кажется, и къ той мысли, что, пожалуй, правъ и г. Завитневичъ, утверждающій на основаніи молитвы, что Владиміръ бралъ Корсунь христіаниномъ; если только устранить нѣкоторыя (напрасно, впрочемъ, его смущающія) слова „Похвалы“.

Г. Матченко оказывается болѣе смѣлымъ въ своихъ сужденіяхъ о вышеуказанной молитвѣ Владиміра; по его мнѣнію, она ничто иное, какъ ясно выраженное желаніе креститься, равное словамъ лѣтописи: „аще се ся сбудеть (относительно взятія Корсуни), и самъ ся крещю“. Предоставляемъ каждому безпристрастному читателю судить, велико ли сходство этихъ словъ съ молитвою въ „Похвалѣ“ (она приведена выше), и есть ли въ ней хотя намекъ на обѣщаніе креститься. Выше мы обращали вниманіе на то, что Владиміръ молится только за своихъ подданныхъ, о дарованіи ему средствъ къ просвѣщенію ихъ свѣтомъ христіанства где же здѣсь „и самъ ся крещю“: и почему нѣтъ?..

[1]) Странник. 1888 г. III, 658 стр.

Вторымъ препятствіемъ для проф. Соболевскаго не признавать выше упомянутую молитву Владиміра (по Іакову) молитвою христіанина являются слова автора „Похвалы“, что Владиміръ искалъ женитьбы на Аннѣ съ тою цѣлію, „да ся бы болма на крестьяньскый законъ направилъ“, изъ чего Соболевскій выводитъ заключеніе, что кіевскій князь до самой женитьбы на греческой царевнѣ не былъ христіаниномъ. Какимъ образомъ получается это заключеніе, понять очень не легко. И какъ бы ни переводили, какъ бы ни комментировали указанныя слова защитники лѣтописнаго разсказа, въ нихъ не заключается совсѣмъ указанія на крещеніе Владиміра въ Корсуни; а при томъ пониманіи этихъ словъ, какое находится у проф. Соболевскаго и у г. Матченко, получается не малая несообразность: оказывается не то, что Владиміръ крестился въ видахъ получить руку царевны Анны, какъ передаетъ лѣтописная повѣсть, а совершенно напротивъ—кіевскій князь „женился на православной царевнѣ, чтобы скорѣе войти въ лоно церкви“, какъ говоритъ г. Матченко [1]). Объясненіе оригинальное!.. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ сначала женился, а потомъ уже принялъ крещеніе? Развѣ для принятія христіанства необходимъ былъ бракъ съ православной царевной? Если да, то почему же? Наконецъ, возникаетъ недоумѣніе, признаютъ ли защитники лѣтописи справедливыми, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія того источника, который взялись защищать, т. е. лѣтописной повѣсти, если они допускаютъ вышеуказанное толкованіе словъ Іакова?..

Конечно, авторъ „Похвалы Володимеру“ своимъ выраженіемъ, что св. князь искалъ руки греческой царевны съ тою цѣлію, „да ся болма на крестьяньскый законъ направилъ“, не хотѣлъ сказать того, что предполагаетъ проф. Соболевскій и что утверждаетъ г. Матченко. Увѣренный, что Владиміръ взялъ Корсунь уже христіаниномъ, Іаковъ отмѣчаетъ лишь то, что кіевскій князь домогался руки Анны съ цѣлію полнаго утвержденія себя въ христіанствѣ, вящшаго укрѣпленія въ вѣрѣ, которая была еще для него вѣрою новою. Ничего подобнаго замѣчанію Іакова мы

[1]) Странн. 1889 г. I, 1-е прим. къ 89 стр.

не находимъ въ лѣтописи, по которой Владиміръ предпринималъ корсунскій походъ язычникомъ. Очевидно, древніе писатели ясно сознавали различіе между обѣщаніемъ креститься и желаніемъ болѣе утвердиться въ христіанствѣ, принятомъ, конечно, ранѣе; но въ настоящее время такое различіе дается не легко ученымъ изслѣдователямъ...

Вообще, разсматриваемыя слова Іакова не заключаютъ указанія и не приводятъ къ мысли, будто Владиміръ до самаго брака съ Анною не былъ христіаниномъ.

Что представленное нами пониманіе (соблазнительныхъ для г. Соболевскаго и перетолкованныхъ г. Матченко) извѣстій Іакова о корсунскомъ походѣ св. Владиміра совершенно правильно, это мы можемъ подтвердить авторитетомъ такихъ ученыхъ лицъ, какъ Срезневскій, Погодинъ, Бутковъ, проф. Малышевскій, пр. Макарій, проф. Голубинскій. Ужели, всѣ эти почтенные ученые не съумѣли понять свидѣтельства Іакова и въ своихъ толкованіяхъ подвергли его искаженію, а вполнѣ правильно понялъ и разъяснилъ его г. Матченко. Легко ли повѣрить этому"?!. А между тѣмъ, Срезневскій, напр., изъ анализа „Похвалы" и особенно помѣщенной въ ней молитвы Владиміра подъ Корсунью, пришелъ къ тому выводу, что „сочинитель *отдѣлялъ* фактъ крещенія Владиміра отъ факта о водвореніи вѣры въ землѣ русской и могъ даже *считать походъ Владиміра совершившимся тогда, когда самъ былъ просвѣщенъ св. крещеніемъ* въ Кіевѣ или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ", а изъ показанія года корсунскаго похода и видно, „что онъ *дѣйствительно такъ и считалъ*". Бутковъ съ особенною силою указываетъ, что Владиміръ предпринималъ походъ подъ Корсунь „на тотъ *единственно* конецъ, *чтобы привести оттуда христіанъ и поповъ въ свою землю*, къ наученію народа русскаго вѣрѣ православной" [1]), а не для своего личнаго крещенія. Развѣ не тоже самое говорили и мы?—Г. Матченко съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ мысль проф. Малышевскаго, „что разъ мы оставили лѣтопись—догадкамъ и предположеніямъ

---

[1]) См. Труд. К. Д. ак. 1888 г. II, 656—657 стр.

конца не будетъ“ [1]), слѣдовательно, единственное спасеніе вѣрить только этому источнику. А между тѣмъ проф. Малышевскій, въ своей рецензіи на „Исторію“ Голубинскаго, ни мало не сомнѣвается въ точности выводовъ, сдѣланныхъ историкомъ изъ показаній Іакова. Какъ же смотритъ на это обстоятельство г. Матченко?

Самъ Іаковъ, по нашему мнѣнію, блистательно подтверждаетъ правильность сдѣланныхъ нами разъясненій его свидѣтельства. Какъ мы говорили выше, онъ ясно и точно указываетъ, что Корсунь взята Владиміромъ „на третье лѣто по крощеніи“ его, слѣдовательно, подъ стѣнами осажденнаго греческаго города молился не язычникъ кіевскій князь, и бракъ его съ греческой царевной нуженъ былъ не для принятія христіанства. Это указаніе Іакова, какъ изобличающее полную несостоятельность мнѣнія о крещеніи Владиміра въ Корсуни и подрывающее правильность лѣтописной хронологіи, является для защитниковъ лѣтописи камнемъ сильнаго преткновенія и крайняго соблазна, и рѣшительно обезоруживаетъ ихъ. Но заранѣе намѣченная цѣль защитить лѣтопись—заставляетъ преодолѣвать всѣ препятствія. И дѣйствительно защитники лѣтописи, чтобы устранить неблагопріятное для нихъ свидѣтельство мниха Іакова, прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ—къ перетолкованіямъ словъ „Похвалы“, къ натянутымъ объясненіямъ и гипотезамъ, унижаются даже до того, что обвиняютъ Іакова въ недобросовѣстности, едва не въ намѣренной лжи и под., о чемъ поподробнѣе мы надѣемся сказать нѣсколько ниже. Но не смотря на всѣ попытки умалить значеніе приведеннаго выше, указанія Іакова на время взятія Корсуни, одинъ изъ защитниковъ лѣтописи, г. Матченко, признаетъ, что это мѣсто „Похвалы“ „можно понимать“ такъ, какъ понимаетъ проф. Голубинскій [2]), т. е. въ смыслѣ рѣшительно неблагопріятномъ для лѣтописи. Признаніе очень важное!

Ужъ если защитникъ лѣтописи находитъ возможнымъ принять

---

[1]) Странник. 1889 г. I, 108 стр.
[2]) Странн. 1888 г. III, 659 стр.

пониманіе Голубинскаго касательно словъ Іакова: „на третье лѣто (по крещеніи) Корсунь городъ взя“ (Владиміръ), то это пониманіе и слѣдуетъ признать правильнымъ и совершенно законнымъ. Вѣдь не только трудно, но и рѣшительно невозможно допустить, чтобы защитники лѣтописи не доказали несостоятельности того мнѣнія, которое имъ необходимо отвергнуть, и если они вынуждены признать его удобопріемлемость, то тѣмъ волей-не-волей неизбѣжно сознаютъ и свое безсиліе и крайнюю слабость своей аргументаціи...

Итакъ, полагаемъ, попытка согласить сказаніе Іакова съ лѣтописью по вопросу о мѣстѣ Владимірова крещенія и доказать, что „Похвала“ признаетъ мѣстомъ такого событія Корсунь (хотя объ этомъ и не сказано прямо) должна быть отнесена къ числу неудачныхъ и несостоятельныхъ. По Іакову, Владиміръ крестился не въ Корсуни, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и до корсунскаго похода, слѣдовательно не на чужбинѣ, а въ предѣлахъ своего отечества; мѣсто этого событія въ древнѣйшихъ памятникахъ (кромѣ лѣтописи) не названо; въ XII в. о немъ передавали различно, и утвердительно обозначить его не представляется возможности въ настоящее время. Правда, это молчаніе важнѣйшихъ источниковъ защитниками лѣтописи истолковывается въ свою пользу, какъ „не препятствующее вѣрить разсказу“ этой послѣдней—возражаютъ противъ Кіева, какъ мѣста крещенія Владиміра [1]), отрицаютъ возможность такого событія въ Василевѣ [2]); но развѣ отсюда можно выводить, какъ необходимое заключеніе, что Владиміръ принялъ крещеніе въ Корсуни? Вѣдь и этотъ греческій городъ, какъ мѣсто Владимірова крещенія, не обозначенъ ни у мниха Іакова, ни у автора „Сказанія“, ни у преп. Нестора, между тѣмъ какъ, по крайней мѣрѣ для перваго изъ нихъ, не только была возможность, но и, какъ мы говорили, необходимость сдѣлать подобное замѣчаніе. Конечно, защитники лѣтописи ко всѣмъ несогласнымъ съ нею показаніямъ о мѣстѣ крещенія равноапостольнаго князя прилагаютъ слова автора лѣтописной повѣсти: „не свѣдуще право

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 390 стр.
[2]) Странник. 1888 г. III, 663 и слѣд.

глаголютъ", видятъ въ нихъ непреложную истину, съ величайшимъ усердіемъ комментируютъ въ свою пользу, строятъ на основаніи этихъ словъ обвиненія другимъ изслѣдователямъ [1]), какъ будто устами неизвѣстнаго составителя лѣтописной повѣсти дѣйствительно вѣщаетъ сама абсолютная правда. На самомъ же дѣлѣ, аргументація, основанная на словахъ лѣтописи: „се не свѣдуще право глаголють" и т. д. слишкомъ шатка. Мы имѣли случай говорить о ней [2]) и сейчасъ ниже сдѣлаемъ по поводу ея нѣкоторыя замѣчанія при оцѣнкѣ мнѣнія проф. Кирпичникова.

Между тѣмъ какъ г. Матченко и проф. Соболевскій пытаются согласить показанія мниха Іакова съ показаніями лѣтописи по вопросу о мѣстѣ Владимірова крещенія и находятъ, что и авторъ „Похвалы" признаетъ такое знаменательное событіе для Руси совершившимся въ Корсуни, проф. Кирпичниковъ разсуждаетъ нѣсколько иначе. По его мнѣнію, Іаковъ въ указанномъ вопросѣ не подтверждаетъ лѣтопись (какъ однако не согласны между собою ея защитники!); несогласіе этихъ двухъ источниковъ—ясное, но преимущественная правда, какъ думаетъ ученый профессоръ, не за „Похвалою Володимеру". Лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра, по мнѣнію Кирпичникова,—легенда, чрезвычайно прикрашенная и мало достовѣрная въ подробностяхъ, но основа ея, особенно тамъ, гдѣ говорится о Херсонесѣ, какъ мѣстѣ крещенія св. Владиміра, „можетъ выдержать самую строгую критику". Въ виду такого рѣшительнаго заявленія проф. Кирпичникова, не излишне обратить вниманіе на его аргументацію.

„Память и похвала кн. русскому Владиміру, разсуждаетъ проф. Кирпичниковъ, на которую ссылаются тѣ, кто отвергаетъ крещеніе Владиміра въ Корсунѣ, документъ несомнѣнно древній и подлинный, но это не повѣствованіе, а риторически украшенное „слово", цѣль котораго не изложеніе событія въ исторической послѣдовательности его частей, а прославленіе его. „Память" нѣсколько разъ переходитъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно и

---

[1]) Ibid. 662— 663 стр.
[2]) См. Христ Чт. 1888 г. I, 613—614 стр.

ничего не говоритъ о мѣстѣ крещенія Владиміра. Можетъ ли она, спрашиваетъ профессоръ, составить достаточный противовѣсъ обстоятельному разсказу лѣтописи, которая даже сличаетъ разныя сказанія о мѣстѣ крещенія, ея источнику—житію Владиміра и проложному сказанію?" [1]). Отвѣчаемъ рѣшительно и съ увѣренностію: можетъ, и вотъ почему. Не будемъ говорить о томъ, что Іаковъ—нашъ древнѣйшій и, слѣд., авторитетный писатель, что онъ жилъ не только раньше автора лѣтописной повѣсти, но и самого лѣтописца, что свою „Похвалу" онъ составлялъ на основаніи устнаго преданія очень близкаго ко времени св. Владиміра и, слѣдов., вполнѣ заслуживающаго довѣрія, — это положеніе, полагаемъ, достаточно разъяснено нами выше, и его одного довольно для того, чтобы противопоставить авторитетъ Іакова авторитету лѣтописнаго сказанія. А кромѣ того, въ пользу автора „Похвалы", какъ не признающаго Корсунь мѣстомъ крещенія св. Владиміра, говорятъ: 1) тѣ, которые, какъ засвидѣтельствовано въ лѣтописи, признавали крещеніе св. князя совершившимся или въ Кіевѣ или въ Василевѣ или гдѣ-нибудь еще дома — на Руси; 2) хронологическія указанія преп. Нестора и автора „Сказанія" объ убіеніи Бориса и Глѣба; 3) отчасти также сообщенія иноземныхъ писателей; не будемъ указывать на Бандуріево греческое сказаніе о крещеніи Владиміра и на сагу объ Олавѣ, ссылкою на которыя чрезвычайно недовольны защитники лѣтописи [2]), и безъ нихъ, безъ этихъ легендарныхъ свидѣтельствъ, показаніе „Похвалы", будучи подтверждено другими историческими свидѣтельствами, можетъ составить не только достаточный, но и слишкомъ сильный противовѣсъ „обстоятельному разсказу лѣтописи". Нѣсколько ниже мы надѣемся подробнѣе ознакомиться съ этими историческими указаніями, подтверждающими мысль о крещеніи Владиміра не въ Корсуни, а сейчасъ остановимся нѣсколько на томъ преданіи, которое признавало крещеніе равноапостольнаго князя совершившимся или въ Кіевѣ или въ Василевѣ или, можетъ быть, въ какомъ-нибудь дру-

[1]) Прав. Обозр. 1888 г. Окт. 403 стр.

[2]) См. Странник. 1888 г. III, 665 стр.; 1889 г. I, 107—108 стр.

гомъ мѣстѣ, но на Руси. При внимательномъ разсмотрѣніи, это преданіе можетъ вести къ выводамъ крайне неблагопріятнымъ для повѣсти о крещеніи Владиміра въ Херсонесѣ; но, какъ и слѣдуетъ ожидать, защитники этой повѣсти не придаютъ ему никакого значенія. Проф. Кирпичниковъ полагаетъ, что лѣтопись не только знаетъ, но и сличаетъ разныя сказанія о мѣстѣ крещенія Владиміра, слѣдовательно, основываетъ свой разсказъ на критической провѣркѣ свѣдѣній; а г. Матченко находитъ даже, что лѣтописецъ говоритъ съ ироніею и видимымъ пренебреженіемъ къ подобнымъ слухамъ" [1]), какъ человѣкъ вполнѣ увѣренный въ правотѣ своего мнѣнія. Но въ чемъ же на самомъ дѣлѣ выразилось это сличеніе сказаній; въ чемъ видна иронія? Развѣ сказать бездоказательно: „не свѣдуще право глаголють" значитъ сличать сказанія и отыскать истину?

Такой способъ открыть правду былъ бы ужъ слишкомъ простъ!.. А чтобы видѣть въ указанныхъ словахъ лѣтописи иронію и видимое пренебреженіе, для этого нужна нѣкотораго рода особенная способность вычитывать изъ историческихъ свидѣтельствъ то, чего въ нихъ нѣтъ.

Но, предположимъ, что авторъ лѣтописной повѣсти дѣйствительно сличаетъ разныя сказанія о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, что онъ иронизируетъ надъ несогласными съ его мнѣніемъ; что же слѣдуетъ отсюда? Развѣ это доказательство.

Въ настоящее время церковно-историческая наука располагаетъ нѣкоторыми разнорѣчивыми извѣстіями о мѣстѣ и времени крещенія Владиміра, и не смотря на то, что многіе ученые дѣлали попытки сличить, провѣрить эти свидѣтельства и, на основаніи критическаго разсмотрѣнія ихъ, придти къ точному и основательному отвѣту по сомнительному вопросу, попытки ихъ не увѣнчались достодолжнымъ успѣхомъ. А если ученымъ нашего времени не легко и даже положительно трудно разобраться въ разногласіяхъ по запутанному вопросу о крещеніи Владиміра, то можно ли допустить, что задача эта вполнѣ удалась неизвѣстному автору лѣтописной

---

[1]) Ibid. 1888 г. III, 665 стр.

повѣсти, писателю XII в., который, такимъ образомъ, по критической проницательности достоинъ стать выше университетскихъ профессоровъ XIX в.?!.

Полемизируя съ проф. Голубинскимъ, г. Матченко иногда „говоритъ съ ироніей" о его доказательствахъ, но допустить на этомъ основаніи, что проф. Голубинскій вполнѣ не правъ, было бы поспѣшно и, пожалуй, нѣсколько наивно!.. Развѣ не то же самое слѣдуетъ сказать о томъ аргументѣ, что авторъ лѣтописной повѣсти о крещеніи Владиміра сличаетъ разныя сказанія объ этомъ событіи, что онъ иронизируетъ надъ тѣми, которые не согласны съ его мнѣніемъ. Сличеніе разнорѣчивыхъ данныхъ не есть еще ручательство за безусловную правильность вывода, иронія—не доказательство.

Правда, проф Кирпичниковъ указываетъ, что лѣтопись, при этомъ сличеніи разныхъ сказаній о мѣстѣ Владимірова крещенія, основывается на „житіи" св. князя, какъ первоисточникѣ, и, слѣдов., стоитъ на почвѣ вполнѣ твердой и могущей выдержать самую строгую критику. Но что же разумѣетъ ученый профессоръ подъ этимъ „житіемъ"? Вѣроятно, то сочиненіе, которое открыто преосв. Макаріемъ, которое начинается словами: „аще убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ" и которое нѣкоторыми учеными дѣйствительно признается прототипомъ лѣтописной повѣсти, но это произведеніе не принадлежитъ къ числу надежныхъ (по Соболевскому, оно, напротивъ, есть сокращеніе лѣтописнаго разсказа) и хронологическая несостоятельность его, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію [1]). И если это „Житіе" дѣйствительно послужило источникомъ для лѣтописной повѣсти при рѣшеніи недоумѣннаго вопроса о мѣстѣ крещенія Владиміра, то выборъ именно его со стороны неизвѣстнаго писателя не можетъ быть названъ удачнымъ и основательнымъ, тѣмъ менѣе, думаемъ, что такой выборъ способенъ доказывать умѣнье автора сличать, критически провѣрять и оцѣнивать разныя историческія свидѣтельства и извлекать изъ нихъ заслуживающія наибольшаго довѣрія.

[1]) См Христ. Чт. 1888 г. I, 604, 620—622 стр. II, 151 стр.

Для бо́льшаго противовѣса авторитету Іакова, проф. Кирпичниковъ присоединяетъ къ „обстоятельному разсказу лѣтописи и ея источнику — житію Владиміра“ и проложное сказаніе. Не трудно понять, какъ слаба поддержка, основанная на такомъ памятникѣ, и какъ незначителенъ противовѣсъ. Древнѣйшее, извѣстное теперь, проложное сказаніе относится къ XIII в. и едва ли могло явиться раньше, такъ какъ оно говоритъ уже о *святомъ* Владимірѣ, а канонизація крестителя земли русской, по всей вѣроятности, совершилась, какъ мы говорили выше, не ранѣе 1240 г. Справедливо ли такимъ, сравнительно позднимъ. произведеніемъ провѣрять правильность показаній писателя XI в.? И вообще, мнѣніе, основанное на такихъ не особенно надежныхъ источникахъ, какъ „житіе Володимера“ и проложное сказаніе, можетъ ли быть предпочтено свидѣтельству Іакова, подтверждаемому притомъ, какъ сказано выше, и другими важными историческими данными? Проф. Кирпичниковъ и самъ признаетъ выдающійся авторитетъ писателя „Похвалы“, но старается умалить его. указывая, что „Память и похвала Володимеру“ не есть историческое сочиненіе, а риторически украшенное слово, что въ ней событія передаются не въ исторической послѣдовательности и разсказъ нѣсколько разъ переходитъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно.

Мы уже упоминали о томъ, какъ защитники лѣтописи пользуются представленнымъ доказательствомъ, какъ они истолковываютъ въ своихъ интересахъ ссылки на послѣдовательность или непослѣдовательность фактовъ въ „Похвалѣ Володимеру“, судя по тому, находятъ ли возможнымъ понимать свидѣтельство Іакова въ пользу лѣтописи или нѣтъ. Для историка важно не то, переходитъ ли Іаковъ нѣсколько разъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно, а то, къ какимъ годамъ писатель „Похвалы“ относитъ важныя, интересующія читателя, событія изъ жизни св. Владиміра, а эти-то именно указанія и можно найти у Іакова, при чемъ послѣдовательность фактовъ легко возстановляется сама собою. Вопросъ, слѣд., сводится не къ тому, какая цѣль написанія „Похвалы“, изложено ли въ ней событіе крещенія Владиміра въ исторической послѣдовательности, а къ тому, можно ли имѣть вѣру къ показа-

ніямъ Іакова; но это вопросъ уже совершенно иной: онъ касается древности и авторитетности „Похвалы“, а объ этомъ предметѣ мы достаточно говорили выше.

Второе основаніе считать, „вопреки мниху Іакову, Корсунь мѣстомъ крещенія Владиміра проф. Кирпичниковъ выражаетъ такъ: „нельзя считать вѣроятной войну Владиміра съ имперіей немедленно послѣ того, какъ онъ принялъ вѣру этой имперіи отъ рукъ духовенства, бывшаго въ зависимости отъ клира константинопольскаго, между тѣмъ какъ его походъ на Корсунь до крещенія можетъ быть легко объясненъ. Весьма важное арабское извѣстіе тоже ставитъ въ связь крещеніе Владиміра съ его женитьбой на Аннѣ“ [1]). Не легко понять подобное основаніе! Ужели крещеніе Владиміра, принятое имъ отъ духовенства, стоящаго въ іерархической зависимости отъ церкви константинопольской, на самомъ дѣлѣ обязывало русскаго князя не поднимать оружіе противъ Византіи, хотя бы того требовали или его личные интересы или интересы государства? Могло ли духовенство, крестившее Владиміра, возлагать на новокрещеннаго князя подобное обязательство, и въ какихъ видахъ, и могъ ли принять его самъ князь?

Нѣсколько позднѣе мы видимъ, что сынъ Владиміра Ярославъ ведетъ войну съ греками и отправляетъ свое войско не на Корсунь, а самый Царьградъ [2]) и это въ то время, когда русская церковь получала своего первосвятителя митрополита непосредственно изъ Константинополя,—ясное дѣло, что іерархическая зависимость нашей отечественной церкви отъ цареградскаго патріарха не налагала никакихъ обязательствъ на русскаго князя въ отношеніи Византійской имперіи; тѣмъ меньше основаній думать, чтобы объ интересахъ имперіи заботилось то духовенство, которое крестило Владиміра и которое не имѣло съ Византіею никакой связи кромѣ духовной.

Но станемъ на точку зрѣнія проф. Кирпичникова: онъ признаетъ невѣроятной или маловѣроятной войну Владиміра съ импе-

---

[1]) Пр. Обозр. 1888 г. Окт. 403 стр.
[2]) Лѣт. подъ 1043 г. Лавр спис. 150 стр.

ріей немедленно (по Іакову, на третье лѣто по крещеніи) послѣ принятія княземъ вѣры этой имперіи. Насколько же маловѣроятнымъ нужно считать вторичный походъ Владиміра на Корсунь не только послѣ крещенія, но и послѣ женитьбы на греческой царевнѣ, послѣ того, какъ Корсунь была уже возвращена грекамъ, какъ вѣно за Анну, и самое крещеніе кіевскаго князя совершено было не духовенствомъ, зависящимъ отъ клира константинопольскаго, а непосредственно самими греками, давшими нашей церкви пастырей?

По взгляду проф. Кирпичникова, подобный военный походъ не только маловѣроятенъ, но, очевидно, и совершенно невозможенъ; а между тѣмъ, г. Матченко, тоже защитникъ лѣтописи, рѣшительно настаиваетъ на его вѣроятности и полной возможности. „Вторичное взятіе Корсуня, говоритъ этотъ авторъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что родственная и духовная связь съ греками не могла остановить Владиміра въ его непреодолимомъ влеченіи на югъ“ [1]). Какъ же могло воспрепятствовать такому влеченію кіевскаго князя принятіе имъ крещенія отъ рукъ духовенства даже не греческаго, а только стоявшаго въ зависимости отъ грековъ, когда предъ „непреодолимымъ влеченіемъ Владиміра на югъ“ ничего не значила даже „родственная и духовная связь“ съ Византіей? Очевидно, защитники лѣтописи, идя къ одной цѣли — къ оправданію лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владиміра, — но путями разными, впадаютъ въ противорѣчіе между собою и тѣмъ сами побиваютъ себя. И это случается съ ними не разъ, что увидимъ и ниже.

Проф. Кирпичниковъ въ пользу представленнаго имъ основанія за Корсунь, какъ мѣсто крещенія Владиміра, ссылается на одно „весьма важное арабское извѣстіе, подъ которымъ съ полною увѣренностію нужно разумѣть извѣстіе Яхъи антіохійскаго, но о томъ, какого рода свѣдѣнія сообщаются этимъ арабскимъ писателемъ и какъ пользуются ими защитники лѣтописи, мы надѣемся сказать далѣе. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, свидѣтельство Яхъи

---

[1]) Странн. 1888 г. III, 660 стр.

при сопоставленіи съ другими историческими памятниками, можетъ выяснить причины войны Владиміра съ греками и то, могъ ли св. князь предпринять корсунскій походъ послѣ личнаго крещенія или же непремѣнно долженъ былъ сдѣлать это до крещенія.

„Наконецъ, говоритъ проф. Кирпичниковъ, за Корсунь внутреннія основанія и многія параллели. Новую вѣру удобнѣе было принять въ новомъ мѣстѣ и преимущественно въ такомъ, гдѣ все кружающее ей соотвѣтствовало. Въ Кіевѣ, гдѣ стояли капища, въ Василевѣ, гдѣ таковыя могутъ предполагаться съ полнымъ основаніемъ, крещеніе князя и дружины его не могло въ должной торжественности быть обставлено, а напротивъ могло встрѣтить противодѣйствіе со стороны горячихъ приверженцевъ старой вѣры, которое, во всякомъ случаѣ, нарушило бы мирный характеръ великаго акта. Въ Корсунѣ же съ его великолѣпными храмами и святынями, среди сплошь христіанскаго населенія, крещеніе Владиміра могло совершиться въ такой формѣ, которая была вполнѣ достойна государя великаго народа. А когда новообращенный князь Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдоносною дружиною, тоже окрещенною, съ множествомъ священниковъ, хоругвей и иконъ, сопротивленіе волѣ его могло проявиться развѣ въ частныхъ и незначительныхъ случаяхъ“. [1]).

Таковы представленныя Кирпичниковымъ внутреннія основанія къ тому, чтобы, согласно съ лѣтописью, признавать Корсунь мѣстомъ крещенія св. Владиміра. Не безъинтересно сопоставить эти доказательства съ разсужденіями другихъ защитниковъ лѣтописи, чѣмъ уже можно хотя отчасти опредѣлить правильность и основательность аргументаціи ихъ.

Кирпичниковъ признаетъ маловѣроятнымъ мнѣніе о крещеніи Владиміра въ Василевѣ (какъ предполагаетъ проф. Голубинскій), потому что въ этомъ городѣ съ полнымъ основаніемъ можно предполагать существованіе языческихъ капищъ. А г. Матченко, разбирая мнѣніе Голубинскаго, съ увѣренностію и рѣшительностію заявляетъ, что „до крещенія Владиміра Василевъ даже не суще-

---

[1]) Пр. Обозр. 1888 г. Окт. 403—404 стр.

ствовалъ; стало быть, и крещенія въ немъ не могло быть. Первый разъ упоминается онъ въ лѣтописи подъ 988 г." и т. д. [1]), хотя далѣе тотъ же авторъ, не понятно зачѣмъ, подвергаетъ критикѣ мнѣніе о крещеніи Владиміра въ Василевѣ, который уже признанъ несуществовавшимъ.

Итакъ, съ одной стороны — Василевъ ко времени принятія св. кіевскимъ княземъ христіанства еще неоснованный и несуществовавшій, съ другой—тотъ же Василевъ и къ тому же самому времени уже украшенный языческими капищами, — какъ понять эти разногласія и можно ли разобраться въ подобной путаницѣ?!.

Конечно, г. Матченко слишкомъ быстро и спѣшно порѣшилъ, что Василевъ до 988 г. даже и не существовалъ; ему по крайней мѣрѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на то преданіе, болѣе древнее лѣтописной повѣсти, которое предполагало крещеніе Владиміра возможнымъ именно въ этомъ городѣ. Называя держащихся такого мнѣнія „несвѣдущими право", авторъ лѣтописной повѣсти совсѣмъ не даетъ понять, что во время принятія христіанства Владиміромъ Василева не было, чѣмъ безусловно доказывалась бы полнѣйшая несостоятельность несогласнаго съ нимъ преданія; отсюда одно изъ двухъ слѣдствій: или Василевъ существовалъ до 988 г., и, значитъ, не правъ г. Матченко, или, если этотъ городъ основанъ послѣ крещенія Владиміра—въ 988 г., а можетъ быть и позднѣе, то авторъ лѣтописной повѣсти, которому защитники лѣтописи усвояютъ умѣнье разобраться въ различныхъ сказаніяхъ о мѣстѣ Владимірова крещенія, на самомъ дѣлѣ далеко не былъ такъ проницателенъ—городъ не существовавшій до 988 г. принялъ за существовавшій и не въ состояніи былъ указать явную неправдоподобность древняго преданія, голословно лишь назвавъ его неправильнымъ. Ни тотъ, ни другой выводъ, думаемъ, не можетъ говорить въ пользу защитниковъ лѣтописи.

Далѣе, Кирпичниковъ признаетъ, что крещеніе (личное) Владиміра могло встрѣтить *противодѣйствіе* со стороны горячихъ приверженцевъ язычества.

---

[1]) Странн. 1888 г. III, 661—662 стр.

Не такъ думаетъ г. Матченко. „Приступить рѣшительно къ крещенію народа, говоритъ онъ, Владиміръ могъ еще бояться, но за свое собственное, при той симпатіи, которою онъ пользовался въ средѣ дружины, не было къ тому рѣшительно никакого основанія“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, въ нѣкоторое несогласіе съ собою, признаетъ даже, „что никакого нѣтъ основанія къ предположенію, чтобы Владиміръ боялся выступить и на подвигъ крещенія народа изъ опасенія возмущенія“ [2]). Не легко согласить подобныя разсужденія защитниковъ лѣтописи: они относятся между собою почти какъ противоположности, какъ положеніе и отрицаніе. Какой же на самомъ дѣлѣ долженъ быть данъ отвѣтъ на вопросъ: могло ли крещеніе Владиміра встрѣтить противодѣйствіе язычниковъ, или же подобное опасеніе не имѣло рѣшительно никакого основанія.

По мнѣнію Кирпичникова, сопротивленіе волѣ князя могло проявиться гораздо слабѣе, когда Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдоносною и окрещеною дружиною. Г. Завитневичъ думаетъ точно также, предполагая, что Владиміръ заявилъ о своемъ переходѣ въ христіанство только по возвращеніи изъ корсунскаго похода, хотя лично крестился раньше. А г. Матченко относится къ такому предположенію съ крайнимъ скептицизмомъ и возможность сильнаго и опаснаго сопротивленія князю признаетъ незаслуживающею довѣрія. Опять разногласіе между защитниками лѣтописи! Развѣ оно не показываетъ какъ слабы даже тѣ доводы, которые самоувѣренно выставляются могущими выдержать самую строгую критику, но которые на самомъ дѣлѣ плохо признаются даже и самими защитниками лѣтописи. Подвергать подобныя разногласящія другъ другу доказательства подробному и нарочитому разбору не представляется, полагаемъ, необходимости. Впрочемъ, нужно замѣтить по поводу мнѣнія Кирпичникова, что если Владиміръ опасался противодѣйствія язычниковъ въ случаѣ своего крещенія, если онъ считалъ за лучшее приступить къ крещенію народа по воз-

---

[1]) Странн. 1888. г. III, 661 стр.
[2]) Ibid. 1889 г. I, 88 стр.

вращенія въ Кіевъ изъ похода съ побѣдоносною и окрещенною дружиною, то отсюда никакъ не вытекаетъ необходимое слѣдствіе, что и принять христіанство онъ долженъ былъ именно въ Корсуни. Мысли, подобныя сейчасъ указаннымъ, высказываются и противниками лѣтописи (напр., Голубинскимъ и Завитневичемъ), слѣдов. основанное на нихъ доказательство есть мечъ обоюду-острый...

Но защитники лѣтописи, въ согласіи между собою и въ противоположность своимъ противникамъ, утверждаютъ, что Владиміръ долженъ былъ принять новую вѣру въ новомъ мѣстѣ, съ возможно большею торжественностію, которая была бы вполнѣ достойна государя великаго народа.

Нѣсколько выше мы замѣчали, что для сообщенія полной торжественности акту крещенія Владиміръ, по примѣру своей бабки, могъ бы отправиться въ Константинополь; ужели онъ не достоинъ креститься тамъ? Но св. князь дошелъ только до Корсуни. Возможность и важность такого замѣчанія сознаетъ г. Матченко и тщетно пытается ослабить его [1]). Но почему Владиміръ непремѣнно долженъ былъ добиваться торжественности своего крещенія? Если онъ принялъ христіанство *по убѣжденію* въ превосходствѣ его предъ язычествомъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться и по мнѣнію защитниковъ лѣтописи [2]), то къ чему же погоня за внѣшностію, за обстановкой, за пустой формой, которая притомъ пріобрѣталась цѣною немалыхъ усилій и предпріятій рискованныхъ? Говорятъ, того требовало достоинство государя великаго народа, т. е., говоря иначе, пустое тщеславіе или гордость; совмѣстимъ ли этотъ порокъ съ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Владиміра въ превосходствѣ христіанства, съ его искреннимъ желаніемъ принять святую вѣру? Да едва ли и самъ Владиміръ, считавшій себя сильнымъ брать дань только съ народовъ, носящихъ лапти, а не сапоги [3]), былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ княжескомъ достоинствѣ. Здѣсь намъ невольно припоминаются слѣдующія справедливыя слова Го-

---

[1]) Сравн. 1888 г. III, 663—669 стр.
[2]) Ibid 1889 г. I, 89 стр.
[3]) Лѣтоп. подъ 985 г. по Лавр. сп. 82 стр.

лубинскаго: „когда предполагаютъ во Владимірѣ гордость могущества и славы и крайнюю щекотливость этой гордости, то представляютъ его себѣ какимъ-то Тамерланомъ, завоевателемъ полусвѣта, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было и безъ чего предполагаемая въ немъ гордость становится совсѣмъ невѣроятною, заставляя воображать его человѣкомъ до послѣдней степени смѣшнымъ“ [1]).

Указываютъ на то, что Владиміръ при своемъ крещеніи не могъ же „не соблюсти и по отношенію къ себѣ лично, какъ князю, извѣстнаго рода этикета“ [2]). Ужъ не ради ли этого этикета нужно было затѣвать войну, осаждать Корсунь, грозить Константинополю, стращать византійскихъ императоровъ, тратить время, деньги, войско, при крайней еще сомнительности благополучнаго окончанія военнаго похода?. Возникаетъ даже такой вопросъ: о чемъ же Владиміръ болѣе заботился—объ этикетѣ ли и торжественной обстановкѣ своего крещенія, или же о принятіи новой вѣры, въ истинности которой онъ былъ уже убѣжденъ?!

Нѣтъ! не пустыми мечтами о своемъ достоинствѣ, не съ заботами о торжественности приступилъ Владиміръ къ святому таинству крещенія, возрождавшему его къ новой жизни!

Како взыска ты Христа?—спрашиваетъ митр. Иларіонъ, обращаясь къ крестителю земли русской. И отвѣчаетъ: „не видѣ апостола, пришедша въ землю свою... не видѣ бѣсъ изгоняща именемъ Христовымъ, болящія здравующа... безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ, Творецъ видимымъ и невидимымъ, небеснымъ и земленымъ, и яко посла въ міръ спасенія ради возлюбленнаго Своего Сына. *И си помысливъ, вниде въ святую купель*“ [3]). Вотъ съ какими помыслами приступилъ Владиміръ къ крещенію!—Мнихъ Іаковъ указываетъ, что Богъ *просвѣтилъ* сердце князя Владиміра принять крещеніе [4]), а преп. Несторъ, какъ бы въ поясне-

---

[1]) Голуб. I, I, 137—138 стр.
[2]) Стран. 1888 г. III, 668 стр.
[3]) Приб. къ Твор. Св. От. 1844 г. II, 242 стр.
[4]) Хр. Чт. 1849 г. II, 318 стр. Мак. I, 256 стр. Гол. I, I, 208 стр.

ніе этихъ словъ „Похвалы“, говоритъ, что Владиміру было какое-то особенное откровеніе и призваніе свыше, *„нѣкое запятіе“*, подобное тому, которое въ древности было Плакидѣ („иди и крестися“), *явленіе Божіе*, сдѣлавшее его христіаниномъ [1]). Почему же Владиміръ, самъ шедшій на встрѣчу христіанству, просвѣщенный свыше, призванный къ перемѣнѣ вѣры, непремѣнно долженъ былъ добиваться извѣстнаго рода этикета, достойной обстановки и под.? Могъ ли и долженъ ли онъ былъ говорить: „пожду и еще мало“ [2]), откладывать свое крещеніе подъ различными предлогами и принять его тогда, когда заставила внѣшняя необходимость? Гдѣ же здѣсь убѣжденіе, просвѣщеніе и призывъ свыше? Въ чемъ же величіе подвига, сдѣлавшаго Владиміра равноапостольнымъ княземъ и святымъ по жизни? „Врядъ ли онъ могъ бы быть таковымъ для Россіи, говоритъ г. Матченко, если бы крестился только по внѣшности, въ интересахъ личныхъ, житейскихъ“ [3]). А развѣ не къ такимъ интересамъ относятся — желаніе показать свое достоинство, заботы объ этикетѣ, о торжественности обстановки, домогательство руки Анны, ради чего, по лѣтописи, и крестился Владиміръ?

Вообще же, указаніе защитниковъ лѣтописи на то, что Владиміръ долженъ былъ креститься торжественно, но не могъ сдѣлать этого дома—на Руси,—указаніе, признаваемое ими важнымъ свидѣтельствомъ за Корсунь, какъ мѣсто принятія св. княземъ христіанства, на самомъ дѣлѣ далеко не достигаетъ цѣли и не представляетъ собою неопровержимаго доказательства, и одинъ изъ защитниковъ лѣтописи, какъ мы знаемъ, проговорился, что „пожалуй, можно сказать, что едва ли Владиміръ акту своего крещенія хотѣлъ придать торжественность, т. е., поясняетъ этотъ авторъ, нѣтъ основанія думать, чтобы онъ хотѣлъ креститься именно въ Царьградѣ“ [4]). Но вѣдь нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что св. князь желалъ непремѣнно креститься и въ Корсуни!..

---

[1]) Прав. Собес. 1858 г. I. Голуб. I, I, 105 стр.
[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 104 стр.
[3]) Стран. 1889 г. I, 90 стр.
[4]) Ibid 1888 г. III, 669 стр.

Вопросъ о мѣстѣ крещенія Владиміра мы разсматривали доселѣ безотносительно къ вопросу о времени этого событія, между тѣмъ хронологическія данныя нашихъ древнѣйшихъ источниковъ рѣшительно говорятъ, по нашему мнѣнію, за то, что св. Владиміръ принялъ крещеніе не въ Корсуни. Конечно, защитники лѣтописи истолковываютъ и перетолковываютъ эти данныя по своему, въ своихъ цѣляхъ, но какъ, объ этомъ мы сейчасъ и будемъ вести рѣчь.

Но въ дополненіе къ сказанному о мѣстѣ крещенія св. Владиміра считаемъ не излишнимъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Чѣмъ можно объяснить различныя преданія о мѣстѣ Владимірова крещенія—торжественностію ли этого событія, или же напротивъ недостаткомъ торжественности, скромностію и простотою? Ясное дѣло, что вполнѣ естественно было бы остановиться на второй причинѣ. „Крещеніе Владиміра", говоритъ г. Завитневичъ, „совершено было скромно, безъ особой торжественности и на первыхъ порахъ было скрыто отъ народной массы. Это необходимо допустить въ виду смутнаго и сбивчиваго представленія первоисточниковъ объ этомъ актѣ" [1]) Совершенно тоже говорили и мы, доказывая, вопреки Костомарову, что Корсунь, какъ мѣсто крещенія св. Владиміра, не могла исчезнуть изъ памяти русскаго народа и замѣниться произвольно то Кіевомъ, то Василевымъ, то какимъ нибудь другимъ отечественнымъ мѣстомъ [2]) Совершенно не такъ думаютъ защитники лѣтописи. По ихъ мнѣнію, причиною разнообразныхъ толковъ о томъ, гдѣ крестился св. Владиміръ, послужило именно торжественное совершеніе такого акта въ Корсуни, въ чужой землѣ [3]). Непонятно однако, какъ событіе, происходившее торжественно, могло подать поводъ къ самымъ произвольнымъ догадкамъ!.. А свидѣтели крещенія? Ихъ было не мало. Развѣ они не могли принесть на Русь и особенно въ Кіевъ и распространить здѣсь самыя точныя свѣдѣнія о принятіи Владиміромъ христіанства?

---

[1]) Труд. Кіев. Д. ак. 1888 г. II т., 697 стр.
[2]) Христ. Чт. 1888 г. I, 610—613 стр.
[3]) Странн. 1888 г. III, 663 стр.

Затѣмъ, крестители земли русской—греческіе священники изъ Царьграда и Корсуни — непосредственные очевидцы и свидѣтели Владимірова крещенія? Ужели они молчали объ этомъ торжественномъ событіи, которое должно было служить для русскихъ людей ближайшимъ примѣромъ и образцомъ къ перемѣнѣ вѣры? Наконецъ, вещественные памятники, взятые Владиміромъ изъ Корсуни, могли напоминать русскому народу, а кіевлянамъ въ особенности, что именно здѣсь, въ этомъ городѣ, совершилось то знаменательное событіе, которое было зарею новой христіанской эры для нашего отечества. Кому же была нужда и какая необходимая причина выдумывать и сочинять разныя, маловѣроятныя сказанія о мѣстѣ крещенія Владиміра, которыя г. Матченко считаетъ ни болѣе ни менѣе какъ народными сплетнями [1])? Хороши, однако, сплетни, когда дѣло касается такого выдающагося событія, какъ начало христіанства на Руси,—событія, о которомъ каждому русскому, безъ сомнѣнія, хотѣлось знать одну правду, а не сплетни. И съ какой стати народъ, прежде чѣмъ узнать о случившемся отъ лицъ близко знакомыхъ съ дѣломъ,—началъ придумывать, гдѣ же бы могло совершиться крещеніе св. князя? Нужно замѣтить и то, что авторъ лѣтописной повѣсти, умѣющій, по словамъ защитниковъ лѣтописи, разбираться въ разногласныхъ извѣстіяхъ о событіяхъ, едва ли имѣлъ въ виду и могъ останавливаться своимъ вниманіемъ на народныхъ сплетняхъ, и если онъ говоритъ о тѣхъ, которые признавали крещеніе Владиміра совершившимся на Руси, то безъ сомнѣнія потому, что мнѣніе это считалъ заслуживающимъ упоминанія.

Возможность сплетень, т. е. различныхъ толковъ о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, г. Матченко объясняетъ и тѣмъ, что въ „тогдашнее время не было газетъ“ (газеты во времена св. Владиміра!..) [2]). А развѣ газеты не распространяютъ маловѣроятныя извѣстія? А если бы г. Матченко какимъ нибудь чудомъ предъявили газету современную началу христіанства русскаго, въ которой было

[1]) Ibid.
[2]) Ibid 664 стр.

бы сказано, что Владиміръ крестился или въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, или еще гдѣ-нибудь, только не въ Корсуни, то кто могъ бы поручиться, что авторъ статей въ „Странникѣ" не счелъ бы это извѣстіе за газетную утку?!.

Кирпичниковъ предполагаетъ, что „источникъ тѣхъ несвѣдущихъ, которые говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, или еще гдѣ-то", заключается въ томъ, что св. князь, внутренно предрасположенный къ христіанству еще до корсунскаго похода, не скрывалъ этого отъ близкихъ людей [1]). Можно ли понять такую причину? Какъ же близкіе къ Владиміру люди, посвященные имъ въ сокровенныя тайны, могли не знать, гдѣ же дѣйствительно совершилось крещеніе князя и, вмѣсто отыскиванія правды (что для нихъ было очень легко), стали строить свои гипотезы о мѣстѣ этого событія?!.

---

[1]) Прав. Обозр. 1888 г. Окт. 404 стр.

VI.

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о мѣстѣ крещенія св. Владиміра стоитъ и вопросъ о времени этого событія, отчасти правильность рѣшенія перваго изъ нихъ находится въ зависимости отъ правильности рѣшенія второго. Здѣсь, при опредѣленіи времени принятія Владиміромъ христіанства, приходится имѣть дѣло съ такими точными данными, которыя, кажется, не должны бы возбуждать рѣзкихъ разногласій и подавать поводъ къ перетолкованіямъ, чего однако, къ сожалѣнію, нѣтъ. Весь вопросъ, повидимому, сводится къ простому умѣнію считать; но оказывается, что это умѣнье — дѣло крайне мудреное, что каждый изслѣдователь считаетъ по своему, не признавая правильными вычисленія другихъ.

Важныя для рѣшенія вопроса о времени крещенія Владиміра хронологическія данныя, находящіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ отечественной литературы, суть слѣдующія: по Іакову, Владиміръ, умершій въ 1015 году, по святомъ крещеніи поживе 28 лѣтъ". „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ неизвѣстнаго автора почти повторяетъ слова Іакова: „многымъ днемъ минувшимъ, лѣтомъ 28 по святомъ крещеніи, впаде Володимеръ въ недугъ крѣпокъ",

отъ котораго и скончался. Пр. Несторъ годомъ крещенія св. князя признаетъ 987. Основываясь на этихъ данныхъ, принимая во вниманіе, что они находятся въ древнѣйшихъ и авторитетныхъ памятникахъ, г. Завитневичъ дѣйствительно и приходитъ къ тому выводу, что Владиміръ крестился въ 987 г., что рѣшительно несогласно съ хронологіею начальной лѣтописи. Защитники послѣдней для оправданія ея показаній дѣлаютъ попытку доказать, что вышеприведенныя данныя древнѣйшихъ источниковъ не только не противорѣчатъ лѣтописной хронологіи, но даже подтверждаютъ ее.

Возражая Завитневичу и опровергая его вычисленія касательно года Владимірова крещенія, проф. Соболевскій говоритъ: „Г. Завитневичъ, опредѣляя годъ крещенія по Іакову, предполагаетъ, что въ его 28 г. нужно видѣть ровно 28—не больше и не меньше и потому отсчитываетъ эти 28 лѣтъ отъ 15 іюля 1015 г. по точнымъ правиламъ ариѳметики. Конечно, у него получается 987 г. Но древніе русскіе люди были мало знакомы съ именованными числами и производили дѣйствія съ ними не по ариѳметическимъ правиламъ, а какъ-нибудь проще, вѣроятно по пальцамъ; при этомъ, высчитывая годы отъ событія до событія, они обыкновенно включали въ ихъ число оба года, въ которые совершились эти событія“[1]).

Такимъ образомъ, проф. Соболевскій несогласенъ съ г. Завитневичемъ уже въ самомъ способѣ вычисленія лѣтъ, который, по его мнѣнію, двоякій: первый по точнымъ правиламъ ариѳметики и менѣе вѣрный для рѣшенія даннаго вопроса,—его держится Завитневичъ,—второй—болѣе простой, по пальцамъ, при помощи его ведутся вычисленія годовъ въ лѣтописи и вѣроятно вычисляетъ самъ ученый профессоръ. Правильность своего положенія Соболевскій доказываетъ нѣсколькими примѣрами. Такимъ способомъ, какой имъ указанъ, разсуждаетъ ученый профессоръ, „нашъ древній лѣтописецъ въ извѣстномъ хронологическомъ перечнѣ опредѣлилъ количество лѣтъ княженія русскихъ князей, сосчитавъ всѣ годы

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 399 стр. Ср. Церк. Вѣд. 1888 г. № 27.

съ года вступленія на столъ по годъ смерти включительно. Такъ Ярополкъ, по перечню, княжилъ 8 лѣтъ, Ярославъ, 40 лѣтъ, хотя изъ лѣтописнаго разсказа видно, что первый былъ убитъ на 8 году, прежде чѣмъ исполнилось цѣлыхъ 8 лѣтъ княженія, а второй умеръ на 40 году, опять прежде истеченія 40 лѣтъ княженія". Далѣе Соболевскій указываетъ на число лѣтъ сидѣнія Судислава въ порубѣ и число лѣтъ жизни Владиміра Мономаха и на основаніи представленныхъ примѣровъ приходитъ къ такому заключенію: „чтобы узнать годъ крещенія Владиміра по Іакову, мы должны вычесть изъ 1015 не 28, а 27 и признать искомымъ годомъ 28-й = 988-й годъ, т. е. тотъ годъ, подъ которымъ говорится о крещеніи въ лѣтописи" [1]). Нѣсколько ниже возвращаясь къ лѣтописному способу счисленія, проф. Соболевскій говоритъ: „мы принимаемъ за первый годъ самый годъ событія, согласно съ древне-русскимъ способомъ вычисленія, употребленнымъ между прочимъ и въ нашей древней лѣтописи" и представляетъ примѣръ: „жена Яня, Яневая, умерла въ 18-й годъ по смерти Ѳеодосія Печерскаго. Смерть ея упоминается подъ 1091 г., а смерть Ѳеодосія подъ 1074 г., слѣдов. за первый годъ принятъ годъ смерти Ѳеодосія" [2]).

Уже количество представленныхъ проф. Соболевскимъ примѣровъ въ подтвержденіе правильности пониманія имъ лѣтописи показываетъ, что въ данномъ случаѣ этотъ ученый чувствуетъ себя на почвѣ самой твердой. Но—странное дѣло—г. Завитневичъ не только не доказываетъ, что лѣтопись не такъ ведетъ свое счисленіе, какъ указываетъ Соболевскій, но совершенно согласенъ съ своимъ критикомъ, что первымъ годомъ нужно считать годъ возникновенія извѣстнаго событія и въ подтвержденіе представляетъ почти всѣ тѣже примѣры, какіе приводятся и Соболевскимъ [3]). Отъ чего же зависитъ и въ чемъ заключается разногласіе этихъ двухъ изслѣдователей? А разногласіе это зависитъ отъ того, какъ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., 400 стр. прим.
[3]) Труд. К. Д. Ак. 1888 г. II, 663—664 стр.

понимать тѣ 28 лѣтъ, которые, по Іакову, Владиміръ прожилъ по святомъ крещеніи—нужно ли видѣть въ нихъ лѣтописный способъ счисленія годовъ, или же нѣсколько иной? Проф. Соболевскій конечно держится перваго, утверждая, что древніе русскіе люди считали по просту, по пальцамъ, какъ показано на вышеуказанныхъ примѣрахъ изъ лѣтописи, и что Іаковъ держался такого же счисленія.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Правильно ли понимаетъ проф. Соболевскій хронологическія указанія Іакова?

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія отчасти о счисленіи лѣтописи, отчасти о нѣкоторыхъ примѣрахъ, представленныхъ Соболевскимъ въ извѣстныхъ уже видахъ. Въ „извѣстномъ хронологическомъ перечнѣ", откуда бралъ свои примѣры и проф. Соболевскій, значится: отъ Рождества Христова до Константина 318 лѣтъ, отъ Константина до Михаила лѣтъ 542, а первымъ годомъ Михаилова царствованія признается 852-й, т. е. 318 + 542 = 852 (По Соболевскому, можетъ быть, 317 + 541 = 852?). Какъ назвать такое счисленіе?

Ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія на числа лѣтъ княженія Ярополка и Ярослава, Соболевскій выпускаетъ находящееся между ними указаніе на количество лѣтъ княженія Владиміра. По лѣтописи, св. князь „княжи лѣтъ 37", которыя нужно считать отъ 980 года, когда св. Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ, кончая 1015 г. Считаемъ попросту, по пальцамъ, признавая первымъ годомъ годъ самаго событія и получаемъ общее число лѣтъ княженія Владиміра—36. Неправильность этой даты, особенно въ виду точнаго указанія Іакова на время занятія Владиміромъ кіевскаго стола, была отмѣчена нами и выше. Однако г. Матченко, кажется, не намѣренъ признать неточность въ разбираемой лѣтописной датѣ, поэтому первымъ годомъ княженія Владиміра онъ признаетъ 978, отмѣченный мнихомъ Іаковомъ, и приложивъ къ этому году 37 лѣтъ, которыя, по лѣтописи, правилъ св. князь, дѣйствительно находитъ годъ смерти Владиміра—1015 [1]).

[1]) Странн. 1888. г. III, 671 стр.

Имѣя цѣлію доказать правильность одной лѣтописной даты (общаго числа лѣтъ княженія Владиміра) защитники лѣтописи должны такимъ образомъ признать неточность и неправильность другой (начала княженія Владиміра) и тѣмъ уже ослабить свое положеніе, что на хронологическія данныя нашей начальной лѣтописи вполнѣ можно положиться.

Нужно сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе и относительно числа лѣтъ княженія Ярослава, указанныхъ въ лѣтописи. Какой годъ нужно считать первымъ годомъ этого княженія? По Лаврентьевскому списку, который Соболевскій признаетъ наиболѣе авторитетнымъ и заслуживающимъ довѣрія, начало правленія Ярослава въ Кіевѣ падаетъ на 1016 г. [1]) (въ Ипатьевской лѣтописи нѣтъ этого обозначенія), а смерть этого великаго князя послѣдовала въ 1054 г. Принимая во вниманіе эти даты, вычисляемъ лѣтописнымъ способомъ число лѣтъ княженія Ярослава и получаемъ 39, то есть Ярославъ умеръ на 39 году своего княженія. Можетъ быть, Соболевскій скажетъ, что первымъ годомъ сидѣнія Ярослава въ Кіевѣ нужно считать 1015, что, по крайней мѣрѣ, такъ думалъ лѣтописецъ, но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: княжилъ ли въ Кіевѣ Святополкъ окаянный и какъ долго и какъ нужно понимать указаніе наиболѣе авторитетнаго списка лѣтописи: „Начало княженья Ярославля въ Кыевѣ, въ лѣто 6524"?

Мы не отрицаемъ, что лѣтопись признаетъ за первый годъ самый годъ событія; но она, видимо, различаетъ полное число лѣтъ, протекшихъ между двумя какими-нибудь событіями, счисленіе отъ года до года [2]) и счисленіе годовъ только приблизительное. Когда лѣтопись говоритъ, что „Ярополкъ княжи лѣтъ 8", „Ярославъ княжи лѣтъ 40" и т. д., то этимъ даетъ понять, что въ дѣйствительности княженіе упомянутыхъ лицъ обнимаетъ лишь 7 лѣтъ, 39 лѣтъ... + сколько-то мѣсяцевъ и дней. Жена Яна умерла на 18 году по смерти преп. Ѳеодосія, слѣдовательно, между этими двумя фактами протекло полныхъ 17 лѣтъ (отъ года до года).

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 138—139 стр.
[2]) См. Лѣт. Лавр. 202 стр. Ип. лѣт. 146 стр.

Но лѣтописецъ не выразился здѣсь, что предсказаніе преподобнаго Яневой сбылось лѣтъ чрезъ 18, а только на 18 году, какъ будто давая тѣмъ понять, что 3 мѣсяца, 13 дней (отъ 3 мая до 16 августа) количество времени не настолько большое, чтобы его можно было округлить въ цѣлый годъ.

Іаковъ выражается точно и опредѣленно: „по святомъ крещеніи поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ“, чѣмъ и показываетъ, что смерть св. князя постигла его или на 29 году жизни въ христіанствѣ (въ самомъ началѣ этого года) или въ самомъ концѣ 28-го, при полномъ почти истеченіи его, такъ что авторъ „Похвалы“ безъ всякаго ущерба для истины могъ пренебречь или малымъ недостаткомъ или небольшимъ излишкомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ получится одинъ и тотъ же, особенно при счисленіи по мартовскимъ годамъ. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, есть разница между выраженіями 28 лѣтъ и лѣтъ 28, эти указанія нельзя признать равными одно другому, и Соболевскій, можетъ быть, не безъ цѣли переставилъ слова въ текстѣ „Похвалы“ (вм. „28 лѣтъ“—лѣтъ 28), каковаго чтенія пока неизвѣстно ни въ одной изъ редакцій сочиненія Іакова (сличенныхъ издателями „Похвалы“ пр. Макаріемъ и проф. Голубинскимъ). Такая произвольная поправка словъ Іакова можетъ, по нашему мнѣнію, вести къ неправильному вычисленію лѣтъ...

И дѣйствительно, предложенный проф. Соболевскимъ способъ опредѣлить по Іакову годъ крещенія св. Владиміра,—вычесть изъ 1015—27,—далеко не представляется вѣрнымъ: нельзя доказать, что 27 = 28, что дата Іакова только приблизительная, далеко не равная обозначаемому въ ней числу, а главное, что Владиміръ и по лѣтописи прожилъ въ христіанствѣ свыше 27 лѣтъ; слѣдовательно, между „Похвалою“ и лѣтописью въ данномъ случаѣ нельзя установить тождество... Наконецъ, у Іакова есть одно опредѣленное указаніе, какъ сейчасъ увидимъ, что Владиміръ крестился въ 987 г...

Мы можемъ указать, что и защитники лѣтописи въ 28 годахъ жизни Владиміра по крещеніи признаютъ ровно 28. Такъ, г. Матченко, сказавъ, что нѣкоторыя данныя самой „Похвалы“ под-

тверждають лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра (988-й) говоритъ: „понятно, что съ этими показаніями Іакова несогласно то, что Владиміръ жилъ по крещеніи 28 лѣтъ, потому что тогда годъ смерти его падаетъ на 1016 (988 + 28)" [1]). Очень ясно, что для опредѣленія дѣйствительнаго года крещенія св. князя изъ 1015 нужно вычесть 28 и получимъ 987. Это еще разъ доказываетъ согласіе защитниковъ лѣтописи, отстаивающихъ, по ихъ мнѣнію, авторитетнѣйшій источникъ!..

Установивъ будто бы то положеніе, что авторъ „Похвалы" относитъ крещеніе Владиміра къ 988 г., Соболевскій продолжаетъ: „этотъ годъ находитъ себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Іакова, если мы ихъ сопоставимъ съ показаніями лѣтописными. Онъ (т. е. Іаковъ) указываетъ, что городъ Переяславль былъ основанъ „на пятое лѣто" по крещеніи, т. е. въ 992 г.; лѣтопись по древнѣйшему и наиболѣе авторитетному списку— Лаврентьевскому — помѣщаетъ это событіе подъ тѣмъ же годомъ; онъ говоритъ, что десятина для десятинной церкви была установлена Владиміромъ въ „девятое лѣто" по крещеніи, т. е. въ 996 г.; лѣтопись по всѣмъ спискамъ помѣщаетъ установленіе десятины также подъ 996 г. Только одно указаніе Іакова не подтверждаетъ 988 г., какъ годъ крещенія. Онъ говоритъ, что Владиміръ крестился въ „десятое лѣто" по убіеніи Ярополка, случившемся, какъ сообщаетъ лѣтопись, вскорѣ послѣ занятія Владиміромъ Кіева" [2]).

Итакъ, собственно двумя примѣрами, взятыми изъ „Похвалы" Іакова, проф. Соболевскій подтверждаетъ, что и этотъ писатель (по мнѣнію ученаго профессора, далеко не древній и не авторитетный) признаетъ 988 годъ годомъ Владимірова крещенія. Но почему же ученый докторъ славянской филологіи упустилъ другія факты изъ жизни св. князя въ христіанствѣ, указанные Іаковомъ? Послѣдній передаетъ, что Владиміръ „на другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя, на

---

[1]) „Странник" 1888 г. III, 671 стр.
[2]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 399—400 стр.

четвертое лѣто церковь камену святыя Богородици заложи? Пусть о первомъ изъ этихъ событій въ лѣтописи не имѣется свѣдѣній, второе Соболевскій признаетъ ошибкой, объясняетъ невѣжествомъ со стороны Іакова, искаженіемъ текста первоисточника (справедливо ли это,—увидимъ нѣсколько ниже), но третье событіе—основаніе десятинной церкви, — объ немъ находятся свѣдѣнія и въ лѣтописи, почему же оно со стороны ученаго профессора обойдено молчаніемъ? Въ Лаврентьевскомъ спискѣ событіе это значится подъ 989 годомъ, по Ипатьевскому же списку подъ 991. Проф. Соболевскій признаетъ первый списокъ наиболѣе авторитетнымъ, [1]) слѣд. увѣренъ, что заложеніе десятинной церкви было въ 989 г.; по Іакову, это событіе имѣло мѣсто на 4 мъ году крещенія Владиміра, слѣдовательно, въ которомъ же году произошло самое крещеніе св. князя?..

Здѣсь г. Соболевскому въ его исчисленіяхъ могъ бы помочь Ипатьевской списокъ, къ указанію котораго и прибѣгаетъ г. Матченко [2]), но въ такомъ случаѣ и его по компетентности пришлось бы поставить наравнѣ съ Лаврентьевскимъ и, такимъ образомъ, предъ нами были бы два списка лѣтописи, оба наиболѣе авторитетные, и трудно было бы отдать которому нибудь изъ нихъ предпочтеніе. А между тѣмъ, въ распредѣленіи событій, слѣдовавшихъ за крещеніемъ св. Владиміра, эти списки путаются въ своей хронологіи, чего конечно не могутъ отрицать и защитники лѣтописи, такъ что имъ при попыткѣ согласить показанія „Похвалы" Іакова съ лѣтописными хронологическими данными приходится обращаться отъ одного списка къ другому, признавать правильнымъ то одинъ, то другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ оба не вполнѣ точными въ своей хронологіи и требующими исправленія. Впрочемъ, проф. Соболевскій твердо держится принятаго имъ мнѣнія, что Лаврентьевскій списокъ лѣтописи есть наиболѣе авторитетный, а потому не при-

---

[1]) См. Жур. М. Н. Пр. стр. 400. Между тѣмъ другой защитникъ лѣтописи, г. Матченко, очевидно признаетъ наиболѣе авторитетнымъ ипатьевскій сп. лѣтописи. См. Странн. 1888 г. III, 660 стр.

[2]) Странн. 1888. г. III, 671 стр.

бѣгаетъ къ указаніямъ списка Ипатьевскаго; но такъ какъ сличить, въ интересахъ лѣтописи, указаніе Іакова на время основанія десятинной церкви съ показаніемъ Лаврентьевскаго списка о томъ же событіи было затруднительно и даже невозможно, то попытка представить такое сличеніе даже и не была сдѣлана ученымъ профессоромъ: она никакъ не могла увѣнчаться должнымъ успѣхомъ. Въ данномъ мѣстѣ установить согласіе между мн. Іаковомъ и лѣтописью было очень не легко. Положимъ, что несогласіе это—первое. Однако оно не помѣшало проф. Соболевскому сказать, что только одно указаніе Іакова не подтверждаетъ 988 годъ, какъ годъ крещенія Владиміра,—это именно дата смерти Ярополка. Значитъ, годъ основанія десятинной церкви, указанный въ „Похвалѣ", подтверждаетъ? Какимъ же образомъ? Пусть Соболевскій разрѣшитъ это недоумѣніе на основаніи Лаврентьевскаго списка лѣтописи, какъ болѣе авторитетнаго. Можетъ быть, ученый профессоръ полагаетъ, что читатели ему повѣрятъ на-слово, не станутъ провѣрять его ученыя изысканія, но можно ли допустить, что въ нашъ скептическій вѣкъ всѣ такъ легковѣрны?

Но допустимъ, что только одно указаніе Іакова не подтверждаетъ лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра, то именно, что св. князь крестился въ „десятое лѣто" по убіеніи Ярополка. Какъ же смотритъ на этотъ противорѣчащій фактъ проф. Соболевскій? Онъ смѣло заявляетъ, что и „это указаніе не противорѣчитъ 988 г.". „Намъ неизвѣстно, разсуждаетъ ученый профессоръ, къ какому году источникъ Іакова относилъ смерть Ярополка; весьма возможно, если принять во вниманіе обстоятельства, описанныя въ лѣтописи, что занятіе Кіева Владиміромъ, случившееся по Іакову въ 978 г., произошло значительно раньше, чѣмъ убіеніе Ярополка, приблизительно за годъ, и источникъ Іакова относилъ смерть Ярополка къ 979 г." [1]). Такое объясненіе даже и повидимому нельзя назвать удовлетворительнымъ, и то, что проф. Соболевскій признаетъ весьма возможнымъ, на самомъ дѣлѣ, кажется, прямо невозможно. По Іакову, Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ 11 іюня 978 г. Точность указан-

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 400 стр.

ной здѣсь даты не поддается никакимъ перетолкованіямъ. Остается предположить, что Іаковъ не вполнѣ хорошо воспользовался своимъ источникомъ и что нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ последнимъ, намъ неизвѣстны. Мы уже знаемъ, что этотъ пресловутый источникъ Іакова, который предполагаетъ проф. Соболевскій, есть плодъ изобрѣтательности самаго ученаго; существованіе этого источника пока ничѣмъ не можетъ быть подтверждено; поэтому и судить, что въ немъ было, чего не было, какъ воспользовался его показаніями Іаковъ,—напрасный и безцѣльный трудъ, слѣдовательно, и ссылка на то, что въ источникѣ „Похвалы Володимеру“ смерть Ярополка относилась къ 979 г., есть рѣшительно произвольная догадка. Правда, г. Соболевскій указываетъ, что такъ можно думать, „если принять во вниманіе обстоятельства, описанныя въ лѣтописи“; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣренъ ли разсчетъ событій у проф. Соболевскаго? По лѣтописи, Владиміръ занялъ Кіевъ прежде убіенія своего брата и послѣ бѣгства его въ Родню [1]). Соболевскій предполагаетъ, что этотъ-то захватъ Владиміромъ Кіева еще до смерти Ярополка и разумѣетъ Іаковъ, когда говоритъ; „сѣде въ Кыевѣ князь Володимеръ мѣсяца июня въ 11 день, въ лѣто 6486“. Допустимъ, что это предположеніе справедливо. Сколько же времени прошло отъ указаннаго событія до убіенія Ярополка? Соболевскій отвѣчаетъ, что Владиміръ захватилъ Кіевъ *значительно раньше* смерти своего брата, *приблизительно за годъ* до этого, такъ что убіеніе Ярополка, по Іакову, нужно полагать въ 979 г. (а, значитъ, по лѣтописи подъ 981); но нѣсколько выше, тотъ же Соболевскій говоритъ (и опять на основаніи лѣтописи), что смерть Ярополка послѣдовала *вскоръ* послѣ занятія Владиміромъ Кіева. Уже такія выраженія о послѣдовательности однихъ и тѣхъ же фактовъ, какъ: *вскоръ*, *значительно раньше*, *приблизительно за годъ*, показываютъ, что и самъ ученый профессоръ значительно путается въ опредѣленіи дѣйствительнаго срока между упомянутыми событіями.

---

[1]) Лѣтоп. по Лаврент. сп. 76 стр.

Притомъ же, допуская значительный промежутокъ времени между захватомъ Кіева Владиміромъ и смертію Ярополка,—промежутокъ приблизительно въ годъ,—Соболевскій тѣмъ уже признаетъ, что лѣтопись подъ однимъ и тѣмъ же годомъ ставитъ иногда событія годовъ разныхъ, о чемъ мы выше говорили и чего онъ, кажется, не признаетъ; а выражаясь, что разсматриваемыя событія совершились одно за другимъ вскорѣ, самъ же ослабляетъ силу своего доказательства, будто Ярополкъ погибъ на другомъ году занятія Владиміромъ Кіева.

Въ дѣйствительности, ближайшее разсмотрѣніе лѣтописнаго разсказа о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, помѣщеннаго подъ 980 г., не подтверждаетъ предположенія Соболевскаго.—Владиміръ вошелъ въ Кіевъ послѣ того, какъ Ярополкъ бѣжалъ оттуда въ городъ Родню, на устьѣ Роси, гдѣ и былъ осажденъ немедленно своими врагами. Конечно, Ярополкъ бѣжалъ не одинъ, а, вѣроятно, съ военнымъ отрядомъ, хотя и небольшимъ [1]; но могъ ли онъ отсиживаться и защищаться въ Роднѣ долго, около года? Ужъ если онъ бѣжалъ изъ Кіева, хотя и по совѣту Блуда, то могла ли быть продолжительною оборона въ Роднѣ? Притомъ же, городъ этотъ конечно мало былъ приспособленъ къ оборонѣ, не имѣлъ запаса для продовольствія, и въ немъ, при отсутствіи подвоза съѣстныхъ припасовъ, дѣйствительно открылся „гладъ великъ". А Блудъ въ свою очередь не переставалъ склонять Ярополка на миръ съ братомъ и указывать на невозможность борьбы съ нимъ. Въ общей сложности всѣ эти обстоятельства и не могли надолго отсрочить гибель Ярополка, приготовленную ему измѣнникомъ Блудомъ. Самъ Блудъ потому и ускорялъ бѣгство князя изъ Кіева, что признавалъ это болѣе надежнымъ средствомъ къ скорѣйшей развязкѣ борьбы его съ Владиміромъ. И лѣтопись въ своемъ разсказѣ ничѣмъ не даетъ понять, что осада Родни, куда бѣжалъ

---

[1]) Съ Ярополкомъ бѣжалъ его главный совѣтникъ Блудъ, вѣрный Варяжко и, конечно, другіе. Блудъ говорялъ Ярополку въ Роднѣ: «видиши, колько вой у брата твоего? намъ ихъ не переборети». Слѣд. у Ярополка были «ратные люди», но въ незначительномъ количествѣ, такъ что онъ не могъ противостать брату въ открытомъ полѣ.

Ярополкъ, была продолжительна, тянулась около года. Простое и краткое повѣствованіе ея: „Володимеръ вниде въ Киевъ и осѣде Ярополка въ Роднѣ и бѣ гладъ великъ въ немъ“ указываетъ, что, убѣжавши изъ Кіева, мѣста болѣе безопаснаго и надежнаго для защиты, Ярополкъ попалъ въ ловко устроенную для него западню, въ которой не въ состояніи былъ держаться.

Наконецъ, Іаковъ, говоря о занятіи Владиміромъ кіевскаго престола, разумѣетъ, полагаемъ, событіе, бывшее уже послѣ убіенія Ярополка; по крайней мѣрѣ къ такой именно мысли приводятъ его слова: „Ярополка убиша въ Кыевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Кыевѣ князь Володимеръ...“ 11 іюня 978 г. Послѣдовательность фактовъ указана здѣсь, кажется, ясно. Прямой и простой смыслъ словъ Іакова заставляетъ думать, что къ 11 іюня 978 г. смерть Ярополка была уже совершившимся фактомъ, и нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній ни въ „Похвалѣ“, ни въ лѣтописи относить это событіе приблизительно на годъ позднѣе захвата Кіева Владиміромъ.

И, такъ, попытка проф. Соболевскаго устранить единственное, по его мнѣнію, указаніе Іакова, не подтверждающее 988 г., какъ годъ крещенія Владиміра, должна считаться недостигающею цѣли и несостоятельною, а слѣдов., указаніе это, если не подвергать его перетолкованіямъ, можетъ доказывать то положеніе, что Владиміръ принялъ крещеніе въ 987 г.

Остаются два указанія Іакова, которыми, по мнѣнію проф. Соболевскаго, подтверждается лѣтописный годъ крещенія Владиміра: заложеніе Переяславля на „пятое лѣто“ по крещеніи св. князя и дарованіе десятины „церкви святѣй Богородици“, „въ девятое лѣто“ послѣ того же событія. Но ведутъ ли и эти указанія непремѣнно къ признанію 988 г. годомъ Владимірова крещенія? Можно ли признать правильнымъ самый способъ опредѣлять эту дату по извѣстіямъ „Похвалы“, но при руководствѣ лѣтописью?

Но предварительно обратимъ нѣкоторое вниманіе на то, какъ сопоставляютъ указанія Іакова на нѣкоторые факты изъ жизни св. князя съ лѣтописными данными другіе (т. е. кромѣ проф. Со-

болевскаго) изслѣдователи вопроса о времени крещенія св. Владиміра.

Г. Матченко, наприм., признающій, какъ мы знаемъ, вопреки проф. Соболевскому, что 28 лѣтъ жизни Владиміра въ христіанствѣ, отмѣченныя Іаковомъ, не подтверждаютъ лѣтописный годъ крещенія князя, указываетъ на то, что эта дата находится въ противорѣчіи съ другими показаніями Іакова, а именно: по Іакову, Владиміръ вступилъ на престолъ кіевскій въ 978 г., а крестился „въ десятое лѣто по убіеніи брата своего Ярополка“; сложивъ эти даты получимъ 988 г. (978+10)—годъ крещенія Владиміра. Представленный примѣръ г. Матченко признаетъ, кажется, самымъ важнымъ и доказательнымъ. Но не удивительно ли? То самое указаніе „Похвалы“, которое проф. Соболевскій призналъ явно несогласнымъ съ лѣтописнымъ годомъ Владимірова крещенія, которое онъ старался устранить и перетолковать, по мнѣнію другого защитника лѣтописи, прямо говоритъ въ пользу даты послѣдней. О чемъ же, такимъ образомъ, и хлопоталъ проф. Соболевскій?

Что касается другихъ показаній Іакова—заложенія десятинной церкви (на четвертое лѣто по крещеніи Владиміра) и Переяславля (на пятое лѣто), то сопоставивъ ихъ съ показаніями лѣтописи (первое событіе по Ипат. сп. подъ 991 г. второе—по Лавр. сп. подъ 992 г.), г. Матченко оговаривается, что „въ отношеніи этихъ двухъ датъ могутъ еще быть недоразумѣнія, потому что въ лѣтописныхъ спискахъ съ 989 по 993 г. включительно есть разногласіе въ распредѣленіи событій по годамъ“. А значитъ одно изъ сдѣланныхъ Соболевскимъ сопоставленій показанія Іакова съ лѣтописною датою (годъ заложенія Переяславля) можетъ вызывать еще недоумѣнія...

Наконецъ, говоритъ г. Матченко, дарованіе десятины Владиміромъ, по Іакову, въ девятое лѣто по крещеніи св. князя совершенно согласно со всѣми лѣтописями, по которымъ оно стоитъ подъ 996 г.“ [1]). Въ этомъ и только въ этомъ случаѣ два за-

---

[1]) Странник. 1888 г. III, 671 стр.

щитника лѣтописи вполнѣ согласны между собою, такъ что сравнивъ между собою доказательства Соболевскаго и Матченко мы могли бы придти къ выводу, что только одно указаніе Іакова вполнѣ, не вызывая недоумѣній, подтверждаетъ лѣтописный годъ крещенія Владиміра—988-й. Не будемъ задаваться здѣсь вопросомъ: сильно ли такое доказательство?..

Между тѣмъ какъ защитники лѣтописи съ усердіемъ, доходящимъ даже до взаимнаго противорѣчія, стараются истолковать показанія Іакова, какъ подтверждающія лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра, проф. Голубинскій, не признающій, какъ извѣстно, правильности лѣтописной даты и согласно Іакову полагающій крещеніе равноапостольнаго князя въ 987 г., думаетъ совершенно не такъ. „По Іакову, говоритъ онъ, Владиміръ послѣ крещенія на пятое лѣто Переяславль заложи, а въ девятое десятину вда церкви Богородицы; свесл эти показанія съ годами лѣтописи, получимъ годъ крещенія 987“.

Очень ясно, что Голубинскій имѣетъ въ виду тѣ самыя данныя, которыя для Соболевскаго послужили главнымъ основаніемъ утверждать, что и Іаковъ относитъ крещеніе Владиміра къ 988 г., если сопоставить его показанія съ лѣтописными; и такимъ образомъ одни и тѣже основанія, одни и тѣ же данныя „Похвалы“ и лѣтописи при ихъ взаимномъ сопоставленіи приводятъ двухъ ученыхъ профессоровъ къ разному выводу, къ неодинаковому опредѣленію года крещенія Владиміра, что и составляетъ предметъ разногласія. Но особенно замѣчательно слѣдующее. Мы уже знаемъ, что только одно указаніе Іакова (разсмотрѣнное выше) проф. Соболевскій признаетъ не подтверждающимъ 988 годъ, какъ годъ крещенія св. Владиміра; но—къ удивленію, это же самое указаніе оказалось помѣхой и для проф. Голубинскаго. „У Іакова читается, говоритъ онъ, что Владиміръ крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка; но тутъ должно видѣть ошибку вмѣсто девятое, какъ это и читается въ Никоновской (I, 25) и Псковской (С. Лѣт. IV. 175) лѣтописяхъ“ [1]). Такимъ образомъ въ

---

[1]) Голуб. I т. 1-я пол. 1-е прим. къ 113 стр.

указанномъ примѣрѣ и Соболевскій и Голубинскій считаютъ нужнымъ сдѣлать поправку — первый, какъ мы знаемъ, признавая правильнымъ чтеніе: „на десятое лѣто", исправляетъ годъ смерти Ярополка — 978 на 979; второй, какъ видѣли, поправляетъ текстъ „Похвалы". и для чего же? А для того именно, чтобы придти къ неодинаковому результату... И непонятно, почему проф. Соболевскій не воспользовался въ своихъ видахъ предложенною проф. Голубинскимъ поправкою указанія Іакова, тѣмъ болѣе, что она рѣшительно проста, естественна, удобопріемлема, по крайней мѣрѣ основательнѣе тѣхъ натянутыхъ объясненій, которыя придуманы ученымъ докторомъ славянской филологіи.

Г. Завитневичъ, противъ котораго выступилъ съ критическими замѣчаніями проф. Соболевскій, подобно своему критику, признаетъ, что при сопоставленіи „хронологическихъ показаній Іакова съ показаніями лѣтописной повѣсти" не можетъ получиться 987 г., какъ годъ крещенія Владиміра; но вслѣдъ за другими учеными онъ признаетъ, что Іаковъ держится иной хронологіи, чѣмъ лѣтопись, что провѣрять показанія перваго вторымъ источникомъ крайне ошибочно и сравнительная авторитетность ихъ можетъ опредѣляться сравнительною древностію [1]).

Не легко и даже положительно трудно разобраться въ разногласныхъ попыткахъ соглашенія показаній Іакова съ лѣтописью; разногласіе здѣсь доходитъ до противорѣчія, однимъ изслѣдователемъ отрицается то, что признается другимъ; одни и тѣ же данныя ведутъ къ различнымъ заключеніямъ и въ концѣ концовъ изъ сличенія мнѣній вмѣсто обстоятельнаго отвѣта получается не малая путаница...

Но какіе бы ни были результаты сличенія показаній Іакова съ показаніями лѣтописи, ясно только то, что второму источнику отдается видимое предпочтеніе, его данными провѣряютъ сообщенія перваго источника, т. е. „Похвалы"; подъ мѣрку лѣтописной хронологіи хотятъ подогнать указанія Іакова; а между тѣмъ подобная попытка провѣрки никакъ не можетъ быть признана оспо-

---

[1]) Труд. К. Д. Ак. 1888 г. II, 662—666 стр.

вательной, и г. Завитневичъ называетъ ее „грубой ошибкой“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это значитъ писателя древнѣйшаго, по всѣмъ признакамъ заслуживающаго нашего довѣрія, повѣрять писателемъ болѣе позднимъ и источникомъ не вполнѣ твердымъ. Извѣстно, что лѣтопись въ распредѣленіи событій, слѣдовавшихъ за крещеніемъ св. Владиміра, по разнымъ спискамъ, представляетъ немалую запутанность въ хронологіи и это въ обозначеніи тѣхъ фактовъ, которые и хотятъ, при ея помощи, установить въ „Похвалѣ Володимеру“!.. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ Іакову и при помощи его показаній попытаться разобраться въ хронологической запутанности нѣкоторыхъ фактовъ по лѣтописи, защитники послѣдней поступаютъ прямо наоборотъ: утверждаютъ, что Іаковъ согласенъ со сбивчивыми показаніями лѣтописи, какъ будто и въ „Похвалѣ“ также замѣчается спутанность фактовъ... Можно ли назвать подобные пріемы строго научными.

Цѣль защитниковъ лѣтописи при сопоставленіи показаній Іакова съ показаніями лѣтописными та, чтобы доказать ихъ (показаній) полное тождество, а слѣдовательно и оправдать лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра. А между тѣмъ нѣкоторыми учеными признано, что у Іакова „хронологія не та, что въ лѣтописи“, о чемъ Погодинъ и заявилъ категорически: „Владиміръ крестился въ 987 г., ходилъ къ порогамъ въ 988, взялъ Корсунь въ 989, заложилъ церковь въ 990, основалъ Переяславль въ 991, установилъ десятину въ 995“ [2]). Если же хронологія у автора „Похвалы“ иная, чѣмъ у лѣтописца, то какое же можетъ быть сопоставленіе между данными этихъ двухъ писателей? Въ этомъ случаѣ нужно не сличать, а доказать, чья хронологія болѣе правильна и можетъ быть принята. Вопросъ, по нашему мнѣнію, сводится къ авторитетности писателей; и въ виду указанной не разъ хронологической путаницы въ лѣтописи, долженъ быть рѣшенъ утвердительно въ пользу мниха Іакова.

Дѣйствительно, есть основаніе думать, что хронологія „По-

---

[1]) Ibid. 666 стр.

[2]) Изв. Акад. Наук. т. 21, 330 стр. Труд. Кіев. Дух. Ак. 1888 г. II, 662 стр.

хвалы“ отличается отъ лѣтописной. Для убѣжденія въ этомъ не будемъ брать во вниманіе годъ крещенія Владиміра, какъ спорный, не будемъ ставить его исходнымъ пунктомъ для опредѣленія времени другихъ событій; возьмемъ иные факты и прослѣдимъ промежутки между ними по Іакову и по лѣтописи. По Іакову, Владиміръ „на четвертое лѣто (по крещеніи) церковь камену святыя Богородици заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи“; очень ясно, что основаніе Переяславля было на другой годъ заложенія десятинной церкви. По лѣтописи же, десятинная церковь заложена или въ 989 г. (сп. Радзивилов. и Академич.; въ Лаврент. ошибочно въ 982 г.) или въ 991 (Ипатьев. сп. и друг.); а Переяславль заложенъ или въ 992 г. (Лаврент. сп.) или въ 993 (друг. сп.), слѣдоват. или на пятомъ, или на четвертомъ, или на третьемъ году послѣ закладки церкви св. Богородицы.—По Іакову, десятина дана „въ девятое лѣто“ по крещеніи Владиміра, слѣдов. на шестое по основаніи самой десятинной церкви; по лѣтописи, десятина установлена въ 996 г. (по всѣмъ спискамъ), слѣдов. или на восьмомъ году по заложеніи церкви Богородицы (отъ 989 г.) или на шестомъ (отъ 991 г.).

Очень ясно, что между событіями, слѣдовавшими по крещеніи св. Владиміра, у Іакова не всегда указываются тѣ самые промежутки времени, которые обозначены въ лѣтописи, что, кажется, вполнѣ опредѣленно видно на первомъ изъ представленныхъ нами примѣровъ; а слѣдоват. и самыя событія и ихъ хронологію Іаковъ располагалъ нѣсколько иначе, чѣмъ лѣтопись, и провѣрка его показаній вторымъ источникомъ не имѣетъ за себя основаній.

Правда, защитники лѣтописи отыскиваютъ въ ней и указываютъ даты, соотвѣтствующія хронологическимъ даннымъ Іакова, подбираютъ ихъ для доказательства правильности лѣтописнаго года крещенія св. Владиміра; но для этого имъ приходится обращаться то къ одному списку, то къ другому, брать изъ одного списка одну дату, изъ другого—другую, слѣдов., признавать, что въ каждомъ спискѣ есть кое что справедливое, но есть и указанія неточныя, но какія же данныя—правильныя и неправильныя, какъ узнать ихъ, остается неизвѣстнымъ, и при всемъ томъ защитники лѣто-

писи не могутъ указать такого списка ея, въ которомъ, наприм. заложеніе Переяславля стоитъ на „другое лѣто“ по заложеніи десятинной церкви, что видно изъ словъ Іакова. Въ существѣ же дѣла эти защитники лѣтописи не намѣренно и даже вопреки своей цѣли провѣряютъ не Іакова лѣтописью, а наоборотъ хронологическую запутанность послѣдней хотятъ по возможности устранить на основаніи показаній „Похвалы“, и мы замѣчали выше, что поступать такимъ образомъ гораздо справедливѣе. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же недовѣріе къ показаніямъ Іакова, желаніе устранить ихъ, истолковать не въ томъ простомъ смыслѣ, который непосредственно вытекаетъ изъ нихъ, а какъ нибудь иначе—для оправданія заранѣе намѣченной цѣли?.. Проф. Соболевскій допускаетъ, какъ мы знаемъ, возможность критической провѣрки лѣтописныхъ свѣдѣній и къ чему же всего естественнѣе приложить критическую оцѣнку, какъ не къ повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси и запутанной хронологіи событій съ 989 по 993 г.? Но гдѣ тѣ твердыя данныя, при помощи которыхъ возможна такая провѣрка и оцѣнка лѣтописнаго разсказа? У Іакова защитники лѣтописи не видятъ и не признаютъ ихъ; другихъ источниковъ, заключающихъ нужныя хронологическія данныя и заслуживающихъ довѣрія по своей древности, пока не имѣется...

Къ удивленію, г. Матченко старается доказать, что и Іаковъ въ хронологіи путается и даже противорѣчитъ самому себѣ [1]) и въ доказательство своей мысли представляетъ, между прочимъ, примѣръ, приведенный нами выше, а именно: по Іакову, Владиміръ прожилъ по крещеніи 28 лѣтъ, слѣдов. крестился въ 987 г.; но по тому же писателю, св. князь вступилъ па престолъ кіевскій въ 978 и крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка; сложивъ эти даты получимъ 988 г. (978+10). Противорѣчіе отыскано?.. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ у Іакова нѣтъ его; оно искусственно создано г. Матченко, который самъ впадаетъ въ противорѣчіе себѣ. Признавая въ одномъ мѣстѣ, что 988 (годъ крещенія Владиміра по лѣтописи) + 28 (число лѣтъ жизни св. князя

[1]) Кіевлянинъ, 1888 г. № 27. Странн. 1888 г. III, 671 стр.

по крещеніи, по Іакову) = 1016 г. [1]), въ другомъ г. Матченко полагаетъ, что такъ какъ отъ крещенія до смерти Владиміра протекло 28 л., то годомъ крещенія послѣдняго будетъ 988-й, т. е. 988 + 28 = 1015 или 1015 — 28 = 988 [2]). Оказывается, что не только „древніе люди", но и современные намъ ученые мало знакомы даже съ сложеніемъ и вычитаніемъ простыхъ чиселъ...

Правильно ли понимаетъ г. Матченко выраженіе Іакова „на десятое лѣто" и какъ по поводу его онъ впадаетъ въ противорѣчіе себѣ,— объ этомъ скажемъ сейчасъ ниже.

Конечный результатъ сличенія показаній Іакова съ показаніями лѣтописи для защитниковъ послѣдней крайне скуденъ. Изъ ихъ же собственныхъ сужденій оказывается, что только одна дата „Похвалы" при сопоставленіи съ лѣтописью ведетъ къ признанію 988 г. годомъ крещенія Владиміра (дарованіе десятины „въ девятое лѣто" по крещенія); но этому показанію, по сознанію самихъ защитниковъ лѣтописи, противорѣчитъ другое (устраняемое, но не устраненное, какъ мы видѣли выше, проф. Соболевскимъ); уничтожая ихъ взаимно, какъ положеніе и отрицаніе, какъ + и —, мы получаемъ въ результатѣ 0.

Къ такому выводу въ концѣ концовъ ведетъ попытка показаніями Іакова подтвердить лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра. Не показываетъ ли это, что избранный защитниками лѣтописи путь доказательствъ далеко не есть путь вѣрный и надежный?!.. Намъ остается сказать о томъ, отъ чего происходятъ разногласія между изслѣдователями при сопоставленіи показаній Іакова съ показаніями лѣтописи.

Это различіе происходитъ отчасти отъ неодинаковаго опредѣленія времени Владимірова крещенія, въ зависимости отъ котораго у Іакова стоятъ и другія хронологическія указанія; отчасти отъ разнообразнаго вычисленія годовъ, слѣдовавшихъ за принятіемъ христіанства равноапостольнымъ княземъ.

---

[1]) Странн. Ibid.

[2]) Странн. 1889 г. I, 87—88 стр.

Такъ, проф. Соболевскій и г. Завитневичъ придерживаются одного и того же способа для опредѣленія лѣтъ тѣхъ событій, которыя слѣдовали за крещеніемъ св. Владиміра. Наприм., для отысканія того, которое „лѣто" четвертое, пятое, девятое по крещеніи св. князя, они прибавляютъ къ году послѣдняго событія три, четыре, восемь, и найденное такимъ образомъ число признаютъ искомымъ годомъ того или другого событія, указаннаго Іаковомъ. Разногласіе между этими учеными зависитъ отъ различія основной даты—года крещенія св. Владиміра.

Проф. Голубинскій (съ нимъ согласно думаетъ г. Глазуновъ, писавшій, если не ошибаемся, подъ руководствомъ проф. Малышевскаго) [1]), опредѣляя тѣ же самые, сейчасъ указанные, годы, поступаетъ нѣсколько иначе.

Чтобы отыскать „пятое лѣто", указанное въ „Похвалѣ", онъ прикладываетъ къ году крещенія Владиміра (т. е. 987 г.) не четыре, а пять и полученное число признаетъ искомой датой и такъ далѣе. На этомъ-то конечно основаніи Голубинскій и говоритъ, что снеся показанія Іакова о времени заложенія Переяславля и дарованія десятины церкви Богородицы съ годами лѣтописи, получимъ годъ крещенія Владиміра 987. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же способъ вычисленія лѣтъ побудилъ ученаго профессора признать ошибку въ указаніи Іакова, что Владиміръ крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка, хотя существованіе ея въ „Похвалѣ" ничѣмъ не можетъ быть доказано съ несомнѣнностію. А если никоновская и псковская лѣтописи и дѣлаютъ въ указанномъ мѣстѣ поправку, читая вмѣсто десятое лѣто—девятое, то это свидѣтельствуетъ только о желаніи подогнать показанія Іакова подъ мѣрку лѣтописной хронологіи...

Мы уже знаемъ, что въ этихъ же видахъ, въ интересахъ лѣтописи, проф. Соболевскій, не отрицая правильности текста „Похвалы", пытается доказать, что смерть Ярополка относится къ 979 г. О чемъ свидѣтельствуетъ этотъ фактъ явно-противорѣчиваго отношенія къ хронологическимъ указаніямъ Іакова? Не

[1]) См. Труд. Кіев. Дух. Ак. 1888 г. II, 205 стр.

показываетъ ли онъ, что дѣлаемыя учеными изслѣдователями опредѣленія событій изъ жизни св. Владиміра по Іакову не настолько авторитетны, чтобы на нихъ смѣло можно было положиться, что они покоятся на шаткихъ основаніяхъ?!..

Г. Матченко, сопоставляя показанія Іакова съ годами лѣтописи (относительно событій послѣ крещенія Владиміра), четвертое, пятое, девятое лѣто „Похвалы“ опредѣляетъ согласно съ Соболевскимъ. Такъ, относительно послѣдней даты онъ говоритъ: „что касается того показанія Іакова, что „Владиміръ въ девятое лѣто (по крещеніи) десятину вда церкви св. Богородица“, то оно совершенно согласно со всѣми лѣтописями, по которымъ назначеніе десятины стоитъ подъ 996 г., именно девятымъ годомъ по крещеніи“. Очень ясно, какъ опредѣляетъ годы г. Матченко, признающій 988 г. годомъ Владимірова крещенія. Но предъ нимъ было свидѣтельство Іакова, что св. князь крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка, а Ярополкъ убитъ, по Іакову, въ 978 г., что признаетъ и г. Матченко; слѣдовательно Владиміръ крестился въ 987 г. Но ученый авторъ статей въ „Странникѣ“ не смущается такимъ неблагопріятнымъ для него обстоятельствомъ. Не пускаясь, подобно проф. Соболевскому, въ натянутыя объясненія, онъ рѣшаетъ дѣло слишкомъ просто: „сложивъ эти даты, т. е. 978 + 10, говоритъ г. Матченко, получимъ 988 г.—годъ крещенія Владиміра“ [1]). Слѣдовательно для опредѣленія, напримѣръ, девятаго года по крещеніи св. князя, нужно къ году этого событія приложить восемь и получится девятый годъ отъ указаннаго событія, а для вычисленія десятаго года по убіенія Ярополка къ году этого факта нужно прибавить не девять, но десять. Почему нужно поступать именно такъ, а не иначе, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что при вычисленіяхъ такого рода г. Матченко противорѣчитъ самъ себѣ и причина этого противорѣчія заключается въ желаніи во что бы то ни стало доказать правильность лѣтописнаго года крещенія св. Владиміра. Однако это обстоятельство—несогласіе съ самимъ собою, противо-

---

[1]) Странн. 1888 г. III, 671 стр.

рѣчіе себѣ—не помѣшало г. Матченко усвоить свои собственные недостатки мниху Іакову, нашему древнѣйшему историческому писателю, и приписать послѣднему хронологическую путаницу, въ которой повиненъ не составитель „Похвалы“, а ученый авторъ статей въ „Странникѣ“.

Если послѣ представленныхъ нами мнѣній ученыхъ и сдѣланныхъ по этому поводу замѣчаній, мы попытаемся на основаніи показаній Іакова дать насколько возможно удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о годѣ крещенія св. Владиміра, то получимъ слѣдующее.

11 іюня 978 г., уже по смерти кіевскаго князя Ярополка, Владиміръ занялъ кіевскій престолъ.

На десятомъ году послѣ этого событія и, слѣдовательно, въ 987 г. отъ Р. Хр. будущій креститель земли русской принялъ христіанство. По крещеніи же до своей блаженной кончины св. князь прожилъ 28 лѣтъ, преставившись 15 іюля 1015 г. И эта дата ведетъ къ признанію 987 г. годомъ крещенія св. Владиміра. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Іаковъ зналъ, что св. князь принялъ крещеніе въ Корсуни по взятіи этого города (и то послѣ продолжительной осады) въ 988 г., не ранѣе, какъ кажется, половины этого года, то могъ ли онъ сказать, что до 15 іюля 1015 г. Владиміръ прожилъ 28 лѣтъ, когда въ дѣйствительности протекло даже менѣе 27 лѣтъ? Проф. Соболевскій говоритъ, что Іаковъ считаетъ за полные годы конецъ 988 и начало 1015 г., но какими примѣрами можно подтвердить, что такой приблизительный счетъ обозначается столь точными цифрами, какъ у Іакова—28 лѣтъ? Вѣдь самъ авторъ „Похвалы“ говоритъ объ Ольгѣ, что она „по святомъ крещеніи живе лѣтъ 15“ и скончалась 11 іюля 6477 г. [1]), т. е. умерла на 15 году своей жизни въ христіанствѣ. О Владимірѣ онъ говоритъ не такъ, а въ формѣ утвердительной и тѣмъ даетъ понять, что различаетъ счетъ приблизительный и счетъ точный...

Событія, слѣдовавшія за крещеніемъ Владиміра, у Іакова стоятъ

---

[1]) Христ. Чт. 1849 г. II, 323 стр. Мак. I.

въ зависимости отъ этого факта: одно изъ нихъ совершилось на второе лѣто по крещеніи, другое—на третье и такъ далѣе. Но ученые не пришли къ полному соглашенію, какъ нужно, опредѣлять эти года. Обыкновенный пріемъ для этого—сопоставленіе показаній Іакова съ показаніями лѣтописи, какъ мы говорили, не можетъ быть вполнѣ одобренъ, особенно если годами послѣдней повѣряютъ показанія перваго,—да онъ и не ведетъ ни къ какому согласному и опредѣленному рѣшенію. По нашему мнѣнію, нужно попытаться сначала опредѣлить исходный хронологическій пунктъ, т. е. годъ крещенія Владиміра, и уже потомъ, на основаніи его, опредѣлять время другихъ событій, какъ указываетъ и Іаковъ, а не поступать наоборотъ, и мы уже знаемъ, что для опредѣленія такого исходнаго пункта мы имѣемъ достаточно опредѣленныя указанія въ „Похвалѣ". Если же иногда и Іаковъ и лѣтопись указываютъ одинаковые промежутки между крещеніемъ Владиміра и какимъ либо событіемъ, бывшимъ послѣ него, то это еще ни мало не свидѣтельствуетъ о томъ, что оба эти источника относятъ и самое крещеніе св. князя къ одному году.

Іаковъ и лѣтопись могутъ полагать принятіе Владиміромъ христіанства подъ разными годами, но исчислять отсюда до другого событія протекшіе года могутъ одинако; какое же отсюда будетъ вытекать заключеніе? Можно полагать, и на примѣрѣ „Похвалы Володимеру" видно, что событія изъ жизни св. князя въ христіанствѣ пріурочивались не столько къ годамъ отъ сотворенія міра, сколько къ годамъ отъ Владимірова крещенія, слѣдовательно, при переложеніи вторыхъ на первые, правильность счета зависѣла отъ точности опредѣленія года крещенія св. князя. Лѣтопись этимъ годомъ признаетъ 988 и, значитъ, отъ него опредѣляетъ годы другихъ событій; Іаковъ указываетъ исходный пунктъ иной и, слѣдовательно, иначе, подъ иными годами, чѣмъ лѣтопись, могъ ставить событія, слѣдовавшія за крещеніемъ Владиміра. При такомъ условіи, можетъ ли вести къ чему нибудь серьезному попытка сопоставить и провѣрить показанія Іакова годами, лѣтописи и справедливо ли доказывать, что и авторъ „Похвалы" признаетъ годомъ крещенія Владиміра 988 г.?

Вообще же нѣтъ (и защитниками лѣтописи не представлено) достаточныхъ оснований отрицать то мнѣніе, принятое многими учеными и основанное на опредѣленныхъ указаніяхъ „Похвалы", что, по Іакову, Владиміръ принялъ крещеніе въ 987 г.

Нельзя сказать, чтобы эта дата не находила себѣ подтвержденія въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ исторической литературы. „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ неизвѣстнаго автора передаетъ, что „уже минувшемъ лѣтомъ 28 по крещеніи (Владиміръ) впаде въ недугъ крѣпокъ", отъ котораго и скончался. Это указаніе, по мнѣнію г. Завитневича, съ категорическою точностію разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ нужно понимать цифру 28 у Іакова [1]), и конечно разрѣшаетъ въ пользу опредѣленной выше даты крещенія Владиміра. Но Соболевскій находитъ, что это свидѣтельство оправдываетъ его мнѣніе и его вычисленіе и подтверждаетъ лѣтопись. „Что касается до другихъ источниковъ (т. е. кромѣ „Похвалы Володимеру" мниха Іакова), то изъ нихъ одинъ „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ, какъ основанный на лѣтописномъ разсказѣ, указываетъ только на то, что мы правильно понимаемъ 28 лѣтъ „Похвалы" Іакова; авторъ „Сказанія" имѣлъ предъ собою цифры годовъ 988 и 1015 и пространство между ними опредѣлилъ въ 28 лѣтъ" [2]). Въ существѣ дѣла это доказательство проф. Соболевскаго основано, кажется, исключительно на томъ, что авторъ „Сказанія" заимствовалъ свой разсказъ изъ лѣтописи, что онъ видѣлъ въ послѣдней годъ крещенія Владиміра и годъ смерти и потому сказалъ, что св. князь пожилъ въ христіанствѣ 28 лѣтъ. Но мы уже говорили, что по вопросу о времени происхожденія „Сказанія" нельзя согласиться съ проф. Соболевскимъ, а слѣдуетъ думать, что не авторъ „Сказанія" заимствовалъ свой разсказъ у лѣтописца, а прямо наоборотъ, что первый—писатель оригинальный, самостоятельный, древнѣе составителя лѣтописи и, какъ кажется, при написаніи своего произведенія не имѣвшій письменныхъ памятниковъ. Слѣдовательно, вполнѣ возможно, что

---

[1]) Тр. Кіев. Д. Ак. 1888 г. 664 стр.
[2]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 400 стр.

этотъ авторъ, опредѣляя число лѣтъ жизни Владиміра по крещеніи, имѣлъ не тѣ конечныя даты, какія значатся въ лѣтописи, а, наприм., тѣ, которыя для Іакова послужили основаніемъ сказать, что св. князь „поживе по крещеніи 28 лѣтъ". Въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Сказанія" указываетъ опредѣленно, что Владиміръ впалъ въ „недугъ крѣпокъ", оказавшійся предсмертнымъ, уже послѣ того какъ минуло 28 лѣтъ по крещеніи. По лѣтописи, Владиміръ „разболѣся" еще въ 1014 г., безъ сомнѣнія въ самомъ концѣ его, въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ мартовскаго года (т. е. въ самомъ началѣ январскаго 1015 года), такъ что съ началомъ 1015 мартовскаго года былъ настолько боленъ, что ничего не могъ предпринять противъ сына своего Ярослава, который, княжа въ Новгородѣ, пересталъ давать отцу своему положенную дань [1]). И вотъ къ этому-то времени, т. е. къ самому концу 1014 г. или къ началу 1015 (мартовскаго) года отъ крещенія св. Владиміра или уже протекло 28 лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, кончался 28-й годъ, и какой бы счетъ мы ни прилагали въ данномъ случаѣ, полагаемъ, неизбѣжно должны будемъ признать годомъ Владимірова крещенія 987-й. Въ самомъ дѣлѣ, если 1015 г. только что начинался, когда Владиміръ впалъ въ тяжкую болѣзнь, то могъ ли авторъ „Сказанія" назвать его уже минувшимъ по крещеніи, что и необходимо допустить съ точки зрѣнія Соболевскаго? Конечно нѣтъ; въ противномъ случаѣ придется признать, что составитель „Сказанія" считаетъ за цѣлый годъ слишкомъ малое количество времени, едва ли превышающее мѣсяцъ, много-много —два. А если такъ, то очевидно этотъ авторъ считалъ протекшіе до болѣзни Владиміра 28 лѣтъ не отъ того года, отъ котораго вычисляетъ ученый профессоръ.

Г. Завитневичъ, на основаніи „Сказанія", дѣлаетъ попытку опредѣлить даже число мѣсяца крещенія Владиміра, но подобная попытка слишкомъ субъективна и самимъ авторомъ не признается безусловно авторитетною,—касаться ея мы не будемъ. Вообще же такія точныя даты, какъ день и мѣсяцъ принятія Владиміромъ

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп. 127 стр.

христіанства, при наличныхъ историческихъ памятникахъ, не поддаются даже и приблизительному опредѣленію; „но за то точность года не можетъ подлежать сомнѣнію“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Завитневичъ [1]), и этимъ годомъ долженъ быть признанъ 987.

Что соблазняющая изслѣдователей цифра лѣтъ жизни Владиміра въ христіанствѣ, указанная въ „Похвалѣ“ и въ „Сказаніи“, правильно должна быть понимаема несогласно со взглядомъ Соболевскаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ третій древнѣйшій памятникъ—„Чтеніе о погубленіи Бориса и Глѣба“ преп. Нестора.

Между тѣмъ какъ Іаковъ и писатель „Сказанія“ опредѣляютъ общее число лѣтъ жизни Владиміра по крещеніи, вызывая тѣмъ разногласіе въ опредѣленіи самаго года крещенія, преп. Несторъ поступаетъ иначе: онъ отмѣчаетъ годъ указаннаго событія 6495 отъ сотворенія міра (987 отъ Р. X.), т. е. тотъ самый, который намъ кажется правильнымъ на основаніи указаній Іакова и писателя „Сказанія“. На основаніи „Чтенія“ преп. Нестора, вопросъ о томъ, какъ правильно понимать 28 лѣтъ жизни Владиміра по крещеніи, обозначенные Іаковомъ, какой годъ нужно признать годомъ Владимірова крещенія, могъ бы быть рѣшенъ утвердительно и окончательно. Къ сожалѣнію, въ древнѣйшемъ спискѣ „Чтенія“ въ указанной датѣ оказалась ошибка—вмѣсто 6495 года стоитъ 6490-й, — ошибка конечно не намѣренная, объясняемая вполнѣ просто и естественно, въ которой ученые не усумнились признать описку переписчика [2]); но она, безъ сомнѣнія, подала поводъ къ тому, что показаніе Нестора игнорируется и замалчивается нѣкоторыми защитниками лѣтописи. Проф. Соболевскій, впрочемъ, не принадлежитъ къ числу такихъ лицъ; онъ признаетъ, что, по Нестору, Владиміръ крестился въ 987 г. Но такъ какъ дату эту нельзя истолковать въ пользу лѣтописной хронологіи,— ее нужно принять или отвергнуть на какихъ нибудь основаніяхъ, то онъ и дѣлаетъ послѣднее. „Чтеніе Нестора, говоритъ ученый профессоръ, мимоходомъ упоминаетъ, что крещеніе Владиміра имѣло

---

[1]) Труд. Кіев. Дух. Акад. 1888 г. II, 665 стр.

[2]) См. Голуб. I, I, 19 стр. и 2 прим. къ ней. Ср. Тр. К. Д. Ак. 1888 г. II, 667 стр.

мѣсто въ 987 г., и мы не думаемъ, чтобы его случайная замѣтка могла заслужить предпочтеніе передъ датой Іакова, тѣмъ болѣе, что послѣдняя есть также дата лѣтописи“ [1]).

Но дѣло вовсе не въ томъ, мимоходомъ или нѣтъ указываетъ Несторъ годъ крещенія Владиміра; составляя свое „Чтеніе“ не о св. князѣ, а о его сыновьяхъ, онъ не имѣлъ ни нужды, ни возможности подробно говорить о первомъ, о его крещеніи; но можно ли заключать отсюда, что авторъ „Чтенія“ сообщаетъ дату маловѣроятную и прямо невѣрную, что онъ хотѣлъ сказать неправду? Ужели замѣчанія, сдѣланныя мимоходомъ, должны считаться сомнительными, не заслуживающими довѣрія? Очень ясно, что Соболевскій не представилъ никакихъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы считать показаніе Нестора несправедливымъ; въ своемъ объясненіи онъ лишь дѣлаетъ увертку, старается только отстранить неблагопріятное для лѣтописи показаніе „Чтенія“. Этого еще немного. Впрочемъ, Нестору проф. Соболевскій противопоставляетъ авторитетъ Іакова, подкрѣпляемый авторитомъ лѣтописи; но, по мнѣнію ученаго профессора, авторъ „Похвалы“ — писатель далеко не древній и вовсе не авторитетный, почему же онъ можетъ составить противовѣсъ Нестору? Очень возможно, что Соболевскій смотритъ здѣсь на Іакова съ точки зрѣнія своихъ противниковъ, но въ такомъ случаѣ ему нужно безусловно устранить ихъ мнѣніе, утверждающее, что и Іаковъ и Несторъ вполнѣ согласны между собою въ опредѣленіи года Владимірова крещенія. Представленныя защитниками лѣтописи попытки доказать тождество хронологіи Іакова съ лѣтописною не могутъ считаться удовлетворительными. При чемъ же тутъ ссылка на авторитетъ писателя „Похвалы“?!.

Въ концѣ концовъ проф. Соболевскій сознаетъ, что авторитетъ Нестора не подлежитъ сомнѣнію, что указанный „Чтеніемъ“ годъ крещенія Владиміра не можетъ быть устраненъ; онъ ссылается уже на то, что „г. Завитневичъ въ своихъ вычисленіяхъ основывается главнымъ образомъ на „Похвалѣ“; а такъ какъ показанія послѣдней ученый профессоръ истолковываетъ въ пользу

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 400 стр.

лѣтописнаго года крещенія св. Владиміра, то онъ и признаетъ 987 годъ, какъ годъ принятія св. княземъ христіанства, „результатомъ простой ошибки“ [1]). Но ужъ если этотъ выводъ изъ показаній Іакова и автора „Сказанія“ признать ошибкой, то противоположное заключеніе, будто, по указаннымъ источникамъ, Владиміръ крестился въ 988 г., слѣдуетъ считать результатомъ не одной ошибки, а нѣсколькихъ, имѣющихъ цѣлію подтвердить правильность лѣтописной даты...

Но допустимъ, что защитникамъ лѣтописи удалось съ абсолютною несомнѣнностію доказать (хотя это крайне трудно, если только не невозможно), что и по Іакову, какъ и по лѣтописи, Владиміръ крестился въ 988 г. Великъ ли бы былъ для нихъ результатъ такого положенія? Вѣдь, по Іакову, св. князь принялъ крещеніе не въ Корсуни, которую взялъ на третье лѣто послѣ принятія христіанства, каковое событіе, конечно, совершилось гдѣ-то на Руси и до корсунскаго похода. Какая же можетъ быть здѣсь параллель между „Похвалою“ и лѣтописью и какая польза для защитниковъ послѣдней, если бы мы и согласились съ ними, что крещеніе Владиміра совершилось въ 988 г.?

Устранивъ одно затрудненіе, защитники лѣтописи наталкиваются на другое, но твердо идя къ намѣченной цѣли—оправданію лѣтописной хронологіи—напрягаютъ всѣ силы преодолѣть всѣ препятствія, находящіяся въ „Похвалѣ“ Іакова...

---

[1]) Ibid.

VII.

Принятіе Владиміромъ христіанства было подготовительною ступенью, первымъ шагомъ къ крещенію земли русской. По лѣтописи, крестившись въ Корсуни въ 988 г. послѣ взятія этого города, новопросвѣщенный кіевскій князь спѣшитъ въ свою столицу и немедленно приступаетъ къ крещенію кіевлянъ. По послѣднимъ изслѣдованіямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на „Похвалѣ Володимеру“ мниха Іакова, это событіе случилось значительно позднѣе указаннаго лѣтописью 988 г. Лично принявшій христіанство въ 987 г. „Владиміръ только на третье лѣто послѣ этого взялъ Корсунь и возвратившись изъ похода едва ли могъ приступить къ крещенію земли русской, начиная, конечно, Кіевомъ, раньше 990 г. Къ такому выводу пришелъ и г. Завитневичъ. Проф. Соболевскій, конечно, отнесся критически къ его мнѣнію, къ его доводамъ. „О времени крещенія кіевлянъ, говоритъ ученый профессоръ, ни одинъ изъ трехъ памятниковъ г. Завитневича не упоминаетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что крещеніе кіевлянъ имѣло мѣсто послѣ крещенія Владиміра, т. е. не раньше 988 г. (да кто же сомнѣвается въ этомъ?); можно думать, согласно съ лѣтописью, что Владиміръ успѣлъ воротиться въ Кіевъ и крестить жителей своей столицы въ тотъ же годъ; можно думать, что это случилось въ слѣдующемъ 989 г., но трудно, съ достаточнымъ

вѣроятіемъ, считать кіевлянъ крестившимися въ 990 г., какъ дѣлаетъ г. Завитневичъ“ [1]).

Да, дѣйствительно трудно... опредѣлить, къ какому же году проф. Соболевскій относитъ крещеніе кіевлянъ? По его мнѣнію, можно думать, что событіе это случилось въ 988 г., а можно думать, что и въ 989, наконецъ, хотя и съ трудомъ, можно остановиться на 990 г., не смотря на то, что Соболевскій признаетъ неправильнымъ мнѣніе Завитневича. Въ существѣ же дѣла ученый университетскій профессоръ никакъ не можетъ опредѣленно указать годъ крещенія кіевлянъ,—одного только онъ не желалъ бы—согласія съ доводами, добытыми г. Завитневичемъ. Правда, предъ Соболевскимъ была лѣтопись, сообщающая точную дату начала крещенія земли русской, но въ данномъ случаѣ ученый защитникъ ея не намѣренъ вполнѣ вѣрить своему источнику и, если не ошибаемся, его личное мнѣніе болѣе склоняется къ тому, чтобы признать годомъ крещенія Владиміра 989-й. Непонятно только, почему проф. Соболевскій отступаетъ отъ точной даты своего руководства, которое защищаетъ какъ вѣрное, почему сомнѣвается въ точности этой даты? А если онъ самъ сознаетъ, что въ лѣтописи находятся хронологическія погрѣшности, то почему же осуждаетъ у другихъ попытку критически отнестись къ этому источнику и провѣрить его показанія другими данными? Читатель же статьи проф. Соболевскаго, замѣтивъ сомнѣніе этого ученаго касательно указаннаго въ лѣтописи года крещенія кіевлянъ, не въ правѣ ли подумать, что и въ лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра могла вкрасться неточность, которую и указываютъ на основаніи древнихъ памятниковъ? Заподозривъ точность даты своего руководства—лѣтописи, и не желая соглашаться съ выводомъ, основаннымъ на „Похвалѣ“, проф. Соболевскій по вопросу о времени крещенія кіевлянъ, какъ говорятъ, отъ одного берега отсталъ, но и къ другому не присталъ, и въ недоумѣніи и нерѣшительности остановился на полдорогѣ, не зная въ точности, куда же идти, показывая на себѣ примѣръ того, что критическое отношеніе къ лѣтописи, при

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1888 г. Іюнь, стр. 401.

отрицанія авторитетности и древности другихъ памятниковъ, можетъ вести только къ догадкамъ и предположеніямъ субъективнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ положительномъ извѣстіи и изъ какого источника основано мнѣніе, что крещеніе кіевлянъ совершено въ 989 г.?

Впрочемъ, проф. Соболевскій дѣлаетъ слабую попытку отстоять удобопріемлемость и лѣтописнаго года крещенія кіевлянъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы не подать слишкомъ большаго соблазна скептическимъ отношеніемъ къ тому источнику, достовѣрность свѣдѣній котораго онъ защищаетъ. „Мы не знаемъ, разсуждаетъ ученый профессоръ подъ строкою, въ примѣчаніи, когда именно выступилъ Владиміръ въ походъ для осады Корсуня. Если принять во вниманіе, что онъ могъ выступить не изъ Кіева, а изъ сосѣдней съ Корсунемъ Тмутаракани, то нѣтъ основанія относить начало похода непремѣнно къ веснѣ 988 г.: оно могло быть и раньше. Равнымъ образомъ намъ неизвѣстно, сколько времени продолжалась осада города. 6 мѣсяцевъ, о которыхъ упоминаетъ приписываемое (безъ всякаго основанія) Іакову житіе Владиміра, не находятъ себѣ подтвержденія въ источникѣ этого житія—лѣтописи, разсказъ которой, въ сокращеніи, составилъ главную часть житія, и такимъ образомъ представляются внушающими мало довѣрія“ [1]).

Совершенно справедливо, что мы не знаемъ, когда, т. е. какъ рано, въ 988 г., Владиміръ выступилъ въ походъ противъ Корсуни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ниоткуда неизвѣстно, чтобы походъ этотъ былъ предпринятъ изъ Тмутаракани, а не прямо изъ Кіева, не въ 988 г., а раньше. По крайней мѣрѣ, лѣтопись не даетъ права дѣлать такія предположенія. Говоря подъ 987 г. о совѣщаніи Владиміра съ боярами и городскими старцами, она заканчиваетъ свой разсказъ объ этой бесѣдѣ слѣдующими словами: „Володимеръ рече: гдѣ крещеніе пріимемъ? они же рѣкоша: гдѣ ти любо“. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что описанное подъ 987 совѣщаніе происходило въ Кіевѣ. Непосредственно за этимъ лѣтопись продолжаетъ: „и минувшю лѣту, въ лѣто 6496, иде Володимеръ

---

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г, Іюнь 401 стр., прим.

съ вои на Корсунь"... [1]) Есть ли въ этихъ словахъ хотя малѣйшій намекъ на то, что походъ корсунскій былъ предпринятъ не изъ Кіева? Въ существѣ дѣла мы не желаемъ безусловно отрицательно отнестись къ предположенію проф. Соболевскаго, что св. Владиміръ выступилъ противъ Корсуни изъ Тмутаракани. Нѣкоторыя соображенія, основанныя на показаніяхъ мниха Іакова и писателей иноземныхъ, приводятъ къ такой мысли. Но на чемъ основываютъ подобное предположеніе защитники лѣтописи? Вѣдь въ этомъ источникѣ не имѣется для него основаній! Признать въ данномъ случаѣ неточность, неясность, недомолвку лѣтописи по очень важному вопросу и въ разсказѣ очень обширномъ, гдѣ, повидимому, не могла ускользнуть отъ вниманія повѣствователя ни одна подробность, но согласятся ли на это защитники лѣтописнаго разсказа?!. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что корсунскій походъ св. Владиміра былъ предпринятъ никакъ не ранѣе весны 988 г. Допускать какое-нибудь иное предположеніе значитъ признавать неправильность лѣтописной хронологіи. Проф. Соболевскій, хотя и не прямо, признаетъ подобную неточность. А г. Матченко, также защитникъ лѣтописи, основываясь на вышеприведенныхъ словахъ ея, подтверждающихъ, „что промежутка между окончаніемъ религіознаго вопроса и началомъ корсунскаго похода не было", говоритъ утвердительно: „никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что походъ открылся съ самымъ началомъ 988 года [2]). „Почему же въ этомъ сомнѣвается Соболевскій, допускающій, что если этотъ походъ былъ предпринятъ изъ Тмутаракани, то нѣтъ основанія относить начало его непремѣнно къ веснѣ 988 г.? Чѣмъ же объясняется такое несогласіе защитниковъ лѣтописи между собою?!.

Указанное предположеніе, что корсунскій походъ св. Владиміра могъ быть предпринятъ изъ Тмутаракани и раньше весны 988 г., вызывается необходимостію—умѣстить подъ однимъ этимъ годомъ всѣ тѣ событія, о которыхъ говорится въ лѣтописи, что сдѣлать не только не легко, но и положительно трудно. Для этой же

---

[1]) См. Лѣт. по Лавр. сп. 106 стр. Ип. л. 74 стр.

[2]) Странникъ, 1889 г. I, 95.

цѣли—сгруппировки подъ 988 г. всѣхъ событій, сопровождавшихъ крещеніе св. Владиміра и Руси, проф. Соболевскій вынужденъ, на сколько возможно, сократить время осады города Корсуни. Шесть мѣсяцевъ этой осады, указываемые въ „житіи Володимера“, ученый профессоръ признаетъ внушающими мало довѣрія, такъ какъ о нихъ не упоминается въ лѣтописи. Но въ ней, какъ мы говорили, нѣтъ извѣстія и о походѣ Владиміра на Корсунь изъ Тмутаракани, а годомъ этого событія указанъ 988-й, слѣдов. предположеніе проф. Соболевскаго, разсмотрѣнное выше, по суду его же самого, должно быть признано „внушающимъ мало довѣрія“, какъ не подтверждаемое лѣтописью? Ясно, что защитники послѣдней, такъ сказать, подбираютъ извѣстія для цѣли заранѣе намѣченной: одни изъ этихъ извѣстій, опираясь на авторитетъ лѣтописи, они отвергаютъ, но за то строятъ свои догадки, не имѣющія для себя основанія въ текстѣ руководства, и при всемъ томъ скептически относятся къ мнѣнію другихъ изслѣдователей, когда замѣчаютъ, что это мнѣніе не основано на лѣтописномъ разсказѣ [1]).

Начальная лѣтопись дѣйствительно не указываетъ продолжительности осады Корсуни, а извѣстіе супрасльской лѣтописи сокращаетъ этотъ срокъ, сравнительно съ „Житіемъ“, на половину, т. е. опредѣляетъ въ три мѣсяца. Но самый ходъ осады скорѣе говоритъ въ пользу даты второго источника, т. е. житія, чѣмъ перваго (супрасльской лѣтописи) [2]). Корсунцы оборонялись „крѣпко“, несмотря даже на то, что городъ со всѣхъ сторонъ (и съ моря) былъ окруженъ врагами, что защита его была непосильна („изнемогаху людье“), такъ что Владиміръ, желавшій непремѣнно завладѣть городомъ, но вѣроятно потратившій уже много времени на безполезные приступы, началъ грозить гражданамъ, что онъ не отступитъ, хотя бы простоялъ и три года; но и угроза оказалась напрасною („не послушаша того“). Тогда Владиміръ рѣшилъ „приспу сыпати ко граду“, но корсунцы разрушали эту работу

---

[1]) См. Странн. 1888 г. III, 648 стр.; 1889 г. I, 96, 98 стр. и 1-е примѣч. къ 98 стр.

[2]) Тр. К. Д. Ак. 1888 г. II, 638.

воиновъ Владиміра—уносили въ городъ насыпаемую землю и тѣмъ очевидно сильно затрудняли успѣхъ осаждающихъ; осада такимъ образомъ являлась безрезультатною, затягивалась надолго; Владиміръ продолжалъ стоять. Наконецъ, въ городѣ нашелся измѣнникъ, который указалъ кіевскому князю средства овладѣть Корсунью, перенять воду, которою снабжался городъ. И корсунцы, истомленные „жажею водною", дѣйствительно сдались Владиміру, но безъ сомнѣнія не вдругъ. „Корсунь, какъ это видно изъ теперешнихъ развалинъ, обиловалъ цистернами, которыя могли вмѣщать значительное количество запасной воды" [1]). И „жажа водная" могла оказать помощь осаждающимъ только тогда, когда уничтожились и эти запасы воды. Вообще ходъ осады, какъ онъ описанъ въ лѣтописи, прямо говоритъ за ея продолжительность. За это же говорятъ и слова Владиміра къ корсунцамъ: „имамъ стояти и за три лѣта", — слова, вызванныя очевидно продолжительными и безплодными дѣйствіями противъ осажденнаго города. Защитники лѣтописи сами рѣшительно признаютъ, что осада Корсуни была очень тяжела для Владиміра, который, легко смотря на дѣло завоеванія этого города, предпринялъ походъ съ очень небольшимъ войскомъ, такъ что исторгнула изъ устъ кіевскаго князя молитвенный обѣтъ креститься, лишь бы съ позоромъ не отступать отъ осажденной Корсуни [2]). Ясно, что только крайняя медленность и продолжительность осады могла побудить Владиміра на такой шагъ, какъ перемѣна старой, отцовской вѣры на новую.

Вообще, съ точки зрѣнія лѣтописи не имѣется достаточныхъ основаній къ тому, чтобы скептически относиться къ указанію „Житія", что св. князь „стоя (подъ Корсунью) шесть мѣсяцъ". Впрочемъ, какъ и указано выше, проф. Соболевскій дѣлаетъ лишь попытку отстоять возможность лѣтописной даты крещенія кіевлянъ, не настаивая на ея полной справедливости [3]).

Г. Матченко поступаетъ не такъ; онъ рѣшительно утверждаетъ.

---

[1]) Тр. Кіевск. Дух. Акад. 1888 г. II, 639 стр.
[2]) Странн. 1889 г. I, 94 стр.
[3]) См. Странникъ 1888 г. II, 145 стр.

что годомъ крещенія Кіева долженъ быть признанъ 988-й, такъ какъ онъ точно обозначенъ въ лѣтописи: „Дата эта, продолжаетъ г. Матченко, въ спискѣ псковской (первой) лѣтописи (П. С. С. Лѣт. IV, 175—176 стр.) провѣрена и подкрѣплена сверхъ того слѣдующими хронологическими вычисленіями: „Крещена Русская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова“, т. е. въ 988 г.; „отъ Адама до крещенія русскаго 6496 г.“. (5508+988), „отъ крещенія русскаго до смерти Владиміра 28 л.“; въ обоихъ этихъ случаяхъ получается тотъ же 988 г. [1])“. Получается ли этотъ годъ во второмъ случаѣ (изъ двухъ послѣднихъ), по крайней мѣрѣ по способу вычисленія самого г. Матченко, объ этомъ мы имѣли случай упомянуть выше. Первое указаніе—„крещена Русская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова“—можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, когда будетъ принята неправильно указанная въ лѣтописи дата занятія Володимеромъ Кіева—980-й годъ вмѣсто 978. Затѣмъ не ясно, въ чемъ же въ псковской лѣтописи обнаружилась провѣрка и подкрѣпленіе лѣтописнаго года крещенія кіевлянъ? Признавая хронологическія указанія начальной лѣтописи заслуживающими довѣрія и исходя изъ нихъ, псковская лѣтопись дѣлаетъ лишь то, что вычисляетъ, на какомъ году княженія Владиміра и отъ сотворенія міра было начато крещеніе земли русской, при чемъ годъ этого событія—988-й уже данъ и признанъ правильнымъ; какая же можетъ быть его провѣрка и гдѣ подкрѣпленіе?

Вообще же, съ точки зрѣнія г. Матченко, 988-й г., какъ годъ крещенія кіевлянъ, потому заслуживаетъ довѣрія, что указанъ въ лѣтописи. Но если мы примемъ во вниманіе, что изъ самихъ защитниковъ лѣтописи нѣкоторые не находятъ возможнымъ признать указанную дату вполнѣ правильною, то поймемъ, какъ не твердо представленное доказательство.

Г. Матченко однако твердо держится принятаго имъ мнѣнія и старается устранить всѣ препятствія къ его принятію. „Болѣе

---

[1]) Стран. 1889 г. I, 87—88.

серьезнымъ и труднымъ является вопросъ о томъ, могъ ли Владиміръ менѣе чѣмъ въ одинъ годъ успѣть: предпринять походъ, взять Корсунь, послѣ дипломатическихъ сношеній съ Царьградомъ креститься, жениться, возвратиться въ Кіевъ и крестить кіевлянъ. Дѣйствительно, исполненіе всего этого въ предѣлахъ такого времени, при отдаленности Корсуня и извѣстныхъ обстоятельствахъ взятія его, кажется невѣроятнымъ [1]). Эти соображенія и побудили проф. Соболевскаго почти вовсе отказаться отъ лѣтописнаго года крещенія кіевлянъ. Но г. Матченко дѣлаетъ попытку представить невѣроятное возможнымъ, начиная ее съ вопроса о томъ, въ какую именно пору года и какимъ способомъ выступилъ Владиміръ въ Корсунскій походъ", и объ этомъ предметѣ ведетъ довольно длинныя разсужденія. Но мы не послѣдуемъ за аргументаціей автора, которая основывается на „болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеніяхъ", которымъ „открывается обширное поле" [2]). Идя путемъ такихъ догадокъ, г. Матченко приходитъ наконецъ къ предположенію, „что Владиміръ, покончивъ совѣщанія на счетъ перемѣны вѣры, съ небольшой дружиной немедленно же отправился не прямо въ Корсунь, а въ Тмутаракань, подъ конецъ еще 987 г. и уже отсюда предпринялъ настоящій походъ" въ самомъ началѣ марта 988 г. [3]). Мы уже знаемъ, что такое предположеніе не находитъ себѣ основанія въ лѣтописи, которая не оставляетъ сомнѣнія относительно того, что корсунскій походъ былъ предпринятъ въ 988 г. изъ Кіева. И г. Матченко признаетъ свое предположеніе смѣлымъ, хотя и не заключающимъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, это не болѣе какъ догадка, не подтверждаемая тѣмъ источникомъ, который его защитниками признается единственно надежнымъ.

Не отрицая продолжительности осады Корсуни, но и не признавая вмѣстѣ съ тѣмъ правильнымъ указаніе „Житія", что осада эта продолжалась шесть мѣсяцевъ [4]), г. Матченко желаетъ сокра-

---

[1]) Странникъ 1889 г. I, 90 стр.
[2]) Ibid. 91 стр.
[3]) Ibid. 96—97 стр.
[4]) Ibid. 98 стр. и 1-е прим.

тить срокъ времени для событій, слѣдовавшихъ за взятіемъ города, и дѣйствительно находитъ, что „переговоры Владиміра съ императорами на счетъ брака, устройства церкви, набора священниковъ, необходимыхъ предметовъ церковныхъ и проч.“ „не могли представлять никакихъ затрудненій“, не требовали много времени; по крайней мѣрѣ такъ „кажется“ г. Матченко [1]). На самомъ же дѣлѣ событія, какъ они описаны въ лѣтописи, совершались крайне медленно. По взятіи Корсуня, Владиміръ отправляетъ посольство въ Константинополь съ предложеніемъ руки царевнѣ Аннѣ. Василій и Константинъ, тогдашніе византійскіе императоры, по поводу такого предложенія, „быста печальна“, задумались, и было надъ чѣмъ: исконныя византійскія традиціи никакъ не могли одобрить подобнаго брака [2]), заключеніе его нужно было отклонить, и византійскіе политики рѣшили предложить кіевскому князю перемѣну вѣры, въ предположеніи, что языческій князь, какимъ былъ Владиміръ, не рѣшится на такой шагъ. Вопреки ожиданію, Владиміръ далъ согласіе на принятіе христіанства, и византійскіе императоры, volens-nolens, были вынуждены на требованіе кіевскаго князя касательно ихъ сестры дать свое согласіе.

Но и тутъ оказалось не маловажное препятствіе — Анна „не хотяше идти“ на Русь, „яко въ полонъ“, и лучше бы желала умереть дома“, чѣмъ ѣхать въ незнакомую ей страну. Очень нелегко и положительно трудно было уговорить ее, и братья „едва ю принудиша“ [3]). Развѣ такія событія могли совершиться слишкомъ быстро, по крайней мѣрѣ безъ всякихъ затрудненій?..

Мы не будемъ настаивать на мысли, что каждое предложеніе и Владиміра и византійскихъ императоровъ вызывало отдѣльное посольство, что „во время переговоровъ посольскій флотъ шесть разъ долженъ былъ переправиться чрезъ Черное море: изъ Корсуня въ Константинополь и обратно [4]), во всякомъ случаѣ нужно думать,

---

[1]) Ibid. 97 стр.

[2]) См. Голуб. I, I. 139 стр. и 2 прим. Христ. Чт. 1888 г. II, 124 стр.

[3]) Мы излагаемъ событія по лѣтописи, не задаваясь вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли все такъ происходило.

[4]) Тр. Кіевск. Д. Ак. 1888 г. II, 640 стр.

что отъ кіевскаго князя къ византійскимъ императорамъ посольство отправлялось не разъ для точнаго выясненія условій родственнаго союза между воюющими сторонами: женитьба Владиміра въ связи съ перемѣною вѣры, отказомъ невѣсты, нарушеніемъ традиціонныхъ понятій византійскаго двора, оказалась дѣломъ крайне хлопотливымъ, которое нельзя было уладить безъ затрудненій и слишкомъ скоро.

Далѣе г. Матченко предполагаетъ, что Владиміръ пробылъ въ Корсуни мало времени послѣ того, какъ византійскіе императоры согласились на бракъ его съ своею сестрою Анною. Но рядъ такихъ событій послѣ прибытія Анны въ Корсунь, какъ болѣзнь св. князя, его медленность въ принятіи христіанства, оглашеніе съ предварительнымъ наставленіемъ въ вѣрѣ, крещеніе, бракосочетаніе, обставленное конечно съ подобающимъ торжествомъ, — не могъ совершиться слишкомъ быстро. А Владиміръ послѣ крещенія рѣшилъ поставить церковь въ Корсуни, что опять заставляетъ предполагать довольно продолжительное пребываніе его въ этомъ городѣ и уже по принятіи христіанства. Наконецъ, сооруженіе для царевны Анны особой палаты также побуждаетъ думать, что она оставалась въ Корсуни не малое время. Во всякомъ случаѣ, вышедшая за-мужъ за Владиміра по принужденію со стороны братьевъ, „съ плачемъ“ оставившая Константинополь, Анна не могла спѣшить отъѣздомъ въ русскую землю, „яко въ полонъ“, и безъ сомнѣнія предпочитала лучше подольше прожить хотя бы на окраинѣ своего отечества, не смотря даже на то, что Владиміръ, какъ предполагаетъ г. Матченко, „не могъ не торопиться возвращеніемъ въ Кіевъ“ [1]).

Но не смотря на все стараніе сократить продолжительность корсунскаго похода включительно до крещенія кіевлянъ и выгадать время, г. Матченко долженъ признать, что этотъ походъ занимаетъ 8-ми мѣсячный періодъ и начало крещенія земли русской будетъ падать не ранѣе, какъ на вторую половину октября, хотя другіе защит-

---

[1]) Странникъ 1889 г. I, 98 стр.

ники лѣтописи находятъ такой срокъ для корсунскаго похода недостаточнымъ и опредѣляютъ его отъ 11 мѣсяцевъ до года [1]).

Однако, г. Матченко и самъ вполнѣ сознаетъ, что „средина октября или конецъ его—время довольно позднее, такъ что крещеніе въ эту пору въ рѣкѣ могло быть опаснымъ“ [2]), поэтому не лучше ли было отложить его до болѣе удобнаго времени, наприм. весны или лѣта 989 г., тѣмъ болѣе, что и народъ нужно было хотя нѣсколько подготовить къ перемѣнѣ вѣры и ознакомить съ истинами христіанства? Вообще не странно ли думать, что Владиміръ заботился ни о чемъ иномъ, какъ только о томъ, чтобы поскорѣе окрестить кіевлянъ и сдѣлать это непремѣнно до зимы 988 г.? Вѣдь эта спѣшность дѣйствія, въ существѣ дѣла ничѣмъ не вызываемая, нужна лишь тѣмъ усерднымъ защитникамъ лѣтописи, которые непремѣнно хотятъ отстоять полную правильность ея хронологіи...

Но г. Матченко спѣшитъ увѣрить своихъ читателей, что крещеніе кіевлянъ въ концѣ октября вполнѣ было возможно. „Теперь и всегда, разсуждаетъ этотъ авторъ, многіе купаются вплоть до ноября, и даже въ крещенское водосвятіе не мало является охотниковъ, бросающихся въ проруби“ (нельзя ли было и кіевлянъ крестить зимою въ проруби?). „Въ иные годы бываетъ и въ эту пору довольно теплая погода“ (не знаетъ ли г. Матченко, какая погода была въ октябрѣ 988 г.—теплая или холодная?). Ужели представленныя причины настолько серьезны, что ими можно доказать крещеніе кіевлянъ позднею осенью?.. Впрочемъ, г. Матченко въ пользу своего мнѣнія представляетъ основаніе и болѣе серьезное. „Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о перемѣнѣ вѣры, говоритъ онъ, предъ такими препятствіями, какъ холодная вода, не можетъ быть остановки и уступки“, тѣмъ болѣе, что при крещеніи „возможность простуды для неокрѣпшихъ организмовъ была, видимо, устранена. Въ воду входили только взрослые, молодые же стояли на берегу, а младенцевъ держали на рукахъ матери, стоявшія ближе къ бе-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1887 г. Сент.
[2]) Странн. 1889 г. I, 98.

регу, чѣмъ мужчины“ [1]). То совершенно справедливо, что въ сравненіи съ такимъ знаменательнымъ фактомъ, какъ перемѣна вѣры, такое препятствіе, какъ холодная вода, представляется ничтожнымъ, но въ томъ лишь случаѣ, когда перемѣна совершается по убѣжденію, по глубокому сознанію превосходства принимаемой новой вѣры, чего, по предположенію г. Матченко, и не было при крещеніи кіевлянъ: они шли къ крещенію только въ силу великокняжескаго приказанія, „не подготовленные достаточно къ принятію новой вѣры“ [2]); а Владиміръ, кажется, и заботился лишь о томъ, чтобы какъ можно скорѣе окрестить жителей своей столицы. Народъ, принимавшій вѣру при такихъ условіяхъ, какъ естественно, невольно останавливался предъ всякимъ препятствіемъ...

Что касается, наконецъ, того замѣчанія г. Матченко, что „возможность простуды для неокрѣпшихъ организмовъ была устранена“, то оно не находится въ согласіи съ лѣтописью. Послѣдняя говоритъ о новокрещаемыхъ: „влѣзоша въ воду, и стояху овы до шие, а друзи до персей, млади же (по перси) отъ берега, друзии же млади держаще“ [3]). А г. Матченко увѣряетъ, и то не разъ, что „молодые стояли *на* берегу“, что „женщины стояли къ берегу ближе, чѣмъ мужчины“ [4]); говорится ли объ этомъ въ лѣтописи? И что же это за крещеніе „водное“, когда многіе (не по невозможности, какъ дѣйствительные младенцы, а вѣроятно во избѣжаніе простуды) даже и не входили въ воду, а стояли на берегу? Очевидно, г. Матченко въ данномъ случаѣ понадобилось отступленіе отъ текста лѣтописи съ тою цѣлію, чтобы доказать возможность крещенія кіевлянъ позднею осенью... Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, язычнику, плохо подготовленному къ принятію христіанства, нужно было имѣть великую вѣру, чтобы въ такое время года, какъ конецъ октября, войти въ воды Днѣпра по шею и стоять на одномъ мѣстѣ (бродили только „свершении“) во все время совершенія таинства крещенія.

[1]) Ibid 98—99 стр.
[2]) Ibid. 86 стр.
[3]) Лѣт. по Лавр. сп. 115 стр. Лѣт. по Ип. сп, 80 стр.
[4]) Странникъ 1889 г. I, 86 и 99 стр.

Нѣтъ! вышеприведенныя слова лѣтописи, что при крещеніи не только взрослые, но и малолѣтки стояли въ водѣ (по нѣкоторымъ спискамъ—„по перси“), ясно указываютъ, что время для такого торжественнаго акта было выбрано самое удобное, теплое, лѣтнее. А такъ какъ лѣтомъ 988 г. крещеніе кіевлянъ еще не могло совершиться, потому что къ этому времени не могъ окончиться корсунскій походъ св. Владиміра, — съ чѣмъ вполнѣ согласенъ и г. Матченко, то событіе это должно быть отнесено къ одному изъ слѣдующихъ годовъ. Г. Матченко вполнѣ сознаетъ не только вѣроятность, но и неизбѣжность такого вывода изъ лѣтописнаго разсказа, а потому напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы доказать возможность совершенія въ 988 г. всѣхъ тѣхъ событій, о которыхъ говорится подъ этимъ годомъ въ лѣтописи до крещенія кіевлянъ, при чемъ игнорируетъ, перетолковываетъ и даже прямо устраняетъ извѣстія своего первоисточника. Но такая попытка г. Матченко не достигаетъ цѣли... А если мы признаемъ (это признаютъ и защитники лѣтописи въ лицѣ проф. Соболевскаго), что крещеніе кіевлянъ въ лѣтописи не точно значится подъ 988 г., то неизбѣжно должны согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что по вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси лѣтопись не сообщаетъ точныхъ хронологическихъ данныхъ, а во-вторыхъ, съ тѣмъ, что начало крещенія земли русской нельзя необходимо относить къ 989 г.; оно могло совершиться и въ 990 г. Большая или меньшая точность этой даты зависитъ отъ опредѣленія того, въ которомъ году была взята Владиміромъ Корсунь. По Іакову, событіе это случилось на третье лѣто по крещеніи Владиміра, принявшаго христіанство за 28 лѣтъ до своей смерти. Исходя изъ этихъ данныхъ, принимая во вниманіе совокупность событій, сопровождавшихъ корсунскій походъ св. князя, довольно продолжительное пребываніе его въ завоеванномъ городѣ, ознакомленіе народа съ христіанскими истинами, возможность массоваго крещенія только въ теплое время, г. Завитневичъ и находитъ вполнѣ возможнымъ отнести крещеніе кіевлянъ къ 990 году.

Г. Матченко полагаетъ, что эта дата въ существѣ дѣла осно-

вана только на предположеніяхъ [1]); но проф. Соболевскій находитъ, что она не совсѣмъ безосновательна, что, впрочемъ, въ нѣкоторое противорѣчіе себѣ, допускаетъ и г. Матченко [2]), только оба защитника лѣтописи признаютъ основаніе для указанной сейчасъ даты крещенія кіевлянъ не твердымъ и не вѣрно понятымъ.

„Мнѣніе г. Завитневича, разсуждаетъ проф. Соболевскій, основано главнымъ образомъ на одной подробности „Похвалы“ Іакова. Въ ней, послѣ разсказа о взятіи Корсуни Владиміромъ и о женитьбѣ его на греческой царевнѣ съ цѣлію окончательнаго принятія христіанства (значитъ, раньше было какое-то неокончательное принятіе христіанства?), мы читаемъ: Владиміръ „въ третье лѣто (по крещеніи) Корсунь городъ взя“. Г. Завитневичъ полагаетъ, что Владиміръ сначала крестился, потомъ отправилъ войско на помощь Византіи противъ бунтовщика Варды Фоки, потомъ взялъ Корсунь, потомъ женился, и, наконецъ, крестилъ кіевлянъ, и что походъ на Корсунь случился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ крещенія Владиміра, но приведенная подробность „Похвалы“ не получаетъ себѣ черезъ это объясненія“. Какъ! Почему же не получаетъ объясненія? А вотъ почему: „Іаковъ, говоритъ Соболевскій, весьма ясно (даже весьма ясно!) отличаетъ взятіе Корсуни Владиміромъ — язычникомъ отъ взятія имъ Корсуни „на третье лѣто“ по крещеніи, и потому желающіе, подобно г. Завитневичу, вѣрить „Похвалѣ“ Іакова во всѣхъ ея подробностяхъ должны допустить два похода Владиміра на Корсунь и двукратное взятіе имъ города“ [3]).

Въ дѣйствительности же Іаковъ не только не различаетъ весьма ясно двухъ корсунскихъ походовъ св. Владиміра, но и рѣшительно не дѣлаетъ такого различія, о чемъ мы достаточно подробно говорили выше. Это различіе принадлежитъ не писателю „Похвалы“, а защитникамъ лѣтописи, слишкомъ усердно комментирующимъ слова Іакова въ своихъ видахъ. Но замѣчательно вотъ что!

---

[1]) Странникъ 1889 г. I, 88 стр.
[2]) Ibid. 1888 г. III, 671 стр.
[3]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 401 стр.

Проф. Соболевскій, желая показать своимъ читателямъ, къ чему можетъ вести довѣрчивое отношеніе къ показаніямъ Іакова, указываетъ, къ какому странному, непонятному, почти нелѣпому выводу должны придти лица, довѣряющія „Похвалѣ“ во всѣхъ ея подробностяхъ,—къ признанію двухъ корсунскихъ походовъ св. Владиміра. Этотъ выводъ ученый профессоръ обращаетъ противъ г. Завитневича, какъ сильное доказательство несостоятельности его мнѣнія; но оружіе, направленное проф. Соболевскимъ противъ довѣряющихъ Іакову, на самомъ-то дѣлѣ поражаетъ его же собратовъ — защитниковъ лѣтописи... Оказывается, что двукратный походъ св. Владиміра на Корсунь признаютъ не тѣ, которые въ рѣшеніи вопроса о времени крещенія Руси опираются на „Похвалу“, а тѣ, которые желаютъ согласить показанія послѣдней съ лѣтописью. Подобное предположеніе двухъ корсунскихъ походовъ напрасно и неосновательно усвоено проф. Соболевскимъ г. Завитневичу; оно, напротивъ, принято и защищается г. П. Л. и г. Матченко, отстаивающими лѣтописный годъ крещенія кіевлянъ. Спрашивается теперь, противъ кого же ратуетъ ученый профессоръ?!.

Между тѣмъ какъ изъ лицъ, довѣряющихъ Іакову, никто не признавалъ ни нужнымъ, ни возможнымъ допускать два похода св. Владиміра на Корсунь, вышеупомянутые защитники лѣтописи, г. П. Л. и г. Матченко, утверждаютъ рѣшительную удобопріемлемость и правильность такого мнѣнія. Очень понятно, съ какою цѣлію это дѣлается. Такъ какъ показаніе Іакова, что Владиміръ взялъ Корсунь на третье лѣто послѣ своего крещенія, рѣшительно ниспровергаетъ лѣтописную хронологію, то защитники лѣтописи для оправданія своего источника и утверждаютъ, что Іаковъ въ указанномъ мѣстѣ „Похвалы“ говоритъ не о томъ взятіи Корсуни, о которомъ разсказывается въ лѣтописи подъ 988 г., а о другомъ, бывшемъ нѣсколько позднѣе, о взятіи вторичномъ. Какими же доказательствами подтверждается это положеніе?

Основываясь на той мысли, что о взятіи Корсуня у Іакова упоминается два раза, г. Матченко задается вопросомъ: „что же, взятіе Корсуни въ первомъ и во второмъ случаѣ—одно ли и тоже событіе, два раза упомянутое въ предѣлахъ какихъ нибудь десяти

строкъ, или, можетъ быть, рѣчь идетъ здѣсь о двухъ различныхъ походахъ? Замѣтимъ, между прочимъ, продолжаетъ г. Матченко, что ни одно изъ исчисленныхъ дѣяній Владиміра (по крещеніи) раньше не упоминается (въ перечнѣ военныхъ дѣлъ св. князя?); почему же непремѣнно нужно было два раза и притомъ, повторяю, на пространствѣ десяти строкъ сказать вторично о взятіи города Корсуни?"

На этотъ, дважды повторенный вопросъ авторъ съ увѣренностію отвѣчаетъ: „очевидно тутъ говорится о вторичномъ взятіи этого города на третій годъ по крещеніи Владиміра въ немъ" [1]. На самомъ же дѣлѣ то, что кажется очевиднымъ для г. Матченко, не можетъ показаться таковымъ для другихъ. Ужели Іаковъ не могъ объ одномъ и томъ же событіи дважды упомянуть въ своей „Похвалѣ", хотя бы къ тому представлялось побужденіе? И если не могъ, то почему же? А между тѣмъ двукратное указаніе Іакова на взятіе Владиміромъ Корсуни вышло вполнѣ естественно, безъ всякаго конечно намѣренія отмѣтить два событія. Въ одномъ случаѣ писатель „Похвалы" говоритъ объ этомъ фактѣ тамъ, гдѣ перечисляетъ военные походы св. князя, тѣ случаи, когда Владиміръ „побѣди"; въ другомъ мѣстѣ это событіе—взятіе Корсуни—упоминается при перечисленіи важнѣйшихъ дѣяній св. Владиміра „по святомъ крещеніи". Гдѣ же здѣсь основаніе различать два событія, одинаковыя по имени, но совершившіяся отдѣльно, хотя бы и въ небольшой промежутокъ времени? Г. Матченко заявляетъ, что изъ дѣяній Владиміра по крещеніи, исчисленныхъ Іаковомъ, ни одно не упоминается раньше. Какъ же нужно понимать это замѣчаніе? Нѣсколько выше мы, напротивъ, находимъ указаніе, что Владиміръ „церковь созда каменну во имя пресвятыя Богородица и десятину ей вда" [2], значитъ и эти событія совершились два раза, потому что о нихъ упоминается въ концѣ „Похвалы", рядомъ съ извѣстіемъ о взятіи Корсуня „на третье лѣто" по крещеніи Владиміра?.. Но, можетъ быть, г. Мат-

[1]) Странникъ 1888 г. III, 659—660 стр.
[2]) Христ. Чт. 1849 г. II, 318 стр.

ченко разумѣетъ то, что изъ дѣяній Владиміра по крещеніи ни одно не упоминается раньше въ числѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, къ которымъ Іаковъ относитъ и взятіе Корсуни? Но какая цѣль, какой смыслъ былъ упоминать среди такихъ фактовъ о заложеніи церкви Богородицы, о дарованіи ей десятины, о заложеніи Переяславля и даже о походѣ къ порогамъ, когда между этими событіями и исчисленными выше побѣдами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго? Словомъ, то обстоятельство, что Іаковъ дважды говоритъ о взятіи Корсуни, не даетъ никакого права заключать, что и въ дѣйствительности было два корсунскихъ похода св. Владиміра. Писатель „Похвалы“ не разъ (иногда „въ предѣлахъ какихъ нибудь десяти строкъ“) упоминаетъ о крещеніи Владиміра [1]), о крещеніи земли русской, о путешествіи св. Ольги въ Царьградъ для принятія крещенія. Доказываетъ ли это, что Владиміръ принялъ христіанство не разъ, что русская земля неоднократно просвѣщена св. крещеніемъ, что Ольга нѣсколько разъ посѣтила Константинополь и приняла тамъ крещеніе?

Защитники лѣтописи, какъ мы замѣчали выше, неоднократно указываютъ, что Іаковъ не пишетъ последовательной исторіи, что у него факты повторяются, но какъ скоро доходятъ до корсунскаго похода св. Владиміра, то всѣми силами стараются доказать, что этотъ походъ былъ предпринятъ дважды, потому что Іаковъ упоминаетъ о немъ въ двухъ мѣстахъ. Основательна ли эта причина къ раздѣленію одного и того же событія на два?..

Г. Матченко смущаетъ лишь то обстоятельство, что въ источникѣ, которому онъ исключительно довѣряетъ, т. е. лѣтописи, рѣшительно ничего не говорится о второмъ завоеваніи Владиміромъ Корсуни (уже по крещеніи), слѣдовательно вполнѣ возможно, что и Іаковъ и лѣтопись говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, только неодинаково опредѣляютъ его время; „но, замѣчаетъ г. Матченко, въ лѣтописи не упоминается также и о походѣ къ порогамъ, цѣлые же два года по крещеніи совершенно ничѣмъ не

---

[1]) «Крестижеся самъ Володимеръ, пишетъ Іаковъ, и чада своя и весь домъ свой святымъ крещеніемъ просвѣти»..., а нѣсколько ниже писатель «Похвалы» говоритъ: «и отвержеся всея дьяволя льсти, съ

отмѣчены“ [1]). Какъ не отмѣчены? Въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи (лаврентьевскомъ), который проф. Соболевскій признаетъ наиболѣе заслуживающимъ довѣрія, подъ 989 г., непосредственно слѣдовавшимъ за годомъ Владимірова крещенія, отмѣчено основаніе десятинной церкви. Г. Матченко, слѣдовательно, не согласенъ съ проф. Соболевскимъ во взглядѣ на авторитетность списковъ лѣтописи и лаврентьевскому предпочитаетъ ипатьевскій, въ которомъ 989 и 990 г. г. дѣйствительно стоятъ пустыми? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ самъ онъ, какъ мы уже знаемъ, обращается къ хронологіи лаврентьевской лѣтописи въ ущербъ ипатьевской? Неоспоримо однако то, что г. Матченко, настаивая на двукратномъ корсунскомъ походѣ св. Владиміра, признаетъ въ лѣтописи пропускъ событія не незначительнаго. Но трудно допустить, чтобы такой фактъ, какъ разрывъ Владиміра съ греками почти тотчасъ послѣ заключенія съ ними родственнаго и духовнаго союза, война съ ними (вѣроятно, довольно продолжительная), закончившаяся взятіемъ Корсуни, — фактъ, о которомъ, какъ утверждаютъ защитники лѣтописи, жило преданіе, переданное кратко Іаковомъ, былъ совершенно опущенъ лѣтописцемъ, и вмѣсто него въ лѣтописи осталось или пустое мѣсто или ничего незначущая цифра. И это обстоятельство — полное отсутствіе въ лѣтописи всякаго указанія на вторичный походъ св. Владиміра подъ Корсунь—невольно наводитъ на мысль, что въ дѣйствительности такого похода не было; а былъ лишь одинъ, отмѣченный въ лѣтописи подъ 988 г., а Іаковомъ отнесенный на „третье лѣто“ по крещеніи св. князя.

Наконецъ, вторичный оходъ на Корсунь почти немедленно послѣ перваго представляется настолько маловѣроятнымъ, что возникаетъ невольное недоумѣніе, чѣмъ же онъ могъ быть вызванъ? Г. Матченко понимаетъ не только возможность, но и неизбѣжность такого недоумѣнія и самъ задается вопросомъ о томъ, „чѣмъ объяснить вторичный походъ на Корсунь, когда Владиміръ воз-

---

чады своими пріиде къ Богу, крещеніе пріимъ»..., (Хр. Чт. 1849 г. II, 318 стр. См. стр. 319, 323).

1) Стран. 1888 г. III, 660 стр.

вратилъ этотъ городъ грекамъ и вступилъ съ ними въ близкую связь—и родственную и духовную"? Но предложенный вопросъ остается безъ отвѣта! Г. Матченко, очевидно, не могъ найти никакого сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія его!..

Но уклонившись отъ прямаго отвѣта на поставленный вопросъ, г. Матченко указываетъ лишь на то, что „въ обстоятельствѣ этомъ (вторичномъ походѣ на Корсунь) нѣтъ ничего невѣроятнаго. Корсунь и прежде еще нѣсколько разъ воевали русскіе, подобно тому, какъ мы неоднократно брали, напр., и потомъ возвращали: Азовъ, Очаковъ, Карсъ и проч. Вторичное взятіе Корсуня свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что родственная и духовная связь съ греками не могла остановить Владиміра въ его непреодолимомъ влеченіи на югъ и желаніи все-таки подчинить земли, находившіяся въ сосѣдствѣ съ его тмутараканскими владѣніями" [1]). Послѣ этого нельзя не удивляться тому, что кіевскій князь, имѣвшій „непреодолимое влеченіе къ югу", взявши разъ Корсунь, возвратилъ ее грекамъ. Ужели онъ сдѣлалъ это въ надеждѣ черезъ два года снова завоевать ее? Вѣдь взятіе Корсуни было дѣло далеко не легкое, въ чемъ Владиміръ убѣдился собственнымъ опытомъ; какая же цѣль была по завоеваніи возвращать грекамъ, если св. князь непремѣнно желалъ присоединить этотъ городъ къ своимъ владѣніямъ?!. Наконецъ, нуженъ былъ и поводъ къ войнѣ съ греками,—одно влеченіе къ югу—далеко не важная причина для того, чтобы разрывать только что закрѣпленныя родствомъ мирныя отношенія. Что касается того замѣчанія, что русскіе неоднократно брали и возвращали Азовъ, Очаковъ, Карсъ, то оно рѣшительно ничего не говоритъ въ пользу двукратнаго похода св. Владиміра на Корсунь, совершеннаго въ теченіе только трехъ лѣтъ, и ни мало не объясняетъ ни возможности, ни необходимости такого похода, совсѣмъ не касаясь причинъ, вызвавшихъ его.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе на слѣдующее. По Іакову, Владиміръ „на третье лѣто" послѣ своего крещенія „Корсунь

---

[1]) Ibid. 660 стр.

городъ *взя*". Если это былъ вторичный походъ, предпринятый по „непреодолимому влеченію къ югу" и съ рѣшительною цѣлію присоединить Корсунь къ Тмутараканскимъ владѣніямъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ, то спрашивается, владѣли ли послѣ этого русскіе Корсунью, и если владѣли, то какъ долго и когда потеряли ее? Или, быть можетъ, и послѣ вторичнаго взятія Владиміръ опять, какъ и въ первый разъ, уступилъ этотъ городъ грекамъ, надѣясь когда-нибудь снова завоевать его для округленія своихъ владѣній. Можетъ ли быть что нибудь безцѣльнѣе подобной войны?!.

Вообще же нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній утверждать, будто у Іакова говорится о двухъ походахъ св. Владиміра на Корсунь. Крайняя слабость доводовъ въ пользу этого мнѣнія; признаніе самого г. Матченко, что выраженіе „Похвалы": Владиміръ „на третье лѣто (по крещеніи) Корсунь городъ взя" можно понимать и такъ, какъ понимаютъ проф. Голубинскій, г. Завитневичъ и вообще лица, довѣрющія Іакову; указаніе защитниковъ лѣтописи—проф. Соболевскаго и Кирпичникова, что второй походъ Владиміра на Корсунь черезъ два года послѣ перваго—фактъ рѣшительно невѣроятный,—все это доказываетъ, что положеніе, отстаиваемое г. Матченко, — не только слишкомъ шатко, но и не заслуживаетъ никакой вѣры...

Проф. Соболевскій, какъ мы сказали, и не выступаетъ на защиту неправдоподобной мысли о двукратномъ походѣ Владиміра на Корсунь; онъ даже прямо осуждаетъ ее. Но это вовсе не значитъ еще, что онъ признаетъ корсунскій походъ, по лѣтописи бывшій въ 988 г., совершившимся, по Іакову, на третье лѣто крещенія св. князя. И этотъ ученый признаетъ, что въ двухъ мѣстахъ Похвалы, упоминающихъ о взятіи Корсуни, говорится о двухъ фактахъ, различныхъ между собою; но вѣрить въ существованіе ихъ скептическій профессоръ предоставляетъ тѣмъ, которые признаютъ авторитетность показаній Іакова. „Что же касается до насъ, разсуждаетъ Соболевскій, то мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что Іаковъ, въ своемъ извѣстіи о взятіи Корсуни на третій годъ по крещеніи, дурно воспользовался своимъ источни-

комъ, смѣшавъ два Корсуня греческій, и русскій, и сообщилъ о взятіи Владиміромъ греческаго Корсуня въ то время, къ которому въ источникѣ было отнесено основаніе Владиміромъ Корсуня на рѣкѣ Роси, упоминаемаго въ лѣтописи въ XII вѣкѣ, но основаннаго, безъ сомнѣнія, Владиміромъ вскорѣ послѣ взятія его греческаго соименника" [1]).

Словомъ, проф. Соболевскій признаетъ, что „по прямому смыслу" [2]) словъ Іакова было два корсунскихъ похода св. Владиміра; а въ дѣйствительности же былъ одинъ,—тотъ, о которомъ въ „Похвалѣ" говорится безъ хронологической отмѣтки при перечисленіи побѣдъ св. князя. Что касается другого похода, отмѣченнаго Іаковомъ вполнѣ ясно—„на третье лѣто по крещеніи", то, по предположенію проф. Соболевскаго, онъ составляетъ результатъ слишкомъ грубой ошибки автора „Похвалы".

Конечно, предположенія можно дѣлать какія угодно, но только на основаніи ихъ высказывать другимъ обвиненія, притомъ нелегкія, не совсѣмъ удобно. Область предположеній есть, неизбѣжно область сомнѣній, догадокъ; получаемые такимъ путемъ выводы должны быть крайне осторожны. Однако, на основаніи только предположенія Соболевскій обвиняетъ Іакова ни болѣе, ни менѣе какъ въ искаженіи своего первоисточника. На какомъ же основаніи дѣлается это? Для правильнаго сужденія о томъ, какъ извѣстный авторъ пользуется своимъ источникомъ, нужно знать не только сочиненіе этого писателя, „но и оригиналъ", изъ котораго заимствованы свѣдѣнія. Знаетъ ли Соболевскій первоисточникъ Іакова? Нѣтъ. Можетъ ли онъ увѣрить, что въ немъ, въ этомъ первоисточникѣ, сообщались не тѣ свѣдѣнія, которыя передаетъ авторъ „Похвалы"? Нѣтъ. Даже на вопросъ о томъ, былъ ли у Іакова подъ руками письменный источникъ, нужно отвѣчать, какъ мы говорили выше, отрицательно. Можно подумать, что о достоинствѣ показаній „Похвалы" проф. Соболевскій судитъ сравнительно съ лѣтописью, но, по словамъ этого же ученаго, Іаковъ при состав-

---

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь, 401—402 стр.
[2]) Ср. Странникъ 1888 г. III, 671 стр.

ленiи своего сочиненiя лѣтописью не пользовался; какое же здѣсь можетъ быть сравненiе?

А между тѣмъ, на основанiи только предположенiя, проф. Соболевскiй усвояетъ Iакову дѣйствительно грубыя ошибки. Писатель „Похвалы“ смѣшалъ два города съ именемъ Корсуни — греческiй и русскiй, что какъ будто неудивительно, но вслѣдствiе этого смѣшенiя городовъ онъ и создалъ два корсунскихъ похода св. Владимiра. Въ источникѣ Iакова говорилось, что на третье лѣто по крещенiи св. князь *созда* Корсунь (на Роси). Iаковъ былъ настолько невѣжественъ, что не могъ понять о какомъ городѣ здѣсь говорится — о греческомъ или русскомъ, не могъ догадаться объ этомъ даже изъ выраженiя „*созда*“ (не могъ же Владимiръ создать греческiй городъ, давно уже существовавшiй?), и такъ какъ зналъ и говорилъ выше о завоеванiи Владимiромъ греческаго города, то и переправилъ „созда“ на „взя“, доставивъ тѣмъ крайнiй соблазнъ защитникамъ лѣтописи. Можно понять, какое низкое мнѣнiе имѣетъ проф. Соболевскiй объ Iаковѣ, какъ писателѣ. Этотъ авторъ, по суду ученаго профессора, не болѣе, какъ невѣжественный искажатель чужихъ свѣдѣнiй, писательская способность котораго не могла возвыситься даже до различенiя выраженiй „созда“ и „взя“. Но если мы примемъ во вниманiе, съ какою любовiю и благоговѣнiемъ къ памяти св. князя собиралъ Iаковъ свѣдѣнiя о его жизни, собиралъ притомъ отъ многихъ и не съ цѣлью, конечно, искажать свѣдѣнiя; если представимъ себѣ крайнюю невѣроятность смѣшенiя вышеуказанныхъ понятiй, то неизбѣжно согласимся, что это только предположенiе Соболевскаго, едва ли заслужившее чье-нибудь довѣрiе.

Конечно, проф. Соболевскiй—докторъ славянской филологiи: на его филологическiя изысканiя, скажутъ, можно вполнѣ положиться; но поступить такъ значитъ имѣть великую вѣру къ авторитетамъ и ихъ мнѣнiямъ, а главное, принять такое предположенiе значитъ произвольно исказить текстъ древняго памятника безъ всякой надобности и безъ всякаго сколько-нибудь сноснаго основанiя. Самая попытка объяснить, что „взя“ явилось въ „Похвалѣ“ вмѣсто „созда“, указываетъ вовсе не на серьезныя филологическiя

изысканія (въ данномъ случаѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ), а на то отчаянное положеніе, въ которомъ оказались защитники лѣтописи [1]) въ виду показаній Іакова, которымъ историки стали оказывать наконецъ должное вниманіе.

Проф. Соболевскій, впрочемъ, указываетъ возможность для Іакова смѣшать два города съ именемъ Корсуни въ томъ именно обстоятельствѣ, что вскорѣ по крещеніи (и вѣроятно, именно, „на третье лѣто") Владиміръ основалъ на Роси городъ, который, въ память о завоеванномъ греческомъ городѣ, назвалъ Корсунью. Но откуда же Соболевскому извѣстно, что Корсунь на Роси была основана св. Владиміромъ, и даже вскорѣ послѣ крещенія? Въ лѣтописи объ этомъ не имѣется рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Въ ней, напротивъ, передается, что Владиміръ послѣ своего крещенія началъ ставить города не на Роси, гдѣ стоялъ Корсунь, а „по Деснѣ, по Востри, по Трубежеви, по Сулѣ и по Стугнѣ" [2]). Города на Роси началъ ставить не равноапостольный князь, а сынъ его, Ярославъ Мудрый, о чемъ лѣтопись и сообщаетъ подъ 1032 г. [3]). Очень возможно, что въ числѣ этихъ городовъ была и Корсунь [4]), хотя въ точности неизвѣстно, какимъ городамъ въ бассейнѣ Роси начало положено при Ярославѣ, какимъ, можетъ быть, и позднѣе. Во всякомъ случаѣ, въ 1032 г. сдѣланъ былъ лишь починъ въ въ заселеніи береговъ Роси съ цѣлью, конечно, оградить южные предѣлы кіевскаго княжества отъ нападенія степныхъ кочевниковъ. Линія этихъ поселеній при Ярославѣ идетъ южнѣе отъ Кіева, нежели линія такихъ поселеній при Владимірѣ, и съ какой стати св. князь сталъ бы выдвигать изъ нея Корсунь, основавъ ее на Роси, а не на Стугнѣ, Трубежѣ и какой либо другой рѣкѣ, заселяемой при немъ?

---

[1]) Труды Кіевск. Д. Ак. 1888 г., II, 662 стр.
[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 119 стр. Ипат. лѣт. 83 стр.
[3]) См. Лавр. л. 146 стр. Ипат. лѣт. 105 стр.
[4]) Карамзинъ говоритъ: «города, основанные на сей рѣкѣ (т. е. Роси) Ярославомъ, могутъ быть: *Корсунь*, Богуславь, Юрьевъ (III, 39 прим.) Ср. Соловьева I, 206 стр. Карту Поросья см. въ Кіевск. Стар. 1883 г. VII т.

Затѣмъ, основаніе Корсуни далеко не было выдающимся событіемъ, какъ хочетъ представить это проф. Соболевскій, указывая на то, что городъ этотъ основанъ въ память о томъ греческомъ его соименникѣ, взятіе котораго такъ тѣсно связано съ знаменательнымъ событіемъ—крещеніемъ земли русской. Въ лѣтописи о началѣ Корсуни ничего не говорится; самый этотъ городъ упоминается уже въ XII в.; а между тѣмъ, если бы онъ былъ основанъ по тому случаю, который указываетъ проф. Соболевскій, то возникновеніе его дѣйствительно стоило отмѣтки. Почему же этотъ фактъ имѣлъ непремѣнно въ виду Іаковъ, когда для него не нашлось мѣста въ лѣтописи, произведеніи болѣе обширномъ, чѣмъ „Похвала?“

Само собою понятно, что если ничѣмъ нельзя подтвердить, что Корсунь на Роси была основана Владиміромъ и именно вскорѣ („на третье лѣто“) по крещеніи, а напротивъ, нужно думать, что вмѣстѣ съ другими городами на Роси и этотъ былъ основанъ Ярославомъ, то исчезаетъ всякій поводъ заподозривать въ извѣстіи Іакова („на третье лѣто Корсунь городъ взя“) рѣшительно маловѣроятное искаженіе свѣдѣній, крайне грубую ошибку. Такъ падаетъ предположеніе проф. Соболевскаго, несостоятельность котораго, по нашему мнѣнію, не можетъ подлежать сомнѣнію.

А если и эта послѣдняя и крайняя попытка устранить свидѣтельство Іакова о взятіи Владиміромъ Корсуни на третье лѣто по крещеніи рѣшительно не достигаетъ цѣли; если придуманный въ тѣхъ же видахъ второй корсунскій походъ св. князя не заслуживаетъ вѣры, то нужно обратиться къ прямому смыслу показаній „Похвалы“ и признать, что св. Владиміръ крестился не въ Корсуни, а дома—на Руси, за два года до войны съ греками, и взялъ Корсунь уже на третье лѣто своего крещенія. Начало крещенія земли русской положено по окончаніи корсунскаго похода и по возвращеніи изъ него св. Владиміра, и по соображенію съ обстоятельствами не могло случиться раньше. И проф. Соболевскій, кажется, согласенъ, что если указаніе Іакова на время взятія Корсуни понимать такъ, какъ понимаетъ г. Завитневичъ, то крещеніе Кіева нужно отнести къ 990 году. А такъ какъ такое пониманіе

представляется единственно правильнымъ, то и указанная сейчасъ дата крещенія кіевлянъ преимущественно заслуживаетъ довѣрія.

Читая свой рефератъ въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора лѣтописца (13 марта 1888 г.) [1], проф. Соболевскій сдѣлалъ попытку объясненія извѣстія мниха Іакова о томъ, что Владиміръ „на другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи“, каковое чтеніе онъ предполагалъ возможнымъ замѣнить другимъ— „къ пороxомъ“ и думалъ видѣть въ этомъ названіи „поросье“; но подобная попытка объясненія словъ „Похвалы“ и самому ученому профессору показалась неудачною. Составляя свою рецензію на брошюру г. Завитневича, Соболевскій, не отступая отъ принятаго имъ пониманія выраженія „взя“ (о Корсуни) вмѣсто „созда“, совсѣмъ не касается выраженія: „къ порогомъ ходи“. Это-то молчаніе мы и можемъ считать за признакъ неудовлетворенности своимъ объясненіемъ. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. А если это дѣйствительно такъ, то однимъ ученымъ филологическимъ изысканіемъ, труднымъ для принятія, стало меньше! Будемъ надѣяться, что и второе толкованіе текста Іакова, касающееся указанія на время взятія Корсуни, проф. Соболевскимъ будетъ оставлено, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока не отыщутся списки „Похвалы“, оправдывающіе такое пониманіе. Но найдутся ли такіе списки?

А какъ скоро проф. Соболевскій признаетъ несостоятельность своихъ объясненій текста „Похвалы“, то онъ, кажется, неизбѣжно долженъ будетъ придти къ тому же выводу относительно времени крещенія кіевлянъ, къ какому пришелъ и г. Завитневичъ. Притомъ же этотъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей, обзоромъ свѣдѣній которыхъ мы и закончимъ нашу статью.

---

[1]) Кіевлянинъ 1888 г. № 66. Труды Кіевск Д. Ак. 1888 г. II, 661 стр.

VIII.

Переходя отъ отечественныхъ источниковъ, служащихъ къ опредѣленію времени крещенія земли русской, къ источникамъ не русскимъ, проф. Соболевскій оговаривается, что „не будетъ долго останавливаться на извѣстіяхъ иноземныхъ писателей о Владимірѣ, почерпнутыхъ г. Завитневичемъ изъ статей проф. Васильевскаго". Какой тонкій намекъ на не самостоятельность изслѣдованія, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ есть что нибудь предосудительное въ пользованіи прекрасными статьями спеціалиста и знатока византійской исторіи!.. Проф. Соболевскій дѣйствительно самъ не пользуется изслѣдованіями проф. Васильевскаго; но поступаетъ ли онъ въ данномъ случаѣ лучше г. Завитневича,—это будетъ видно изъ дальнѣйшей рѣчи.

„Главные изъ этихъ (иноземныхъ) источниковъ, продолжаетъ проф. Соболевскій, на *нашъ взглядъ*, нимало не подтверждаютъ выводовъ г. Завитневича и не противорѣчатъ показаніямъ „Похвалы" Іакова" [1]). Не въ этомъ ли заключается и причина того, почему Соболевскій мало обращаетъ вниманія на извѣстія иностранныхъ писателей? Вѣдь главныя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ на взглядъ ученаго профессора, не оправдываютъ выводовъ г. Завитневича, слѣд. о чемъ же тутъ и разсуждать?.. Читатель въ данномъ случаѣ долженъ повѣрить заявленію проф. Соболевскаго, вѣроятно въ виду его авторитета; но добытое такимъ путемъ убѣжденіе въ правильности историческихъ взглядовъ было бы равно легковѣрію.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе заявленіе проф. Соболевскаго, что главные изъ иноземныхъ источниковъ съ одной стороны не подтверждаютъ выводовъ г. Завитневича, а съ другой—не противорѣчатъ и показаніямъ „Похвалы" Іакова; а между тѣмъ выводы г. Завитневича и основаны главнымъ образомъ на извѣ-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1888 г. Іюнь. 402 стр.

стіяхъ „Похвалы“, почему же они не подтверждаются иноземными писателями, точно также какъ подтверждается источникъ этихъ выводовъ? Остается думать, что проф. Соболевскій, противопоставляя результаты изслѣдованія г. Завитневича показаніямъ Іакова, принимаетъ послѣднія въ томъ перетолкованномъ видѣ, въ какомъ они являются послѣ маловѣроятныхъ гипотезъ ученаго профессора.

Такъ какъ и лица, довѣряющія Іакову, указываютъ, что ихъ выводы по вопросу о времени крещенія земли русской находятся въ согласіи съ извѣстіями иноземныхъ писателей, чего однако нельзя сказать о выводахъ, основанныхъ на лѣтописи, то любопытно посмотрѣть, какъ проф. Соболевскій обращаетъ въ свою пользу свидѣтельства неблагопріятныя для лѣтописи и какія показанія иноземныхъ источниковъ онъ имѣетъ въ виду?

Начиная свою рѣчь о русскихъ источникахъ для опредѣленія времени крещенія св. Владиміра и Руси, проф. Соболевскій, какъ мы знаемъ, на первомъ планѣ поставилъ вопросъ о древности и авторитетности ихъ, а затѣмъ перешелъ уже къ оцѣнкѣ сообщаемыхъ этими источниками свѣдѣній. Правда, то и другое онъ дѣлаетъ крайне односторонне (что мы и старались доказать), но по крайней мѣрѣ обнаруживаетъ попытку поставить вопросъ, какъ говорятъ, на научную почву. Совершенно не то мы видимъ у проф. Соболевскаго при обозрѣніи источниковъ иноземныхъ: изъ нихъ не выдѣлены наиболѣе авторитетные; современные крещенію русскому писатели, по возможности, отодвинуты на заднiй планъ; позднѣйшіе авторы и ненадежные поставлены рядомъ съ древнѣйшими, а иногда и выше ихъ по своей авторитетности; свѣдѣнія, сомнительныя по своей компетентности, признаны достойными вѣры. Словомъ, все подобрано, чтобы оправдать взглядъ проф. Соболевскаго на разсматриваемыя событія.

Правда, изъ иноземныхъ писателей проф. Соболевскій на первомъ мѣстѣ ставитъ Яхъю, историка конца X вѣка и начала XI, свѣдѣнія котораго дѣйствительно заслуживаютъ вниманія; но какъ переданы проф. Соболевскимъ извѣстія этого писателя?

„Яхъя, говоритъ ученый профессоръ, разсказываетъ, что начальникъ греческихъ войскъ въ Малой Азіи Варда Фока въ сен-

тябрѣ 987 года поднялъ знамя бунта противъ императора Василія, что когда онъ овладѣлъ всею Малою Азіею до Пропонтиды, напуганный императоръ послалъ пословъ къ русскому князю просить помощи, что послѣдній согласился дать ему помощь и креститься подъ условіемъ выдачи за него въ замужество сестры императора, что посланный русскимъ княземъ вспомогательный отрядъ въ апрѣлѣ 989 г. разбилъ Варду Фоку и положилъ конецъ возстанію" [1]).

Переданное въ такомъ видѣ извѣстіе арабскаго писателя, современника св. Владиміру, никакъ нельзя признать опредѣленнымъ: въ немъ, очевидно, не находится никакихъ указаній для установленія времени крещенія кіевлянъ. И проф. Соболевскій дѣйствительно признаетъ разсказъ Яхъи настолько неполнымъ, что находитъ нужнымъ восполнить его скудными и сбивчивыми извѣстіями Кедрина и Зонары.

Но позволимъ себѣ нѣсколько скептически отнестись къ передачѣ проф. Соболевскимъ словъ Яхъи и обратимся къ самой лѣтописи антіохійскаго араба. Разсказывая о бунтѣ Варды Фоки, Яхъя передаетъ, что послѣ того, какъ войска бунтовщика достигли Хрисополя, императоръ Василій послалъ пословъ къ кіевскому князю съ просьбою о помощи. „И согласился онъ (Владиміръ) на это,"—приводимъ собственныя слова Яхъи по переводу ученаго оріенталиста, бар. Розена. „И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ... И послалъ къ нему царь Василій *впослѣдствіи* митрополитовъ и епископовъ и они крестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли и отправилъ къ нему сестру свою... *И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ* прибыли войска русовъ..." [2]). Обращаемъ вниманіе на подчеркнутыя слова, которыя даютъ возможность указать послѣдовательность событій русской исторіи, современныхъ бунту Варды

[1]) Ibid.

[2]) Извлеч. изъ лѣт. Яхъи ант. 23—25 стр.

Фоки. Проф. Соболевскій, подгоняя извѣстіе Яхъи подъ свой взглядъ, совсѣмъ выпустилъ въ своемъ изложеніи отмѣченные нами важныя мѣста лѣтописи араба. А между тѣмъ изъ словъ Яхъи ясно видно, что какъ отправленіе греческаго духовенства на Русь, такъ и бракъ Владиміра съ Анною не слѣдовали непосредственно за переговорами между византійскимъ дворомъ и русскимъ княземъ относительно военной помощи противъ Варды Фоки, а совершились уже *впослѣдствіи*, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени по заключеніи дружескаго союза между Константинополемъ и Кіевомъ. Предварительно, одновременно съ просьбою о помощи, были выяснены условія брака и непосредственнымъ результатомъ этого было отправленіе въ Грецію русскаго военнаго отряда. Женитьба Владиміра на Аннѣ уже слѣдовала за этими событіями, какъ заключеніе ихъ. Къ сожалѣнію, Яхъя, указывая порядокъ событій, современныхъ бунту Варды Фоки, очевидно не имѣлъ возможности указать точныя даты исполненія ихъ.

Открытое возмущеніе Фоки, по извѣстію Яхъи, произошло 14 сентября 987 г.; значитъ когда-то позднѣе этого срока Василій Болгаробойца отправилъ пословъ къ Владиміру съ просьбою о помощи; фактъ этотъ трудно отодвинуть дальше начала 988 г. [1]), съ чѣмъ въ дальнѣйшей рѣчи, кажется, согласенъ и Соболевскій. Византійское посольство имѣло въ виду переговоры о помощи и установило условія касательно брака Владиміра съ Анною и ближайшій результатъ его мы указали. А такъ какъ бракъ кіевскаго князя съ византійскою царевною былъ совершенъ уже впослѣдствіи, то время его должно быть отодвинуто до окончанія внутренней распри между соперниками за императорскую корону [2]). Борьба за власть рѣшена абидосскимъ сраженіемъ 13 апрѣля 989 г.

---

[1]) См. Христ. Чт. 1888 г. II, 126 стр. и друг.

[2]) Торопиться заключеніемъ брака до окончанія борьбы между Фокою и императорами было безцѣльно, по нашему мнѣнію, какъ для Владиміра, такъ и для Византійскихъ царей. Что пріобрѣталъ бы Владиміръ отъ этого брака, если бы побѣдителемъ оказался Фока? А какую пользу извлекли бы императоры изъ того же брака, если бы лишились царства?

Полагаемъ, что бракъ Владиміра съ Анною и послѣдовавшее затѣмъ крещеніе Кіева было позднѣе сейчасъ указаннаго срока. А если принять во вниманіе событія, предшествовавшія сейчасъ указаннымъ фактамъ,—событія, о которыхъ говорятъ русскіе источники, то начало крещенія земли русской, по всей справедливости, нужно будетъ отнести къ 990 г.

Между тѣмъ и проф. Кирпичниковъ, признавая лѣтопись Яхъи чрезвычайно важнымъ источникомъ, утверждаетъ, что бракъ Владиміра съ Анною былъ нуженъ византійскимъ императорамъ въ виду грозившей имперіи опасности отъ Варды Фоки [1]), слѣдовательно онъ совершился отнюдь не впослѣдствіи по отношенію къ договору о бракѣ и отправленію военной помощи въ Византію (вопреки указанію Яхъи); но къ чему же такое отступленіе отъ текста важнаго источника? Нѣсколько выше (стр. 403) проф. Кирпичниковъ указываетъ, что Яхъя ставитъ въ связь крещеніе Владиміра съ его женитьбою на Аннѣ, но такъ какъ послѣднее событіе, на основаніи указаннаго источника, какъ мы говорили, могло совершиться лишь послѣ 13 апрѣля 981 г., то, слѣд., и крещеніе Владиміра должно быть отнесено къ этому же сроку; но согласится ли на это защитникъ лѣтописи?—Арабы, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, [2]) стараются по возможности выдѣлить личное крещеніе св. Владиміра, и внимательное чтеніе Яхъи показываетъ, что и этотъ арабскій историкъ дѣлаетъ попытку раздѣлить между собою такія событія, какъ крещеніе кіевскаго князя и бракъ его съ Анною.

А что отправленіе военной помощи изъ Кіева въ Византію и женитьба Владиміра на византійской царевнѣ были событіями неодновременными и первое изъ нихъ не составляло прямого результата второго, какъ предполагаетъ проф. Кирпичниковъ,—это можно видѣть и изъ свидѣтельства Асохика. Разсказывая подъ 1000 г. о дракѣ между русскими и иверійцами, Асохикъ передаетъ, что отрядъ русовъ, сопровождавшій императора Василія въ Арменію, состоялъ изъ 6000 человѣкъ и былъ выпрошенъ у Влади-

---

[1]) Прав. Обозр. 1888 г. Окт. 404 стр.
[2]) См. Христ. Чт. 1888 г. II, 148, 149 стр.

міра *въ то время*, когда Василій выдалъ сестру свою замужъ за кіевскаго князя. „Въ тоже самое время, прибавляетъ Асохикъ (т. е. во время, когда Анна была выдана за Владиміра), Рузы увѣровали во Христа“ [1]).

Почему же Асохикъ, знавшій и сообщавшій, что русскіе помогали Василію въ борьбѣ съ Вардою Фокой, рѣшительно ничѣмъ не даетъ понять, что шеститысячный отрядъ русскихъ и былъ именно тѣмъ военнымъ корпусомъ, при помощи котораго Василій I усмирилъ бунтъ и нанесъ полное пораженіе своему противнику? Подобное указаніе было бы самою лучшею аттестаціею храбрости русскихъ, обнаруженной и въ Арменіи; но Асохикъ указываетъ иной поводъ появленія въ Византіи 6000 отряда русскихъ—бракъ Владиміра съ Анною, слѣдовательно онъ различалъ этотъ отрядъ отъ войска, дѣйствовавшаго противъ Фоки. Затѣмъ обращаемъ вниманіе на то, что Асохикъ, поставивъ въ непосредственную связь крещеніе земли русской съ выходомъ Анны замужъ за кіевскаго князя, совсѣмъ не упоминаетъ, что въ тоже время принялъ христіанство и самъ Владиміръ. Слова Асохика, думаемъ, подтверждаютъ правильность представленнаго нами пониманія извѣстій Яхъи. Проф. Кирпичниковъ, хотя и пользуется этими извѣстіями въ интересахъ лѣтописи, но, по крайней мѣрѣ, не умаляетъ достоинства самаго источника, побуждая тѣмъ и другихъ изслѣдователей относиться къ его показаніямъ съ должнымъ вниманіемъ.

Не такъ смотритъ на лѣтопись Яхъи г. Матченко. Самъ онъ не пользуется ею; а г. Завитневича осуждаетъ за то, что онъ „всецѣло отдался сбивчивымъ и темнымъ показаніямъ антіохійскаго араба Яхъи, о качественности которыхъ, замѣчаетъ г. Матченко, у самого автора (т. е. г. Завитневича) читаемъ: „Яхъя и самъ не ясно представляетъ себѣ то, что происходило на Руси“ (Т. К. Д. Ак. 1888 г. янв. стр. 133) [2]). Положимъ, это неправда, будто г. Завитневичъ всецѣло отдался показаніямъ Яхъи; его вы-

---

[1]) Всеобщ. истор. Асох. 200 стр. Журн. М. Н. Пр. 1874 г. ноябрь. 125 стр.

[2]) Стр. 1889 г. I, 108 стр.

воды основаны на извѣстіяхъ „Похвалы“ Іакова, подкрѣпленныхъ показаніями и другихъ источниковъ и въ числѣ ихъ—Яхъи.

Что касается темноты и сбивчивости въ извѣстіяхъ Яхъи, то встрѣтить ихъ у арабскаго историка по вопросу о времени крещенія св. Владиміра нисколько неудивительно. Ужъ если на Руси, во время, близкое къ эпохѣ Владимірова княженія, объ этомъ событіи передавались разнорѣчивыя преданія, не болѣе какъ догадки и предположенія, то нужно ли удивляться, что на отдаленномъ востокѣ о немъ, объ этомъ событіи, знали смутно? Однако, по мнѣнію Яхъи, Владиміръ крестился дома, слѣдовательно этотъ фактъ былъ вообще достаточно извѣстенъ.

Впрочемъ, г. Матченко не ясно представляетъ себѣ извѣстія Яхъи и приписываетъ арабскому историку то, чего у него нѣтъ, и что составляетъ гипотезу ученаго бар. Розена [1]).

Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что Яхъи, хотя и не собщаетъ точныхъ датъ событій изъ русской исторіи, даетъ однако возможность прослѣдить порядокъ этихъ событій на ряду съ фактами изъ византійской исторіи; при скудости свѣдѣній для рѣшенія вопроса о времени крещенія Руси и эти извѣстія не лишены значенія. А вполнѣ неоспоримо то, что показанія Яхъи гораздо опредѣленнѣе и точнѣе показаній греческихъ компиляторовъ—Кедрина и Зонары. Проф. Соболевскій, какъ замѣчено выше, думаетъ прямо напротивъ. Признавая показаніе Яхъи неопредѣленнымъ, онъ говоритъ: „византійцы Зонара и Кедринъ дополняютъ разсказъ Яхъи тою подробностію, что русскій вспомогательный отрядъ прибылъ въ Византію послѣ женитьбы русскаго князя на греческой царевнѣ, слѣдовательно, и послѣ его крещенія“ [2]), какъ будто время отправленія этого отряда изъ лѣтописи Яхъи не извѣстно (до брака св. князя) или менѣе точно опредѣлено, нежели у византійцевъ-компиляторовъ... Достойно замѣчанія, что проф. Соболевскій, строго критиковавшій русскіе источники для опредѣленія времени крещенія св. Владиміра и Руси, по поводу ссылки на Зонару и Кедрина

---

[1]) Ibid. 1888 г. III, 2 прим. къ 643 стр.
[2]) Журн. Мин. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 402 стр.

ни слова не говоритъ объ авторитетности этихъ писателей для свѣдѣній изъ 9—10 в. Можно думать, что это молчаніе о компетентности указанныхъ византійцевъ—не безъ цѣли. Что такое на самомъ дѣлѣ Кедринъ и Зонара?

Относительно достоинства трудовъ этихъ писателей высказываемъ не свое мнѣніе, а мнѣніе проф. Васильевскаго, спеціалиста-знатока византійской исторіи, на компетентность отзыва котораго, думаемъ, смѣло можно положиться. „Что касается Кедрина, говоритъ ученый профессоръ, то это есть компиляторъ компилятора, единственная заслуга котораго для насъ состоитъ въ томъ, что онъ обокралъ своего собрата, т. е. Скилицію, вполнѣ и всецѣло...

Что касается Зонары, продолжаетъ В. Г. Васильевскій, то и онъ есть вторичный компиляторъ, т. е. не имѣя подъ рукою подлинныхъ первоначальныхъ источниковъ для времени Василія II, онъ пользовался тѣмъ же Скилиціемъ и отличается отъ Кедрина только въ томъ отношеніи, что не переписываетъ сплошь избраннаго руководителя, а часто его сокращаетъ, по большей части удерживая все-таки самый стиль и языкъ подлинника“ [1]).

Таковы источники, изъ которыхъ проф. Соболевскій беретъ дополнительныя свѣдѣнія къ Яхъѣ. Компетентны ли они? И что сказалъ бы ученый профессоръ, если бы извѣстія Кедрина и Зонары оказались вовсе не подходящими къ его взгляду?..

Но отмѣтивъ, что Кедринъ и Зонара дополняютъ Яхъю очень важною подробностію, проф. Соболевскій нѣсколько ниже старается унизить авторитетъ другого современнаго русскому крещенію писателя—Льва дьякона, поставивъ такимъ образомъ греческихъ компиляторовъ по достоинству сообщаемыхъ свѣдѣній выше двухъ современныхъ разсматриваемому событію (крещенію земли русской) писателей. Такой критическій пріемъ невольно вызываетъ недоумѣніе!.. „Что двумъ компиляторамъ, говоритъ проф. Васильевскій, слѣдуетъ давать менѣе вѣры, чѣмъ одному оригинальному и современному писателю—это есть положеніе, противъ котораго ни одинъ *опыт-*

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1876 г. Мартъ 124 -125 стр.

ный и добросовѣстный изслѣдователь не будетъ спорить“ [1]). Если это положеніе безспорно, то что мы должны подумать о критическихъ пріемахъ проф. Соболевскаго, который отдаетъ видимое предпочтеніе Кедрину и Зонарѣ предъ Львомъ діакономъ и Яхъи?..

Но можетъ быть Кедринъ и Зонара дѣйствительно сообщаютъ чрезвычайно важныя данныя для рѣшенія вопроса о времени крещенія Руси, такъ что стоятъ выше писателей современныхъ этому событію? Совсѣмъ нѣтъ! Напрасно проф. Соболевскій думаетъ, будто эти компиляторы дополняютъ разсказъ Яхъи тою подробностію, что вспомогательный отрядъ русскихъ прибылъ въ Византію послѣ брака Владиміра съ Анною; порядокъ этихъ фактовъ у Яхъи яснѣе, чѣмъ у Кедрина и Зонары; послѣдніе лишь усложняютъ и безъ того запутанный вопросъ...

Кедринъ передаетъ, что императоръ Василій, не будучи въ состояніи убѣдить Дельфину, подручника Фоки, отступить отъ Хрисополя, „приготовивъ ночью корабли и посадивъ на нихъ Русь (ибо удалось ему призвать изъ нихъ союзную силу и сдѣлать зятемъ князя ихъ Владиміра по сестрѣ своей Аннѣ) неожиданно нападаетъ на враговъ“ и побѣждаетъ ихъ. Зонара выражается о томъ же событіи слѣдующимъ образомъ: „на Дельфину, расположившагося у Хрисополя, неожиданно напалъ императоръ съ русскимъ народомъ, потому что онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный отрядъ“. Можно ли изъ этихъ краткихъ замѣчаній извлечь какія-нибудь безспорныя данныя для установленія порядка и послѣдовательности событій, современныхъ крещенію земли русской? Что у Кедрина о бракѣ Владиміра съ Анною упоминается рѣшительно мимоходомъ, въ скобахъ, случайно, только для указанія причины, почему Русь явилась въ союзѣ съ имераторами при борьбѣ съ Вардою Фокой,—это признано учеными [2]) и едвали подлежитъ сомнѣнію. Кто же можетъ поручиться, что позднѣйшій компиляторъ, имѣя въ виду бракъ Владиміра съ Анною, какъ фактъ совершившійся въ самомъ непродолжительномъ времени

---

[1]) Ibid. 158 стр.

[2]) См. Журн. Мин. Н. Пр. 1884 г. Апр. 313 стр.

послѣ оказанія военной помощи Византіи, на этомъ именно основаніи назвалъ Владиміра зятемъ императора Василія при разсказѣ о пораженіи Дельфины при Хрисополѣ, безъ всякой попытки указать строгій порядокъ событій? А Зонара, пользовавшійся тѣмъ же Скилиціемъ, котораго рабски переписалъ Кедринъ, выражается, что Василій получилъ помощь отъ русскихъ, устроивъ родственный союзъ, θέμενος κῆδος съ Владиміромъ. Выраженіе это сильно напоминаетъ слова Яхъи: „когда было рѣшено между ними (Василіемъ и Владиміромъ) дѣло о бракѣ, прибыли войска руссовъ", при чемъ самый бракъ арабскій историкъ относитъ къ послѣдующему времени. Не эту ли мысль желалъ оттѣнить въ своемъ разсказѣ и Зонара? Можетъ быть, онъ, какъ компиляторъ болѣе умѣлый и добросовѣстный, чѣмъ Кедринъ, вѣрнѣе понялъ мысль своего первосточника и, насколько могъ, старался выразить ее.

При ближайшемъ знакомствѣ съ извѣстіями Кедрина и Зонары нельзя сказать, чѣмъ же греческіе компиляторы могутъ дополнять разсказъ Яхъи. Свидѣтельства ихъ, вовсе не отличаясь ни опредѣленностію, ни точностію, сами нуждаются въ разъясненіяхъ и подтвержденіяхъ и, по нашему мнѣнію, могутъ быть поняты болѣе правильно при сопоставленіи съ свидѣтельствомъ Яхъи. Во всякомъ случаѣ, не легко понять, почему писателя современнаго крещенію земли русской нужно повѣрять писателями болѣе поздними (XII в.) и притомъ жалкими компиляторами, а не поступать прямо наоборотъ?

Довѣріе проф. Соболевскаго къ сообщеніямъ Кедрина и Зонары, буквальное пониманіе словъ этихъ писателей въ смыслѣ точнаго обозначенія времени брака Владиміра съ Анною, приводитъ ученаго профессора къ выводу, который уже едва ли можетъ подтверждать лѣтописную повѣсть. „Такъ какъ трудно предположить, говоритъ Соболевскій, чтобы императоръ послалъ пословъ къ Владиміру тотчасъ по полученіи свѣдѣній о начавшемся бунтѣ и такъ какъ для переговоровъ и переѣздовъ черезъ Черное море должно было потребоваться довольно значительное количество времени, то необходимо допустить, что крещеніе Владиміра и бракъ его могли совершиться не ранѣе весны 988 г.". Но едвали

и позднѣе этого времени, такъ какъ, приблизительно, лѣтомъ 988 г. вспомогательное войско русскихъ явилось уже въ Константинополь. А если Владиміръ женился или весною или въ первые лѣтніе мѣсяцы 988 г., то начало корсунскаго похода, въ виду его продолжительности и счета годовъ съ марта, неизбѣжно нужно отнести къ 987 г. и признать въ данномъ случаѣ неправильность лѣтописной хронологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и предположеніе Соболевскаго, которое онъ видимо раздѣляетъ, что крещеніе кіевлянъ начато въ 989 г. Если Владиміръ крестился весною или въ началѣ лѣта 988 г., то могъ вернуться въ Кіевъ и приступить къ крещенію его жителей еще въ томъ же году, въ теплое время.

Вотъ къ чему можетъ повести проф. Соболевскаго его попытка на основаніи Кедрина и Зонары опредѣлить время крещенія Владиміра и брака его съ Анною,—къ отрицанію его собственнаго взгляда.

Затѣмъ есть вполнѣ достаточныя основанія полагать, что Василій II отправилъ къ кіевскому князю Владиміру посольство съ просьбою о помощи вскорѣ послѣ открытія бунта Варды Фоки, такъ что въ продолженіи (мартовскаго) 988 года не найдется мѣста продолжительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ русскихъ противъ грековъ, о чемъ разсказывается въ лѣтописи. Нужно обратить вниманіе на совокупность обстоятельствъ, вызвавшихъ обращеніе императоровъ къ Владиміру за военною помощію, чтобы понять, можно ли было не торопиться отысканіемъ надежнаго союзника для Византіи.

Крайне печально было положеніе византійской имперіи около времени крещенія Руси. Едва только затихло возстаніе Склира, какъ открылась война съ болгарами. 17 августа 986 г. Василій II потерпѣлъ отъ нихъ сильное пораженіе въ Родопскихъ проходахъ. Въ этомъ же году, какъ повѣствуютъ арабы, и Склиръ вышелъ изъ Багдада, чтобы снова предъявить свои права на византійскую корону. А въ слѣдующемъ году, когда еще византійцы не оправились вполнѣ отъ понесеннаго ими пораженія въ Болгаріи, и Варда Фока провозгласилъ себя императорамъ. Между тѣмъ Варда Склиръ, одинъ изъ претендентовъ на императорскую корону, вѣ-

роломно былъ захваченъ Фокою и армія обоихъ бунтовщиковъ оказались въ рукахъ одного Варды Фоки. Вспыхнувшія внутреннія междоусобія въ имперіи, само собою понятно, могли побуждать и болгаръ къ продолженію враждебныхъ дѣйствій противъ Византіи. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, не безопасный даже въ самой столицѣ, могъ ли императоръ Василій надѣяться выдти побѣдителемъ изъ борьбы съ искателемъ короны, опытнымъ и искуснымъ полководцемъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи едва не всю армію, когда у него не было ни достаточно войска, ни хорошаго вождя? А если Василію крайне трудно было бороться противъ Фоки съ одними своими слабыми силами и нужно было искать помощи совнѣ, то можно ли было откладывать надолго пріобрѣтеніе надежнаго и сильнаго союзника? Всякое промедленіе въ этомъ случаѣ могло быть не только опаснымъ, но и прямо гибельнымъ для императоровъ.

Притомъ же Василій II былъ даже предупрежденъ, что противъ него готовится опасный бунтъ и возстаніе. Источникъ этого печальнаго извѣстія былъ вполнѣ надежный. Родной сынъ Варды Склира Романъ явился въ Константинополь къ импер. Василію и сообщилъ ему, что и отецъ его Склиръ и Варда Фока, оба враги императора, заключили условіе о томъ, чтобы захватить власть и подѣлить имперію между собою. Самъ ли Романъ рѣшился на такой поступокъ, видя какую западню готовитъ Фока его отцу и желая по возможности предотвратить грозившую опасность (какъ передаетъ Яхъя), или же Варда Склиръ въ какихъ-нибудь видахъ отправилъ своего сына къ Василію съ доносомъ (какъ передаетъ Кедринъ) [1])—это въ существѣ дѣла все равно; важно и несомненно то, что въ Контантинополѣ заблаговременно знали объ опасности, грозившей царствующимъ братьямъ. А Василій, отлично понимая, что ему предстоитъ отчаянная борьба съ двумя опытнѣйшими полководцами имперіи, въ руки одного изъ которыхъ онъ самъ передалъ и армію (Фока былъ отправленъ противъ Склира), заранѣе до открытаго бунта могъ обсудить и средства для сво-

---

[1]) См. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1883 г. II, 417—420 стр.

ей самозащиты и обдумать планъ для обороны, и не къ этому ли времени, когда мятежъ готовъ былъ вспыхнуть, всего естественнѣе отнести начало переговоровъ между византійскими императорами и кіевскимъ княземъ? Василій II, конечно, принималъ въ соображеніе, что отправленіе посольства, переговоры, заключеніе условій союза, отправленіе военной помощи, въ случаѣ успѣха переговоровъ,— потребуютъ значительнаго количества времени; возможна ли была въ его положеніи медленность дѣйствій? Къ тому же, неизбѣжно представлялась опасность, какъ бы и Фока, для большаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ, не вздумалъ сдѣлать кіевскаго князя своимъ союзникомъ [1]). Нужно было предупредить и эту рѣшительно возможную опасность, чтобы не остаться безъ союзниковъ.

Таковы причины, вызвавшія заключеніе союза между византійскими императорами и кіевскимъ княземъ по поводу бунта Варды Фоки.

Между тѣмъ наша начальная лѣтопись указываетъ совершенно иные мотивы союза Василія съ Владиміромъ. По ея извѣстію, только взятіе Корсуни русскими, угрозы Владиміра даже самому Константинополю побудили императоровъ-братьевъ согласиться на бракъ ихъ сестры съ кіевскимъ княземъ. Не разумѣется ли здѣсь совершенно иной случай, отличный отъ перваго заключенія союза, вызваннаго междоусобіями въ имперіи и ни мало не вынужденнаго со стороны русскихъ?

Проф. Соболевскій, высказывая свое положеніе, что Кедринъ и Зонара дополняютъ разсказъ Яхъи тою подробностію, будто Владиміръ уже послѣ женитьбы на Аннѣ оказалъ помощь византійскимъ императорамъ въ борьбѣ съ Фокою, допускаетъ и предполагаетъ такаго рода стеченіе обстоятельствъ, которое отзывается искусственностію, дѣланностію. Въ самомъ дѣлѣ, къ тому именно времени, когда Византійской имперіи стала грозить опасность отъ бунтовщика Фоки, когда послѣдній провозгласилъ себя императоромъ и

---

[1]) Г. Завитневичъ предполагаетъ, что Фока хотѣлъ склонить Владиміра на свою сторону и дѣйствовалъ посредствомъ посольствъ болгарскаго и хозарскаго. См. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1888 г. II, 429—430 стр.

двинулся къ Константинополю, кіевскій князь только что окончилъ корсунскій походъ, имѣвшій между прочимъ цѣлію добиться родства съ византійскимъ дворомъ. И походъ этотъ, и бракъ Владиміра съ Анною, и отправленіе военной помощи русскихъ въ Константинополь, — всѣ эти событія завершились къ тому именно времени, когда Византіи крайне нужно было союзное войско для подавленія бунта. Подобнаго рода размѣренность фактовъ, хотя и можетъ хорошо удаваться на бумагѣ, но едва ли также хорошо и вѣрно можетъ осуществиться въ дѣйствительности...

На самомъ же дѣлѣ, по извѣстію Яхъи, какъ мы знаемъ, бракъ Владиміра съ Анною (а слѣдовательно и предшествовавшее ему взятіе Корсуни) былъ заключенъ „впослѣдствіи" по отношенію къ тому союзу, который состоялся между императорами и кіевскимъ княземъ по поводу бунта Варды Фоки. Если это такъ, то въ условіяхъ этого союза вполнѣ естественно искать и причинъ враждебныхъ дѣйствій Владиміра противъ Византіи и похода на Корсунь. Во всякомъ случаѣ найденныя такимъ путемъ причины корсунскаго похода будутъ гораздо правдоподобнѣе и естественнѣе, нежели завоеваніе вѣры, указываемое лѣтописною повѣстію. Впрочемъ, входить въ подробности по этому предмету мы не будемъ [1]). Нашею цѣлію было показать, что на извѣстія Кедрина и Зонары рѣшительно нельзя смотрѣть, какъ на дополнительныя по отношенію къ разсказу Яхъи, что у послѣдняго писателя порядокъ фактовъ обозначенъ яснѣе и, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе, нежели у греческихъ компиляторовъ, и этотъ порядокъ не можетъ свидѣтельствовать о правильности лѣтописной хронологіи касательно времени корсунскаго похода, брака Владиміра съ Анною и крещенія кіевлянъ.

Наконецъ, что перечисленныя сейчасъ событія совершились не въ лѣтописномъ 988 г., а позднѣе, по окончаніи уже бунта Варды Фоки, слѣд. справедливо извѣстіе Яхъи, какъ мы его понимаемъ, а не извѣстіе Кедрина и Зонары, какъ понимаетъ его проф. Со-

---

[1]) Извѣстія иноземныхъ писателей мы касаемся здѣсь настолько, насколько нужно для разсмотрѣнія мнѣнія проф. Соболевскаго. Нѣкоторыя относящіяся сюда подробности можно читать на стр. «Христ. Чт. 1888 г. II, 100—161 стр.

болевскій, въ этомъ съ несомнѣнностію убѣждаетъ очень важный византійскій источникъ, разборомъ свѣдѣній котораго проф. Соболевскій и заканчиваетъ свою статью. Этотъ источникъ — исторія Льва діакона, писателя современнаго Василію II, св. Владиміру и крещенію земли русской. Но такъ какъ Левъ діаконъ не подтверждаетъ взгляда проф. Соболевскаго на время взятія Корсуни русскими,—каковое событіе стоитъ въ тѣснѣйшей связи и съ женитьбой Владиміра на Аннѣ и съ крещеніемъ кіевлянъ,—то ученый профессоръ, по возможности, старается умалить значеніе разбираемаго источника. Прежде всего проф. Соболевскій называетъ его „источникомъ, сравнительно, не важнымъ", потому что въ немъ очень мало говорится о Владимірѣ и о событіяхъ на Руси". Но сравнительно съ кѣмъ же Левъ діаконъ источникъ неважный? Не съ компиляторами ли XII в. — Кедриномъ и Зонарою? А развѣ у нихъ о св. князѣ и о событіяхъ на Руси говорится много, подробно и обстоятельно.

Далѣе проф. Соболевскій снисходительно замѣчаетъ, что извѣстіе Льва діакона заслуживаетъ съ его стороны нѣкотораго вниманія. Но почему же только *нѣкотораго* вниманія? Не потому ли ужъ, что слова византійскаго историка, современника русскому крещенію, не подходятъ подъ взглядъ ученаго профессора, но не могутъ быть обойдены и совершеннымъ молчаніемъ?

А между тѣмъ извѣстіе Льва діакона даетъ возможность опредѣлить время такого событія, которое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ крещеніемъ кіевлянъ—взятіе Корсуни русскими. Вмѣсто того, чтобы обосноваться на этомъ свидѣтельствѣ въ своихъ изысканіяхъ по вопросу о времени крещенія земли русской, проф. Соболевскій начинаетъ перетолковывать его и по возможности извращаетъ прямой смыслъ словъ византійскаго историка.

Левъ діаконъ разсказываетъ, что комета, явившаяся въ концѣ царствованія Іоанна Цимисхія (лѣтомъ 975 г.), и огненные столбы, время появленія которыхъ у византійскаго историка не отмѣчено, но о которыхъ говорится послѣ разсказа о событіяхъ 988 г., предсказывали „*послѣдовавшее за тѣмъ* взятіе Херсонеса тавроскиѳами". Яхъя дополняетъ это извѣстіе указаніемъ, что огненные

столбы были видимы 7 апрѣля 989 г., слѣд. взятіе Корсуни русскими могло быть только послѣ сейчасъ указаннаго срока и, значитъ, ошибочна лѣтописная хронологія.

Проф. Соболевскій не отрицаетъ, что огненные столбы, отмѣченные у Яхъи, тѣ самые, которые упоминаются у Льва діакона. Будемъ поэтому думать, что тождество небесныхъ знаменій, упомянутыхъ и у византійскаго историка и у арабскаго, не подлежитъ сомнѣнію. „Этотъ авторъ, т. е. Левъ діаконъ, говоритъ проф. Соболевскій, упомянувъ о взятіи Корсуни русскими и о взятіи Верріи болгарами, замѣчаетъ, что названныя бѣдствія для Византійской имперіи были предвозвѣщены появленіемъ кометы и огненныхъ столбовъ. Такъ какъ о тѣхъ же знаменіяхъ говоритъ Яхъя, относящій появленіе огненныхъ столбовъ къ 7 апрѣля 989 г., а появленіе кометы къ 27 іюля того же года, то должно думать, что Левъ діаконъ считалъ взятіе Корсуни совершившимся послѣ 7 апрѣля или послѣ 27 іюля 989 г., слѣдовательно въ 989 или въ 990 г.“ [1]). Оказывается такимъ образомъ, что завоеваніе Херсонеса тавроскиѳами было предсказано не только огненными столбами, видѣнными, по извѣстію Яхъи, 7 апрѣля 989 г., но и кометою 27 іюля того же года. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ проф. Соболевскій слова Льва діакона. Но то ли на самомъ дѣлѣ говорится у этого византійскаго историка?

Если бы проф. Соболевскій, дѣлающій замѣчанія по адресу другихъ касательно пользованія статьями проф. Васильевскаго, самъ обратился къ нимъ, то увидѣлъ бы, что онъ неправильно понимаетъ текстъ Льва діакона и допускаетъ ошибку для ученаго проф. неизвинительную...

Начиная II главу своихъ „русско-византійскихъ отрывковъ“, проф. Васильевскій приводитъ слова Льва діакона изъ VI гл. X кн. его исторіи: „въ это время, т. е. 975 г., въ началѣ августа мѣсяца явилась на небѣ удивительная, необыкновенная и превышающая человѣческое понятіе комета“. Далѣе у Льва діакона описывается движеніе этой кометы и предсказанныя ею бѣдствія для

---

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1888 г. Іюнь. 402—403 стр.

имперія [1]). Разсказавъ о томъ, что случилось послѣ появленія этого чрезвычайнаго небеснаго знаменія, Левъ въ X гл. еще разъ возвращается къ этой ужасной предвѣстницѣ бѣдствій и говоритъ: „и другія тяжкія бѣдствія предвѣщалъ восходъ появившейся тогда звѣзды, а также показавшіеся въ глухую ночь и опять на сѣверной части неба огненные столбы, наводящіе страхъ на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ—они предсказывали послѣдовавшее затѣмъ взятіе Херсонеса тавроскиоами и захватъ Верріи мисянами (болгарами)“. Проф. Васильевскій замѣчаетъ, что первыя слова приведеннаго отрывка относятся еще къ кометѣ 975 года; а Левъ діаконъ непосредственно за выписанными сейчасъ словами говоритъ о явленіи новой кометы: „и сверхъ того (предвѣщала бѣдствія) звѣзда, появляющаяся съ закатомъ солнца на западѣ“, которая своими „рѣзкими и быстрыми передвиженіями“ наводила ужасъ на всѣхъ, „видящихъ это“ [2]). Вотъ эта-то комета, по извѣстію Яхъи, и явилась 27 іюля 989 г. Спрашивается, почему же проф. Соболевскій считаетъ и ее предвѣстницею взятія Корсуни русскими? Имѣется ли для этого какое-нибудь основаніе въ текстѣ Льва діакона? Совершенно нѣтъ. Очевидно проф. Соболевскій смѣшалъ кометы 975 и 989 г., отъ каковаго смѣшенія между прочимъ и предостерегалъ проф. Васильевскій, указывая примѣръ его у переводчика исторіи Льва діакона, Д. Попова, который не понялъ, что въ X гл. X кн. у Льва говорится о появленіи новой кометы (989 г.), а не о какой либо вышеупомянутой“ [3]). Подобную этой ошибку допускаетъ и проф. Соболевскій...

Конечно сущность дѣла не измѣняется отъ того, какою кометою предсказывалось взятіе Корсуни русскими; выводъ неизмѣнно остается тотъ же, какой указанъ выше, что этотъ фактъ могъ совершиться только послѣ 7 апрѣля 989 г. Какъ же смотритъ на такой выводъ проф. Соболевскій? Онъ находитъ, что „извѣстіе Льва діакона до нѣкоторой степени совпадаетъ съ извѣстіемъ „Похвалы“ Іакова о вторичномъ взятіи Корсуни Владиміромъ въ 990 г.

---

[1]) Ibid. 1876 г. Мартъ. 117—118 стр.
[2]) Ibid. 156 стр.
[3]) Ibid. 156 стр. прим.

и какъ бы находитъ себѣ въ послѣдующемъ подтвержденіе", но оно не говоритъ нисколько въ пользу выводовъ г. Завитневича" [1]).

Почему же извѣстіе Льва діакона только до нѣкоторой степени совпадаетъ съ извѣстіемъ „Похвалы" и въ чемъ? Вѣдь вторичнаго корсунскаго похода св. Владиміра Соболевскій не признаетъ; имѣющееся, будто бы, указаніе на него у Іакова (на самомъ же дѣлѣ у Іакова совсѣмъ нѣтъ указаній на два похода подъ Корсунь) ученый профессоръ считаетъ ошибкой; какое же можетъ быть совпаденіе между извѣстіемъ о событіи несуществовавшемъ и извѣстіемъ о событіи, несомнѣнно бывшемъ (которое отмѣчено у Льва діакона)? Въ чемъ „послѣдующемъ" находитъ себѣ подтвержденіе извѣстіе Льва діакона и какое именно подтвержденіе? Это уже совершенно неясно и непонятно!..

Наконецъ, почему же извѣстіе Льва діакона нисколько не говоритъ въ пользу выводовъ г. Завитневича, о чемъ проф. Соболевскій выражается категорически? Кажется прямо напротивъ. Г. Завитневичъ, опредѣляя время взятія Корсуни русскими, рядомъ съ показаніемъ „Похвалы" имѣлъ въ виду слова Льва діакона, какъ подтверждающія его мнѣніе. Какимъ же образомъ источникъ, на которомъ опирается г. Завитневичъ въ своихъ изысканіяхъ, нисколько не подтверждаетъ его выводовъ?!.

Впрочемъ, далѣе проф. Соболевскій старается разъяснить такую странность и высказываетъ свое пониманіе извѣстія Льва діакона. „По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, мы имѣемъ здѣсь (въ извѣстіи Льва діакона о времени взятія Корсуня русскими) дѣло съ случайностію: какъ Іаковъ могъ сдѣлать ошибку, замѣнивъ глаголъ *созда* глаголомъ *взя*, такъ точно и Левъ діаконъ, писавшій, конечно, нѣсколько времени спустя послѣ упомянутыхъ имъ событій, могъ смѣшать событіе 988 г., взятіе Корсуни, съ событіями 989 г. и увидѣть въ знаменіи послѣдующаго года предвѣстіе событія 988 г." [2]).

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Оказывается, что извѣстіе Льва діакона о взятіи Корсуни неправильно и спутано. Понятно, такимъ образомъ, что оно не подтверждаетъ выводовъ г. Завитневича; а

---

[1]) Журн. Мин. Н. Просв. 1888 г. Іюнь. 403 стр.
[2]) Ibid.

также понятно и то, въ чемъ это извѣстіе совпадаетъ съ показаніемъ Іакова о (мнимомъ) второмъ корсунскомъ походѣ св. Владиміра—въ невѣрной передачѣ фактовъ, въ спутанности ихъ, во лжи, хотя и не намѣренной, чего, къ сожалѣнію, доселѣ, до Соболевскаго, никто не усмотрѣлъ ни у Іакова, ни у Льва діакона. Какъ древнѣйшій русскій писатель не могъ отличить глагола *„созда“* отъ *„взя“* и, конечно, по своему невѣжеству, вмѣсто основанія Корсуни на Руси, говоритъ о какомъ-то завоеваніи Корсуни, такъ и Левъ діаконъ могъ перемѣшать событія и, по забвенію, счесть знаменіе 989 г. предвѣстникомъ бѣдствій, бывшихъ еще въ 988 г. (и кажется въ началѣ его).

Но какая удивительная случайность! Византійскій историкъ конца X вѣка и русскій писатель XI в., совершенно независимый отъ перваго, сдѣлали ошибку, касающуюся одного и того же факта и—что замѣчательно—совпадающую въ хронологическомъ отношеніи, какъ будто она явилась или вслѣдствіе взаимнаго соглашенія автора, или вслѣдствіе заимствованія свѣдѣній однимъ у другого. Но ни того, ни другого допустить невозможно, и остается только удивляться тому, какія бываютъ согласныя и роковыя ошибки!.. Но читатель, конечно, видитъ, что въ извѣстіяхъ Льва діакона и мниха Іакова мы имѣемъ дѣло вовсе не съ ошибкой, а съ историческимъ фактомъ, дѣйствительное существованіе котораго санкціонировано авторитетомъ двухъ древнѣйшихъ писателей.

Проф. Соболевскій указываетъ, что заподозрѣнное имъ у Льва діакона смѣшеніе событій неудивительно, такъ какъ указанный авторъ писалъ свою исторію „конечно нѣсколько времени спустя послѣ упомянутыхъ имъ событій“. Однако, какъ великъ этотъ промежутокъ времени? Левъ діаконъ, скажемъ словами проф. Васильевскаго, писалъ „свою извѣстную всѣмъ исторію славныхъ для Византіи царствованій Никифора Фоки и Цимисхія черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія кометы“ 975 г. [1]), слѣд. непосредственно послѣ появленія огненныхъ столбовъ 989 г. Притомъ же вполнѣ естественно, что, задумавъ составленіе исторіи, онъ, во избѣжаніе за-

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. Мартъ 118 стр.

бывчивости, могъ дѣлать своевременныя отмѣтки важнѣйшихъ событій. Затѣмъ, Левъ діаконъ, какъ будто намѣренно, отмѣчаетъ, что взятіе Херсонеса тавроскиѳами по отношенію къ явленію огненныхъ столбовъ (7 апрѣля 989 г.) было событіемъ послѣдующимъ; ясно, что онъ поступаетъ такъ въ полной увѣренности касательно справедливости передаваемаго имъ. Вѣдь не перемѣшалъ же онъ явленіе кометы (989 г.) и предсказанное ею землетрясеніе, такъ почему непремѣнно нужно думать, что путаница произошла только въ указаніи на огненные столбы и взятіе Корсуни?

Г. Завитневичъ обращаетъ вниманіе еще на слѣдующее. Левъ діаконъ свою исторію оканчиваетъ собственно смертію Цимисхія, и „всему тому, что у него сообщается послѣ 976 г., мы обязаны почти исключительно его страсти къ описыванію и толкованію необыкновенныхъ явленій, въ чемъ онъ чувствуетъ себя тонкимъ спеціалистомъ". Поводомъ ко внесенію въ исторію позднѣйшихъ событій было слѣдующее. Въ августѣ 975 г., какъ уже сказано выше, явилась необыкновенная комета, обратившая на себя общее вниманіе. Императоръ Іоаннъ Цимисхій за разъясненіемъ смысла появленія этого „страшилища" обратился къ „избраннѣйшимъ изъ тогдашнихъ мудрецовъ"—логоѳету и магистру Симеону и архіепископу никомидійскому Стефану. Эти „объяснили появленіе кометы не такъ, какъ это давала разумѣть ихъ наука, а примѣняясь къ желанію государя". . [1]) Левъ діаконъ, недовольный ихъ толкованіями, напротивъ считаетъ видѣнное знаменіе предвѣстникомъ бѣдствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ и другія небесныя явленія, предвѣщавшія несчастія. „Ясно, что вступая, такъ сказать, въ полемику по вопросу о значеніи знаменій съ спеціалистами этого дѣла, Левъ діаконъ долженъ былъ вести себя какъ можно осторожнѣе"... [2]), чтобы избѣжать ошибокъ отъ невнимательности и забвенія, дабы не признать небесное явленіе предвѣстникомъ такихъ несчастій, которыя уже совершились прежде.

Принимая во вниманіе все указанное, можемъ ли мы голо-

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Мартъ 117—118 стр
[2]) Труды Кіевск. Дух. Акад. 1888 г. II, 669—670 стр.

словно утверждать, что Левъ діаконъ допустилъ путаницу тамъ, гдѣ говоритъ о взятіи Корсуни и о небесномъ знаменіи, предсказывающемъ это взятіе? Если подобные промахи мы признаемъ у писателя заслуживающаго довѣріе и современника описываемому событію, то что должны подумать о качественности извѣстій писателей позднѣйшихъ, не высоко стоящихъ по научной компетентности и почерпавшихъ свои свѣдѣнія уже изъ вторыхъ рукъ?

Проф. Соболевскій и самъ признаетъ только *возможность* ошибки въ извѣстіи Льва діакона; но возможность еще не есть дѣйствительность, „и прежде чѣмъ истолковывать ошибку, нужно доказать ея существованіе“ [1]); но сдѣлать это и оказывается непосильнымъ для защитниковъ лѣтописи. Не разъ высказываемыя подозрѣнія ихъ, будто и тотъ писатель исказилъ текстъ своего первоисточника и другой перемѣшалъ событія, указываютъ не на безпристрастное, объективное изслѣдованіе источниковъ, а на перетолкованіе ихъ для цѣли напередъ намѣченной...

Впрочемъ, проф. Соболевскій и самъ вполнѣ сознаетъ крайнюю слабость своего мнѣнія и шаткость представленнаго имъ пониманія извѣстія Льва діакона, и въ концѣ концовъ согласенъ, что на основаніи этого извѣстія *должно* взятіе Корсуни отнести къ 989 г. Безъ сомнѣнія, такое признаніе профессора равно отказу отъ своего мнѣнія. Но Соболевскій противопоставляетъ свидѣтельству Льва діакона извѣстія другихъ писателей и такъ какъ находитъ между ними несогласіе, то и предпочитаетъ лучше вѣрить послѣднимъ, нежели первому. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, мы не видимъ достаточнаго основанія относить взятіе Корсуни, крещеніе Владиміра, его женитьбу, вопреки всѣмъ русскимъ источникамъ, вопреки Яхъѣ, Кедрину и Зонарѣ, къ 989 г., какъ это *должно дѣлать* на основаніи извѣстія Льва діакона [2]).

Рѣшительно непонятно, на какомъ основаніи проф. Соболевскій говоритъ, будто по извѣстію Льва діакона крещеніе Владиміра должно относить къ 989 г. Византійскій историкъ совер-

---

[1]) Ibid. 669 стр.

[2]) Журн. Минист. Нар. Просв. 1888 г. Іюнь, 403 стр.

шенно не касается этого событія; онъ даетъ возможность опредѣлить время лишь взятія Корсуни, съ каковымъ событіемъ тѣсно связано крещеніе земли русской. Но послѣдняго факта Соболевскій въ приведенномъ мѣстѣ не касается, потому что признаетъ его совершившимся только въ 989 г., вопреки прямому указанію лѣтописи. Относительно крещенія св. Владиміра ученый профессоръ держится, конечно, того мнѣнія, что оно совершилось въ Корсуни, по ея завоеваніи, слѣдовательно, по Льву діакону, въ 989 г.; но въ данномъ случаѣ извѣстіе византійскаго историка дополняетъ мнихъ Іаковъ, передающій, что Корсунь взята Владиміромъ уже послѣ крещенія на третье лѣто, значитъ и изъ словъ Льва діакона нѣтъ никакой необходимости выводить заключеніе, что св. князь крестился въ 989 г.

Проф. Соболевскій самоувѣренно заявляетъ, что извѣстіе Льва діакона противорѣчитъ всѣмъ русскимъ источникамъ. Но какимъ же именно? „Сказанію" ли о Борисѣ и Глѣбѣ и „Чтенію" преп. Нестора, которыя о взятіи Корсуни русскими не говорятъ, а крещеніе Владиміра относятъ къ 987 г.? Или же мниху Іакову, который въ опредѣленіи времени взятія Корсуни сходится со Львомъ діакономъ? Осталась лѣтопись. Дѣйствительно, ея дата не находитъ себѣ подтвержденія у византійскаго историка X вѣка.

Соболевскій указываетъ на Яхъю, разсказъ котораго профессоръ считаетъ очень неопредѣленнымъ; но Яхъя о взятіи Корсуни не говоритъ, а бракъ Владиміра съ Анною ставитъ „впослѣдствіи" по отношенію къ договору о помощи и, безъ сомнѣнія, позднѣе 988 года.

Наконецъ, Кедринъ и Зонара!.. Но если бы ихъ извѣстія и находились въ противорѣчіи съ извѣстіемъ Льва діакона, то мы все-таки безъ колебанія довѣрились бы второму, нежели первымъ двумъ, помня указанное выше правило для оцѣнки историческихъ свидѣтельствъ...

Притомъ же, съ точки зрѣнія проф. Соболевскаго, рѣшительно излишне противопоставлять Льву діакону другіе авторитеты. Гдѣ они? Мнихъ Іаковъ, по Соболевскому, писатель не древній и мало заслуживающій вѣры. Авторъ „Сказанія"—писатель несамо-

стоятельный. Преп. Несторъ только мимоходомъ говоритъ о Владимірѣ, и его замѣтка не имѣетъ права на довѣріе. Яхъя настолько не точенъ, что его извѣстія приходится дополнять изъ Кедрина и Зонары. Да и самъ Левъ діаконъ—писатель „неважный", заслуживающій изъ снисхожденія только „нѣкотораго вниманія".

Такъ, по возможности, унижены проф. Соболевскимъ всѣ болѣе важные источники для опредѣленія времени крещенія св. Владиміра и Руси. Единственно авторитетнымъ источникомъ должна быть признана лѣтопись. Но, къ удивленію, проф. Соболевскій, порицающій г. Завитневича за то, что онъ „не захотѣлъ воспользоваться" этимъ источникомъ, самъ не обнаруживаетъ полнаго довѣрія къ нему и, какъ мы знаемъ, признаетъ нѣкоторыя показанія его не вполнѣ правильными и требующими критическаго отношенія къ нимъ, и замѣчательно, что неточность лѣтописной хронологіи признается профессоромъ въ вопросѣ очень важномъ о времени крещенія кіевлянъ, т. е. тамъ, гдѣ больше всего и должно было обнаружиться довѣріе къ лѣтописи.

Если же единственный и послѣдній источникъ для опредѣленія времени крещенія св. Владиміра и Руси не отличается полною авторитетностію и достовѣрностію, а для провѣрки его не имѣется твердыхъ данныхъ, то что же осталось? Безпредѣльная область догадокъ и предположеній, не имѣющихъ подъ собою уже фактической почвы, произвольное пониманіе историческихъ памятниковъ, тонкія филологическія изысканія... Подобное отношеніе къ историческимъ свидѣтельствамъ, какъ естественно, отразилось неблагопріятно и на изслѣдованіи проф, Соболевскаго. Вмѣсто объективнаго историческаго изслѣдованія создался личный взглядъ профессора, — взглядъ притомъ же не отличающійся устойчивостію и опредѣленностію, такъ что по вопросу о времени крещенія кіевлянъ, по мнѣнію Соболевскаго, можно думать и такъ и иначе, а въ существѣ дѣла неизвѣстно какъ.

Въ нашу статью почти цѣликомъ вошла критическая замѣтка проф. Соболевскаго; шагъ за шагомъ мы слѣдили за аргументаціей этого ученаго, и читатель можетъ судить о добытыхъ профессоромъ результатахъ по вопросу о времени крещенія св. Владиміра

и Руси. Ученый профессоръ далъ намъ возможность снова коснуться тѣхъ источниковъ по указанному предмету, посильное пониманіе которыхъ было высказано нами на страницахъ „Христіанскаго Чтенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ статья проф. Соболевскаго, а также мнѣнія другихъ лицъ, упоминаемыхъ нами выше, помогаютъ опредѣлить тѣ возраженія, которыя высказываются защитниками лѣтописи противъ несогласнаго съ ними мнѣнія, выяснить критическіе пріемы, ри помощи которыхъ ведется объясненіе текста древнихъ памятниковъ. Ознакомленіе съ такими возраженіями, должно признаться, не повело насъ къ перемѣнѣ прежде высказаннаго мнѣнія, и мы пока остаемся при немъ, хотя никогда не рѣшились бы, по одному упорству, отстаивать его, вопреки очевиднымъ доказательствамъ противнаго, если бы таковыя доказательства были представлены...

Остается подвести, такъ сказать, итоги сказанному, резюмировать его, сдѣлать выводы. Но въ существѣ дѣла они должны быть тѣже, какіе указаны нами въ статьѣ „къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси" [1]); отчасти такіе выводы сдѣланы выше, въ самомъ изложеніи при разборѣ мнѣнія проф. Соболевскаго. Укажемъ лишь нѣкоторые выводы изъ предыдущаго изложенія, примѣнительно къ сказанному проф. Соболевскимъ.

1) Изъ русскихъ источниковъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси, ни „Похвала Володимеру" мниха Іакова, ни „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ неизвѣстнаго автора, ни „Чтеніе" преп. Нестора по своей древности нисколько не уступаютъ лѣтописи. „Похвала" мн. Іакова попрежнему остается древнѣйшимъ и авторитетнѣйшимъ памятникомъ русской литературы.

2) Повѣсть о крещеніи Владиміра и Руси, помѣщенная въ лѣтописи, въ хронологическомъ отношеніи не можетъ быть признана удовлетворительною.

3) Хронологія „Похвалы" отличается отъ хронологіи лѣтописи, и попытки соглашенія ихъ нельзя назвать удачными и правильными.

---

[1]) Христ. Чтеніе 1888 г. II, 153—155 стр.

4) Мнѣніе, что мн. Іаковъ не понялъ и исказилъ текстъ своего (мнимаго) первоисточника—голословное обвиненіе, не заслуживающее вѣры.

5) Свидѣтельство Кедрина и Зонары по авторитету стоитъ ниже другихъ извѣстныхъ источниковъ по указанному вопросу.

6) Разсказъ Яхъи, хотя и не безусловно точенъ, даетъ однако возможность опредѣлить время крещенія Руси по событіямъ византійской исторіи.

7) Левъ діаконъ въ своемъ обозначеніи времени завоеванія Корсуни русскими заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Порядокъ фактовъ, соприкосновенныхъ съ началомъ христіанства въ нашемъ отечествѣ, коротко можетъ быть указанъ такъ:

a) Владиміръ лично крестился въ 987 г. и не въ Корсуни.

b) Двухъ корсунскихъ походовъ св. князя, несомнѣнно, не было.

c) Корсунь взята въ 989 г.

d) Крещеніе Руси началось уже по завоеваніи Корсуни и по всей вѣроятности въ 990 году.

Г. Матченко, „исчерпавъ кругъ болѣе или менѣе спорныхъ вопросовъ, касающихся крещенія Владиміра и всей земли русской“ и коснувшись „положенія въ настоящее время въ исторической литературѣ изслѣдуемаго предмета вообще“, съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что это „положеніе болѣе, чѣмъ когда либо—шаткое и безнадежное. Лѣтопись, по которой цѣлыя столѣтія Русь изучала исторію и своего просвѣщенія, и личность просвѣтителя,—въ послѣднее время въ глазахъ ученыхъ,—потеряла значеніе достовѣрнаго и цѣннаго первоисточника“... „Лѣтописная исторія крещенія Руси—въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ“. Очевидно, г. Матченко сильно желалъ бы, чтобы эта исторія была не подсудна исторической критикѣ, принималась всѣми на вѣру и была защищаема всякимъ способомъ (ужъ не потому ли, что она не можетъ выдержать строгой критики?). Правда, за ней многовѣковой авторитетъ; но кто же не знаетъ, что иногда ученія и мнѣнія, считавшіяся правильными въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, въ концѣ концовъ при-

знавались неточными и прямо ложными?!. А въ томъ, прискорбномъ для г. Матченко, обстоятельствѣ, что лѣтопись потеряла значеніе „достовѣрнаго и цѣннаго первоисточника", непричастны ли и сами защитники ея, незамѣтно, но неизбѣжно подкапывающіе авторитетъ своего руководства, что̀ мы и видѣли, наприм., у проф. Соболевскаго?

Ссылаясь на проф. Малышевскаго, г. Матченко „высказываетъ ту непреложную истину, что разъ мы оставили лѣтопись—догадкамъ и предположеніямъ конца не будетъ. И кажется, на эту именно дорогу мы и выступили теперь по вопросу о крещеніи Руси; къ чему она поведетъ—покажетъ будущее" [1]). Будущее, конечно, неизвѣстно, а на дорогу догадокъ и предположеній дѣйствительно выступили защитники лѣтописи въ лицѣ проф. Соболевскаго. Въ настоящее время она привела ихъ къ отрицанію древности важнѣйшихъ памятниковъ, къ натянутымъ объясненіямъ, перетолкованіямъ историческихъ свидѣтельствъ, словомъ,—къ результатамъ нежелательнымъ въ интересахъ исторической правды. Къ чему придутъ защитники лѣтописи, если пойдутъ такимъ путемъ дальше и дальше,—покажетъ будущее...

Н. Левитскій.

---

[1]) Странникъ 1889 г. I, 107—108 стр.

Изъ «Христ. Чтен.» №№ 3—4, 5—6, 7—8 и 9—10 за 1890 г.

Печатать позволяется. 30 Іюля 1890 г. Заслуженный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Иванъ Троицкій*.

Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.

2007111531